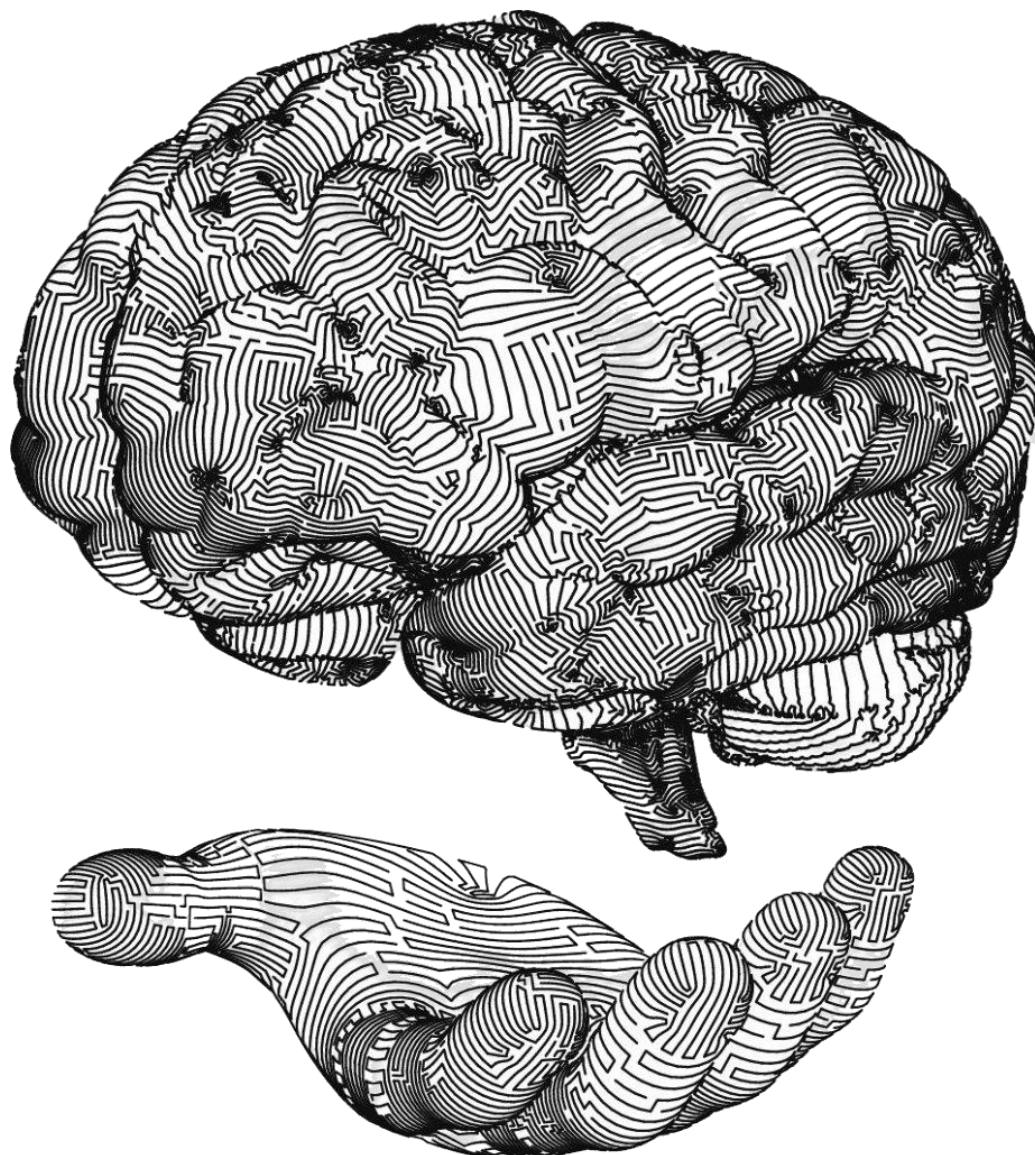

Феномен Победы

как историко-психологическое явление

Материалы

57-й Международной научной конференции

Санкт-Петербург, 23 июня 2025 г.

Санкт-Петербург

2025

«Феномен Победы как историко-психологическое явление»

Материалы
57-й Международной научной конференции
Санкт-Петербург, 23 июня 2025 г.

Санкт-Петербург
2025

ББК 63.3(0)

И 73

Под редакцией
доктора исторических наук, профессора
Сергея Николаевича Полторака

Феномен Победы как историко-психологическое явление: Материалы
57-й Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 23 июня 2025 г. / под ред. д-ра
ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Полторак, 2025. 96 с.

В сборник материалов 57-й Международной научной конференции Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева вошли доклады и сообщения ученых из России, США, Франции, Азербайджана. В публикациях рассмотрен феномен Победы как историко-психологическое явление. В работе конференции приняли участие историки, культурологи, политологи, экономисты, психологи, философы и другие специалисты. Материалы конференции представляют интерес для широкого круга читателей – любителей истории.

ISBN 978-5-6054193-0-3

©Авторы статей, 2025
©ООО «Старый город», 2025

Дневники В.И. Вернадского как источник изучения общественно-политических настроений советской научной интеллигенции в начальный период Великой Отечественной войны

The diaries of V.I. Vernadsky as a source for studying the socio-political sentiments of the Soviet scientific intelligentsia in the initial period of the Great Patriotic War

Аннотация. В работе исследуются дневниковые записи В.И. Вернадского начального периода Великой Отечественной войны. Анализ указанных документов позволяет определить общественно-политические настроения выдающегося ученого как представителя советской научной интеллигенции.

Ключевые слова: В.И. Вернадский, дневники, начальный период Великой Отечественной войны, научная интеллигенция, общественно-политические настроения.

Abstract. The paper examines the diary entries of V.I. Vernadsky from the early period of the Great Patriotic War. The analysis of these documents allows us to determine the socio-political sentiments of the outstanding scientist as a representative of the Soviet scientific intelligentsia.

Key words: V.I. Vernadsky, diaries, initial period of the Great Patriotic War, scientific intelligentsia, socio-political sentiments.

Владимир Иванович Вернадский – российский, советский ученый-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель, является создателем научных школ в минералогии и геохимии, а также науки биогеохимии. Несмотря на неоднозначное отношение В.И. Вернадского к установлению в России Советской власти, он сделал многое для экономического и научного развития СССР. В 1915—1930 годах он был председателем Комиссии по изучению естественных производительных сил России, являлся одним из создателей плана ГОЭЛРО. В.И. Вернадский участвовал в создании в январе 1922 года Радиового института, который возглавлял по 1939 год. Летом 1940 года по инициативе Вернадского начались исследования урана на получение ядерной энергии [1, с. 1].

В годы политических репрессий Вернадский ушёл со всех административных постов, оставаясь только научным консультантом, чтобы не участвовать в «чистках». Однако записи в дневнике, который В.И. Вернадский вел долгие годы, позволяют узнать, как он пытался защитить от политических репрессий многих своих друзей, коллег, учеников, как материально поддерживал семьи пострадавших. Реагируя на эти события, В.И. Вернадский записал в своем дневнике: «Вместо жандармов – ГПУ. ... те же приемы и те же типы. ...старое переплелось с новым и живым и важным и его гноит» [1, с. 17]. Особенные страдания у В.И. Вернадского вызывали сведения о положении на Украине, с которой он был коренным образом связан [1, с. 20]. Размышления над происходящим и его анализ привели В.И. Вернадского к выводу, что виной всему не политический курс, предлагаемый советским руководством, а бюрократия, воплощающая его в жизнь. «Во что обернется все, если не будет Сталина-Молотова, даже если не будет внешней войны...», – заметил В.И. Вернадский в своем дневнике 19 декабря 1938 года [1, с. 4]. Подобные оценки и выводы В.И. Вернадский сохранил и в будущем, осмысливая события начавшейся в 1941 году Великой Отечественной войны.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны В.И. Вернадский в составе группы академических работников и их семей был эвакуирован в Казахстан. Прежде всего, он переживал, что из-за преклонного возраста не мог лично участвовать в борьбе с фашистской агрессией: «... только случайность жизни и годы морально освобождают меня от участия в ней – но оборонную работу ведет моя лаборатория. В ту войну я более *лично* в ней работал» [2, с.175]. Действительно, находясь в эвакуации, В.И. Вернадский, которому было уже 78 лет, продолжал заниматься научными разработками. При этом, на первое место им

были вынесены те задачи, которые напрямую касались борьбы с фашизмом и помощи фронту: «Тематика должна быть пересмотрена с точки зрения войны. Из предложений новых – витамины (шиповник), поиски каучуконосов» [2, с. 36]. Однако нельзя не отметить, что В.И. Вернадский, обладая даром научного предвидения, занимаясь актуальными разработками, одновременно определял научные проблемы на перспективу. В этой связи необходимо отметить его пристальное внимание к изучению явления радиоактивности [1, с. 104]. Будучи создателем и до 1939 года руководителем Радиевого института, В.И. Вернадский еще в преддверие войны настаивал на активизации исследований атомной энергии. Так, 18 июня 1941 года он записал в своем дневнике: «17 июня 1941 года В.Г. Хлопин, как председатель Урановой Комиссии, по согласованию со мной – подал в Президиум от имени своего, моего, как заместителя председателя, и А.Е. Ферсмана, как председателя бригады, ездившей на Табошарский рудник весной, <заявление> об обращении в Правительство от Урановой Комиссии об изменении решения начальника Главметалла Егошина и наркома цветных металлов Ломова ... направить Табошарское месторождение на «консервацию» [3]. Дневниковые записи 13 и 14 июля 1941 года подтверждают, что В.И. Вернадский был осведомлен о положении в области исследования атомной энергии, в том числе в СССР: «Что происходит на фронте? – Начало развала гитлеровской силы? Или остановка перед применением последнего отчаянного средства — газов или урановой энергии? Сейчас положение немцев еще более безнадежное. Газы и урановая энергия – все эти возможности есть и у нас. И это очень обоюдоострое средство» [3]. И наконец, 13 марта 1943 года В.И. Вернадский обратился к Президенту АН СССР В.Л. Комарову с запиской о необходимости восстановления деятельности Урановой комиссии, «имея в виду как возможность использования урана для военных нужд, так и необходимость быстрой реконструкции последствий разрушений от гитлеровских варваров» [2, с. 495]. И, конечно, имя В.И. Вернадского по праву включено в список разработчиков Атомного проекта СССР [4, с. 8, 11, 12].

Одновременно с продолжением исследовательской работы В.И. Вернадский с первых дней войны активно включился в общественную деятельность с целью объединить ученых всего мира для борьбы с фашизмом: «29.VI.1941 появилось в газетах воззвание Академии Наук «К ученым всех стран», которое и я подписал. Я думаю, что такое воззвание может сейчас иметь значение» [3]. 14 июля он записал в своем дневнике: «Вчера еще много времени заняло – обращение от ВОКС об организации выступления советских ученых для Англии. Мое личное <обращение> я переделал» [3]. А 16 июля накануне отъезда В.И. Вернадского в эвакуацию в его дневнике появляется запись: «Утром вчера в радиоцентре <состоялось> мое обращение к английским ученым в связи с заключением военного договора с Англией» [1, с. 106; 3]. Осенью 1941 года по решению ЦК ВКП(б) был создан Антифашистский комитет советских ученых, который провел за время войны 200 радиопередач [5]. На антифашистском митинге ученых в Москве, прошедшем 12 октября 1941 года, было заявлено: «Мы, ученые всех стран, должны отдать все свои силы и знания борьбе против самой страшной тирании, какую знает история, - против гитлеризма» [6, с. 5]. Под этим обращением стоит подпись и В.И. Вернадского как члена Антифашистского комитета советских ученых [1, с. 105, 122].

Вера в то, что неминуемо будет одержана победа над фашистской Германией, пронизывает дневниковые записи В.И. Вернадского с самых первых дней войны. 30 июля 1941 года он записал: «Основные линии верны. Создание сознательное могущественной военной силы, независимой от извне в своем вооружении, примат в данном моменте этого создания в государственной жизни – правильная линия, взятая Сталиным. Настроение кругом это создает здоровое. Принципы большевизма – здоровые – трудни и полиция – язвы, но здоровые основы, мне кажется, несомненно, преобладают» [2, с. 27]. Можно предположить, что В.И. Вернадский выражал уверенность в скорой победе над фашистами из-за плохой информированности. Однако дневниковые записи последующих месяцев содержат столь же оптимистичные прогнозы. Так, в августе 1941 года в дневнике

отмечено: «Все-таки немцы наступают. Я глубоко убежден в их близком провале» [2, с. 37]. Даже получая от новых приезжающих в эвакуацию информацию о дальнейшем продвижении фашистов, об оставлении Смоленска, В.И. Вернадский продолжал верить в окончательный разгром врага: «А между тем я по-прежнему считаю гибель гитлеровской Германии неизбежной и, вероятно, являюсь наибольшим оптимистом - благодаря сознанию ноосферы» [2, с. 39]. Кроме научных знаний и аналитических способностей веру В.И. Вернадского в победу над фашизмом питала глубокая убежденность в народном характере войны, в патриотизме советских людей: «Мне кажется, патриотизм, мужество, авиация – перевес на нашей стороне» [2, с. 45–46]. Причину же трагических отступлений, потерь, блокадного окружения Ленинграда он видел в довоенных репрессиях, в государственной и партийной бюрократии: «Все недостатки аппарата сказались. Не коммунисты сейчас ведущие, а патриотизм народных масс» [2, с. 86]. С началом контрнаступления под Сталинградом вера В.И. Вернадского в победу еще более укрепилась: «... в общем – война народная... я уверен в огромном будущем» [2, с. 276, 277].

Веря в окончательную победу советского народа в Великой Отечественной войне, В.И. Вернадский неоднократно размышлял над необходимостью суда над фашистами: «Варварство немцев – я думаю – не может пройти без той или иной формы суда» [2, с. 88, 187]. Но главное – его вера в разгром агрессоров была настолько прочной и непоколебимой, что даже в самые тяжелые периоды войны он размышлял над планами послевоенного восстановления СССР [2, с. 205], роли в этом Академии Наук и возрождении международных научных связей [2, с. 242]. 17 декабря 1941 года он записал в дневнике: «Я думаю, что структура нашей Академии отвечает потребности послевоенного времени» [2, с. 93]. А в разгар контрнаступления под Сталинградом 2 декабря 1942 года В.И. Вернадский отметил в дневнике: «Думаю об организации научной работы в государственном масштабе после окончания войны» [2, с. 281]. Результатом размышлений стала записка В.И. Вернадского на имя Президента АН СССР В.Л. Комарова по поводу организации работы АН после окончания войны [2, с. 281]. К сожалению, В.И. Вернадский скончался в феврале 1945 года, не дожив несколько месяцев до победного завершения Великой Отечественной войны.

Таким образом, дневниковые записи В.И. Вернадского начального периода Великой Отечественной войны в полной мере отражают его общественно-политические настроения как великого человека, ученого и гражданина.

Литература и источники

1. Вернадский В.И. Дневники. 1935-1941. В 2-х книгах. Книга 1: 1935-1938. М., «Наука», 2006. 443 с.
2. Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943. М.: РОССПЭН, 2010. 542 с.
3. Вернадский В.И. «Коренные изменения неизбежны». Дневник 1941 года. URL: https://royallib.com/read/vernadskiy_vladimir/korennie_izmeneniya_neizbegni_dnevnik_1941_goda.html#143360 (дата обращения: 15.05.2025).
4. Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2. Кн. 6. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2006. 896 с.
5. Петрова Н.К. Антифашистские комитеты. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/696941 (дата обращения: 15.05.2025).
6. Обращение к ученым всего мира. // Антифашистский митинг ученых в Москве 12 октября 1941 г. / Академия наук Союза ССР. Москва; Ленинград: издательство Академии наук Союза ССР, 1942. 56 с.

Блокадные дни жителей города на Неве на страницах «Ленинградской правды»

The blockade days of the city on the Neva on the pages of Leningradskaya Pravda

Аннотация. Блокада Ленинграда, длившаяся 872 дня, навсегда останется в истории одной из самых ее трагичных страниц. Цель работы – используя материалы «Ленинградской правды», показать самоотверженную борьбу советского народа против немецких захватчиков, как исключительный пример в отечественной и мировой истории.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, Стахановское движение, стахановцы, тыл в годы войны, дети блокадного Ленинграда, периодическая печать, Гатчина.

Abstract. The 872-day siege of Leningrad will forever remain one of the most tragic pages in history. The purpose of the work is to use materials from Leningradskaya Pravda to show the selfless struggle of the Soviet people against the German invaders as an exceptional example in Russian and world history.

Keywords: Leningrad blockade, Great Patriotic War, Stakhanovite movement, Stakhanovites, rear during the war, children of besieged Leningrad, periodical press, Gatchina.

Свидетельства скорбных дней жителей города на Неве запечатлены в источниках личного происхождения – письмах, воспоминаниях, дневниках, а также на страницах периодической печати. Блокада стала моральным и физическим испытанием для ленинградцев [1]. Но не все смогли пережить страшный голод и бомбежки, а главное, сохранить в себе человеческие черты.

Начавшаяся война изменила уклад повседневной жизни [2]. Почти в каждом номере газеты «Ленинградская правда» размещались публикации о жизни детей блокадного города. Повсюду учреждались детские дома, интернаты, но их всегда не хватало для того, чтобы разместить всех нуждавшихся. Взрослые как можно скорее стремились обеспечить их эвакуацию [3]. Дорога была длинной и тяжелой. Нередкими были бомбежки. Особенно тяжело было маленьким детям. В условиях нехватки продуктов питания и рано наступивших заморозков немногие добрались до спасительного пункта. Те, кому удавалось преодолеть все препятствия, по прибытии часто не могли самостоятельно передвигаться вследствие длительного недоедания, постоянно пребывали в подавленном морально-психологическом состоянии. Большим подспорьем в деле организации детского питания стали приусадебные участки, где можно было выращивать овощи [4].

На страницах «Ленинградской правды» публиковались фото детей-инвалидов, получивших увечья в результате зверств фашистов. Так, в одном из выпусков была размещена фотография пятерых детей – Вани Бойцова, Пети Земледельцева, Коли Васильева, Миши Яковлева и Коли Алексеева [5].

Проблема инвалидности военнослужащих всегда остается одной из острых. Вряд ли даже самые современные протезы помогут облегчить жизнь тем, кто получил тяжелые ранения во время боевых действий. В годы Великой Отечественной войны публиковались статьи о возможности изготовить качественные протезы, которые, как обещали, не только восстановят мобильность, но и помогут трудоустроиться. На эту тему нередко размещались воспоминания тех, кого данная проблема коснулась. Писали о том, как поначалу было тяжело и как пришлось проходить лечение, но потом, после освоения протезов, жизнь словно обреталась заново.

Подобные публикации были необходимы, так как они вселяли надежду на то, что можно будет вернуться к прежней жизни, надо только попасть к нужному специалисту. Но реальность оказывалась гораздо прозаичней, чем истории о врачах, творящих чудеса или уникальных

протезах. «Рассказ о моей жизни», подготовленный Лидией Большаковой, был адресован таким военнослужащим. В нем говорилось о том, как в результате пожара в 1918 году она потеряла обе руки. Не желая быть обузой близким, Лидия отправилась в Москву, где через какое-то время попала на прием к известному профессору-ортопеду Г.А. Альбрехту, и, узнав о ее беде, он пообещал помочь. По признанию Лидии, протезы помогли ей вернуться к полноценной жизни, с которой она давно распрощалась. С ее слов, она «сама одевалась, заваривала чай, присматривала за детьми, убирала избу, ходила за водой и поливала грядки в деревне» [6]. Жаль, что к моменту выхода публикации, знаменитого профессора уже давно не было в живых. Он умер в 1933 от пневмонии. Судьба же глубоких инвалидов Великой Отечественной войны общеизвестна. Не было такого количества качественных протезов, чтобы все инвалиды были ими обеспечены. А те, что были, способствовали улучшению состояния инвалида несущественно. Весьма сомнительно, что даже самый современный протез способен вернуть человека к полноценной жизни.

Нельзя недооценивать объема медицинских услуг, оказываемых военнослужащим. Наука также не стояла на месте. Война стала стимулом для множества изобретений и научных открытий. Постоянно совершенствовались способы терапии, проводились эксперименты по выявлению эффективных медицинских препаратов. Так, в газете была размещена публикация о новом способе лечения контузии бойца, потерявшего голос. Больной сменил несколько госпиталей, обычные средства не давали положительных результатов. В клинике Научно-исследовательского института по болезням уха, горла и носа врачи А.В. Шокина и М.П. Блескина применили комплексное лечение – фоноподию и психо-физиотерапию. После 5-6 сеансов у бойца восстановился голос [7]. Научные сотрудники института сконструировали образец полевого генератора, изготовили набор инструментов для быстрого восстановления нормального звукопроизношения.

В годы войны возросла роль Стахановского движения. Значительно улучшилась производительность труда, рабочие находились в постоянном поиске усовершенствования деталей, была преемственность поколений, поощрялось рационализаторство. На заводах непрерывно шел процесс обучения новых учеников. Весь советский народ готов был работать не покладая рук на благо Отечества. Устраивались соцсоревнования, на предприятиях развернулась борьба за переходящее Красное знамя. Люди понимали, что работают во имя Победы, и что от оборонной промышленности, то есть от качества их работы, напрямую зависит исход войны. К сожалению, инициалы стахановцев первое время не указывались, что было связано с принятым в то время обращением «товарищ».

Особенно стоит отметить роль стахановцев в восстановлении предприятий по добыче угля на Донбассе после его освобождения в сентябре 1943 г. Побывав на родине, сам Алексей Стаханов написал в газету: «Вот она, изувеченная, но не покорившаяся врагу шахта "Центральная Ирмино" им. Сталина. Два с половиной года тому назад здесь кипела трудовая шахтерская жизнь. Теперь вокруг руины. Среди груд битого кирпича разбросаны металлические части взорванной подъемной машины и изуродованные конструкции копра. Масштабы разрушений очень велики. Из затопленных немцами шахт надо откачать более 450 млн. кубометров воды. Благодаря самоотверженному труду рабочих Донбасса одна за другой вступают в строй возрожденные шахты...» [8].

Огромная финансовая помощь на оборонные нужды поступала от обычных советских людей со всех союзных республик, о чем постоянно сообщалось в «Ленинградской правде». Отовсюду поступали письма на имя Сталина с пожеланиями здоровья вождю, скорой победы, и добрыми словами от простых колхозников.

Самым долгожданным и значимым событием стал прорыв блокады. В ночь на 26 января 1944 г. Ленинградские войска овладели Гатчиной – бывшей цитаделью немецких захватчиков. Город был превращен в крепость с развитой системой долговременных оборонительных сооружений. Гатчина – это еще и крупный железнодорожный узел, откуда расходились линии на Лугу, Нарву, Ленинград, Тосно.

В боях на восточных окраинах города отличились генерал-майор Трубачев и генерал-майор Анисимов. В боях за Гатчину родилось много героев. Все они – саперы, пулеметчики, агитаторы и комсорги – действовали, как одно целое, методично выбивая врага с его укрепленных позиций. На окраинах города шли самые ожесточенные бои.

К несчастью, в Гатчине был лагерь для военнопленных, который немцы подожгли при отступлении. Более двухсот человек погибли, не дождавшись освобождения. В городе были установлены виселицы, на которых немцы казнили людей за связь с партизанами.

Утром 26 января на крыше высокого здания, в центре города, старшина Силин, ефрейтор Тушканов, ефрейтор Фомин и лейтенант Базаров водрузили красный флаг [9].

Особенностью газеты «Ленинградской правды» как исторического источника является широкое освещение событий, происходивших на фронте и в тылу. Жителям города на Неве важно было поддерживать информационную связь с Большой землей, чтобы не чувствовать себя в изоляции, быть сопричастными к всеобщей цели – победе над врагом. Публикации о таких важнейших событиях, как освобождение Донбасса, Харькова, Гомеля, способствовали укреплению духа ленинградцев, укрепляли веру в скорое окончание войны, делали возможным осуществление восстановительных работ.

Подводя итоги, следует отметить высокую информативность газеты «Ленинградская правда». В ней размещались не только публикации о жизни города, но и сводки с фронтов, данные о потерях, сообщения об успехах Красной армии на разных направлениях, о бессмертных подвигах бойцов, трудовых достижениях стахановцев. На страницах газеты нашлось место героическим поступкам обычных советских людей, самоотверженность которых приближала День Победы.

Литература и источники

1. Уваров С. Н. Неопубликованные блокадные воспоминания ленинградцев из фонда Н. А. Королевой // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 2 (42). С. 191–200. DOI 10.32516/2303-9922.2022.42.15.
2. Сальникова А. А. Детские дневники как источник по истории повседневности блокадного Ленинграда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42, № 2. С. 188–199.
3. Сушко А. В. Дети Ленинграда на Омской земле в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 330–347. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.204.
4. Олейник Р. Р. Дети блокадного Ленинграда в Башкирии: историко-правовой аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 37–42.
5. Ленинградская правда. 1943. № 278. 25 ноября.
6. Ленинградская правда. 1943. № 279. 26 ноября.
7. Ленинградская правда. 1944. № 287. 28 ноября.
8. Ленинградская правда. 1944. № 55. 4 марта.
9. Ленинградская правда. 1944. № 23. 27 января.

«Они приближали Победу в войне...»: женщины русского зарубежья «первой послереволюционной волны» — участницы антифашистского Сопротивления в Европе

“They approached the Victory in the war...”: women of the Russian Abroad of “the first post-revolutionary wave” — participants of the anti-fascist Resistance in Europe

Аннотация. В центре внимания статьи — вклад женщин русского зарубежья «первой послереволюционной волны» — Т.А. Волконской, С.Б. Долговой, С. Носович, В.А. Оболенской, А. Скрыбиной и др. в борьбу с фашизмом в рядах участников европейского Сопротивления в годы Второй мировой войны. Особый акцент был сделан на географии и типологии европейского антифашистского Сопротивления, его численности, гендерной составляющей, вопросах персонификации его участников и др.

Ключевые слова: антифашистское Сопротивление в Европе, женщины русского зарубежья 1917–1939 гг. – участницы европейского Сопротивления, вклад в Победу.

Abstract. The article focuses on the contribution of women from the Russian abroad of the “first post-revolutionary wave” – T.A. Volkonskaya, S.B. Dolgova, S. Nosovich, V.A. Obolenskaya, A. Skryabina, etc. – to the fight against fascism in the ranks of the European antifascist Resistance during the Second World War. A special emphasis was made on the geography and typology of the European Resistance, its number, gender component, issues of personification of its participants, etc.

Keywords: antifascist Resistance in Europe, women of the Russian Abroad in 1917–1939, women participants of the European Resistance, contribution to the Victory.

Понимание термина «феномен Победы» как «необычайного явления» наиболее точно объясняет тот факт, что участие женщин российского зарубежья «первой послереволюционной волны» в европейском антифашистском Сопротивлении в годы Второй мировой войны явилось уникальным проявлением силы русского характера в борьбе за сохранение национальной идентичности и любви к своей Родине.

Освободительное патриотическое и антифашистское движение, названное впоследствии движением Сопротивления, имело свои отличительные особенности в каждой из европейских стран. Практически все первые, стихийно возникшие группы Сопротивления, были очень немногочисленны, действовали часто разрозненно и независимо друг от друга. Их организаторами и участниками становились люди самых разных национальностей, политических и религиозных убеждений: националисты и католики, протестанты и коммунисты, социал-демократы и беспартийные и др.

Слово «Сопротивление» многие из них впервые услышали 18 июня 1940 г. на волнах лондонского радио из эмоционального призыва Шарля де Голля в обращении к французской нации подняться на антифашистскую и национально-освободительную борьбу с нацизмом в Европе. Именно в таком контексте оно трактуется в современной историографии применительно к проблематике истории европейского Сопротивления в целом. В странах фашистского блока главной целью участников Сопротивления было свержение фашизма, в оккупационных государствах – освобождение от иностранного присутствия.

Европейское Сопротивление было представлено тремя видами антифашистской деятельности: вооруженном Сопротивлении, невооружённом Сопротивлении и нелегальными гражданскими актами Сопротивления.

Борьба с фашизмом в Европе велась как в относительно пассивных формах – изданием нелегальных листовок и газет, невыходом на работу и организацией забастовок, носивших, как правило, экономический характер и др., так и активных – покушением на оккупантов, подрывной деятельностью и др.

Антифашистское Сопротивление в каждой из европейских стран отражало свои национальные традиции и устои, отличалось численностью, составом и соотношением представителей политических сил в рядах его участников, формами и методами борьбы. По сути, европейское Сопротивление стало уникальным опытом сотрудничества разных политических групп и разнородных социальных сил с общим врагом — фашизмом и нацизмом во имя общей Победы.

В истории западноевропейского Сопротивления принято выделять два его типа. Первый – Сопротивление в оккупированных фашистами странах – Бельгии, Голландии, Дании, Люксембурге, Норвегии, Франции и др. Второй – в странах фашистского блока – Австрии, Германии и Италии до сентября 1943 г.

Идеологическая составляющая, долгое время довлевшая над изучением этой темы в советской историографии, позволяла рассматривать европейское Сопротивление преимущественно через призму партизанской и подпольной борьбы и роли европейских коммунистических партий и рабочих организаций в этом процессе [1]. Особое место в историографии этого времени занимали работы посвящённые отдельным участникам Сопротивления – Ф.А. Полетаеву, В.В. Пороку, Ф. Мосулишвили, Н. Буйнову, Г. Колозяну и др. [2].

Современная же историография антифашистского Сопротивления в годы Второй мировой войны обращается к новым его аспектам:

- взаимодействие в рядах европейского Сопротивления советских военнопленных и русских эмигрантов;
- особенности идеологических подходов и политических взглядов участников
- антифашистской борьбы;
- организационные формы Сопротивления и его военная история;
- количественный и гендерный состав;
- вопросы персонификации участников Сопротивления в разных странах.

Численность европейского Сопротивления наиболее полно была представлена в Германии, Италии, Польше, Франции и Югославии. Именно в этих европейских странах в годы Второй мировой войны с особенной очевидностью проявилась наиболее тесная связь исторических судеб России и представителей русского зарубежья «первой послереволюционной волны». Многие из тех, кто покинул Советскую Россию из-за политических разногласий с установившейся в стране властью большевиков, стали в эмиграции активно бороться с фашизмом, вступая в ряды европейского Сопротивления. Объяснением чему может служить историко-психологические особенности русского национального менталитета. Для большей части представителей русской эмиграции Вторая мировая война стала поистине Великой Отечественной войной, в которой решалась судьба их далекой и любимой Родины. Они заняли глубоко патриотическую позицию и как могли помогали борьбе с фашизмом.

Не стали здесь исключением и женщины русского зарубежья «первой послереволюционной волны». Это – Е.Ю. Кузьмина-Караваева, знаменитая «Мать Мария», В.А. Оболенская, Т.А. Волконская, М.А. Шафрова-Марутаева, А. Скрыбина, С. Носович, А.А. Максимович, С.Б. Долгова, В. Кукарская, А. Тарасевич, В. Тимофеева, Е. Столярова, Н. Ходасевич и др. К сожалению, о многих представителях русского зарубежья 1917–1939 гг. – участниках антифашистского Сопротивления – женщинах и мужчинах ровным счётом ничего неизвестно. Практически все они вступали в организации Сопротивления под псевдонимами или вымышленными иностранными именами, не были знакомы друг с другом. Этого требовали строгие правила конспирации и особенности работы в подпольных организациях.

Некоторые из них – участники антифашистского Сопротивления в годы войны бесследно пропали в немецких концлагерях и гестаповских застенках, уйдя в вечность, не сохранив своего настоящего имени для потомков. Они не только выдержали все зверские пытки и издевательства фашистов, но и не выдали имен своих друзей по антифашистской борьбе [3, с. 400–412].

Среди тех, кто оставил память о себе в истории антифашистского Сопротивления в Европе была – княгиня Вера Апполоновна Оболенская, урождённая Макарова (1911–1944). Она была членом подпольной антифашистской организации во Франции – Organisation civile et militaires, куда вступила вместе со своим мужем – князем Н.А. Оболенским (1900–1979) и близкой подругой Софьей Носович летом 1940 г.

Княгиня Вера Оболенская – русская красавица, известная манекенщица, любимая жена и мать маленького сына, находилась в рядах Сопротивления под псевдонимом «Вики». Вера Оболенская много помогала советским и британским военнопленным, направленным на строительство Атлантического вала, занималась организацией их побегов, была связной, передавала оружие, занималась сбором информации об оккупантах и др. Знавшие её лично, говорили о том, что она обладала феноменальной памятью, поэтому никогда не делала никаких записей на бумаге.

Из-за предательства, попав в застенки гестапо, где ее называли – «Княгиня – я ничего не знаю», она не выдала никого из 63 соратников по антифашистской борьбе, держалась стойко, с достоинством, отказавшись сотрудничать с теми, кто воюет с её Родиной. Она принципиально не стала просить о помиловании — возможность получить которое была предоставлена всем женщинам – участницам Сопротивления, решив пожертвовать собой, показав пример стойкости всем другим борцам с фашизмом.

Княгиня Оболенская была приговорена к смерти. Судьба ее мужа – князя Николая Оболенского сложилась иначе, он был узником концлагеря Бухенвальд и дожил до Победы.

4 августа 1944 г. Веры Оболенской не стало: её казнили показательно, страшным образом — гильотинировали в тюрьме. Посмертно княгиня, русская эмигрантка В.А. Оболенская была награждена высшими знаками отличия Французской Республики – орденом Почетного легиона (1946 г.), медалью участника Сопротивления (1946 г.), военным крестом с пальмовой ветвью (1946 г.) и орденом «Отечественной войны» I степени (18 ноября 1965 г.). Память о ней увековечена во Франции, где на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа ей установлен памятник среди могил других русских эмигрантов, участвовавших в европейском антифашистском Сопротивлении.

После Победы над фашизмом жизнь русского зарубежья в Европе возвратилась в своё прежнее русло. «Те, кто уцелел, – вспоминал В.С. Варшавский, – вернулись к своей прежней жизни рядовых эмигрантов: «извозчиков, маляров, типографских наборщиков, мелких служащих. По большей части это были люди, никогда не занимавшиеся никакой общественной деятельностью. Им не приходилось в голову требовать к себе внимания» [4, с. 362].

Случилось так, что трагические страницы истории Второй мировой войны ещё хранят имена многих неизвестных её героев. Многие представители русского зарубежья «первой послереволюционной волны», среди которых были и женщины-эмигрантки, отдали свои жизни во имя Победы, сражаясь с фашизмом вдали от своей Родины в рядах европейского Сопротивления, что наглядным образом раскрывает историко-психологические особенности русского национального характера.

Литература и источники

1. Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы Второй Мировой войны. М., 1962; Семиряга М.И. Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1973 и др.
2. Смирнов С.С. Герои блока смерти. М., 1963; Башков В., Жданов А. Солдат Федор Полетаев. М., 1979 и др.
3. Баркова О.Н. Русские в Нидерландах в годы Второй мировой войны: к вопросу об участии европейском Сопротивлении/ Россия и Нидерланды в XVII—XX в.: новые исследования и актуальные проблемы. Сборник статей. М., ИВИ РАН. 2012. С. 400–412.
4. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк. 1956. 362 с.

Нацистская политика геноцида по отношению к белорусскому народу

The Nazi policy of genocide against the Belarusian people

Аннотация. Изучение вопросов, связанных с немецко-фашистским оккупационным режимом, имеющим своей главной целью систематическое и массовое уничтожение мирного населения, проживавшего на оккупированной территории, способствует сохранению памяти о сотнях тысяч жертв, которые ценой своих жизней спасли наше Отечество от порабощения и уничтожения нашего народа.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, Белоруссия, оккупационный режим, преступления против мирного населения.

Abstract. The study of issues related to the Nazi occupation regime, which has as its main goal the systematic and mass extermination of the civilian population living in the occupied territory, helps preserve the memory of hundreds of thousands of victims who, at the cost of their lives, saved our Fatherland from enslavement and the destruction of our people.

Keywords: historical memory, the Great Patriotic War, Belarus, occupation regime, crimes against civilians.

Нет ничего более весомого, чем Память. Ибо события любой давности не исчезают бесследно, они сохраняются где-то в прошлом. А всякая информация о нашем прошлом способствует его приближению к нам, что содействует обогащению наших чувств, заполнению окружающего пространства и предшествующего нам времени множеством событий и лиц. Тема преступлений, совершённых немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в период оккупации территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, получила достаточно широкое освещение как в советской, так и в современной историографии [1, 2, 3]. Публикации и исследования, опубликованные историками и исследователями в настоящее время, основанные на документальных материалах архивов Республики Беларусь и России, значительно расширили круг источников по данной проблематике [4, 5, 6, 7, 8]. Поэтому нет необходимости детально анализировать исследования, посвященные преступлениям совершенными немецко-фашистскими оккупантами против мирного населения, проживавшего на оккупированной территории Советской Белоруссии в годы Великой Отечественной войны.

22 июня 1941 г. мирный созидательный труд и счастливая жизнь советского народа были прерваны вероломным нападением фашисткой Германии на СССР. В конце августа 1941 г. немецко-фашистские захватчики полностью оккупировали территорию Белоруссии. Буквально с первых дней начала агрессии против Советского Союза и захвата его территории, фашисты и их сообщники стали устанавливать жёсткий оккупационный режим, сопровождавшийся полной ликвидацией на оккупированных территориях всех органов советской власти и установлением «нового порядка». Одним из главных средств, с помощью которых оккупанты рассчитывали достичь своих целей – являлась политика геноцида. Сущность этой политики заключалась в полном или частичном уничтожении целых групп населения обладающими определёнными расовыми, национальными, этническим, политическими или религиозными признаками. Мотивы, по которым население оккупированных территорий становились жертвами политики геноцида, были различные. Это были люди, имевшие отношение к органам советской власти, коммунисты и комсомольцы или мирные граждане, проявившие малейшее неповиновение или оказывавшие сопротивление оккупационным властям. Массовому истреблению подвергались целые группы населения, выделяемые по расовому признаку, например, такие как евреи. Согласно плану, «Ост»,

оккупанты предусматривали физическое уничтожение на оккупированной территории 75% белорусов, русских и украинцев. Остальных предполагалось онемечить и обратить в рабов.

В результате более чем 140 карательных операций, проведённых немецко-фашистскими картелями и их пособниками с целью борьбы и ликвидации партизанского движения на оккупированной территории Белоруссии, были уничтожены десятки тысяч ни в чём не повинных мирных граждан, среди которых были женщины, старики и дети. В ходе этих карательных операций, более шести ста белорусских деревень были сожжены вместе с жителями, многие из которых так и не смогли восстановиться после войны. Изученные источники и литература представляют лишь каплю информации в море злодеяний, творившихся гитлеровцами, когда они огнем и мечом пытались сломить сопротивление белорусского народа. Невиданным репрессиям и массовым кровавым расправам со стороны оккупантов и их сообщников подвергалось население белорусских деревень и городов. Немцы методично уничтожали партийный и колхозный актив, карали смертью за каждый, ставший им известным случай сохранения колхозного имущества, хлеба и скота. Так, например, в Пинской области (ныне Пинский район, входит в состав Брестской области Республики Беларусь – В.Б.) в июле 1941 г. немцы расстреляли председателя колхоза «1-е Мая», Давид-Городокского района за неповиновение оккупантам и укрытие от них колхозного скота и сельхозинвентаря. В Барановичской области (ныне Барановичский район, входит в состав Брестской области Республики Беларусь – В.Б.), в Бытенском районе, оккупантами был расстрелян председатель колхоза имени Сталина, отказавшийся передать немцам колхозное имущество. В Войханском сельсовете, Городокского района, Витебской области, в 1941 году гитлеровские захватчики расстреляли председателя колхоза «Челюскин» за укрытие урожая хлебов с площади 100 гектаров [9, с. 314].

Политика геноцида, проводимая немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками по отношению к белорусскому народу, была очевидна. Нижеприведенные факты являются красноречивыми и убедительными примерами подтверждающее вышесказанное. В актах районных комиссий содействия в работе Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков приведены тысячи примеров бесчеловечных зверств и чудовищных злодеяний, совершенных гитлеровскими оккупантами и их пособниками в отношении гражданского населения, проживавшего на оккупированной территории. В частности, в окрестностях г. Лунинец в урочище «Мочула» комиссия обследовала семь могил массовых жертв фашистского террора разных размеров. В этих семи могилах были захоронены 1312 жертв фашистского террора только мужского пола [10, л. 8]. В другой могиле, обнаруженной комиссией в урочище «Боровщина», размер которой составлял 50 м. в длину, 4 м. в ширину и 3 метра в глубину, были захоронены останки 2932 человек, из которых 1429 были женскими и 1397 детскими [10, л. 8об.]. Согласно обобщённым сведениям о жертвах немецко-фашистских злодеяний за период временной оккупации в г. Пинске было расстреляно 38342 человека, из них 14553 женщины и 6138 детей. Сожжено живьем 411 человек, из них 231 женщина и 180 детей. Убито или замучено военнопленных бойцов и командиров Красной Армии – 20300 человек. Угнано в немецкое рабство 2734 мужчин и 3639 женщин [11, л.2]. Архивные дела содержат многочисленные документы о зверствах нацистских преступников которые формализовано озаглавлены как «Поимённый список расстрелянных, повешенных, замученных граждан СССР на территории такого села, сельсовета, района, области» [11, л. 6, 7, 9, 10, 14...]. В указанных списках приведены фамилии, имена и отчества жертв немецко-фашистских злодеяний. Среди них белорусы, русские, поляки. Мужчины, женщины и дети, разного года рождения. Например, Короткевич Игорь, 1941 года рождения (!) был расстрелян вместе со своей семьей [11, л. 21]. Нацистами и их пособниками был расстрелян А.В. Хибовский, поляк по национальности, 1872 года рождения [11, л. 26]. Члены Столинской районной Чрезвычайной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков в октябре 1944 г. составили акт, в котором было указано, что ими произведен осмотр *кладбищ* (!) в «Стасинском лесу в 4-х км. от г. Столина». В ходе

осмотра обнаружена яма длиной 107 м., шириной 16 м. и глубиной 3 м. В этой могиле были захоронены 8000 евреев, расстрелянных в течение 1942 г. *Расстрелы производились в течение 3–4 дней по 3–4 тысячи (!) человек в день.* Недалеко от этого места было обнаружено второе место массового захоронения жертв немецких палачей. В яме длиной 40 м. и шириной 13 м., глубиной 2 м. были обнаружены останки более 4500 тысяч русских, белорусов и поляков, расстрелянных немецкими захватчиками в период с 1941 по 1944 г. [11, л.32]. Всего в период временной оккупации Пинской области (*ныне это территория Брестской области Республики Беларусь – В.Б.*) на территории области было расстреляно 48869 человек, из них более 15000 женщин и 8800 детей. Повешено 89 человек, из них 20 женщин и 21 ребёнок (!!). Сожжено живём 2843 человека, из которых 1018 женщин и 1416 детей [12, л. 15].

Особую жестокость и безжалостность немецко-фашистские оккупанты и их сообщники проявляли при геноциде еврейского населения, проживавшего на оккупированной территории Белоруссии. Подтверждением вышесказанному могут служить данные, приведённые в таблице 1, показывающие сколько за период оккупации в г. Пинске нацистскими карателями и их сообщниками было уничтожено людей различных национальностей в т.ч. и евреев (см. таблицу 1) [11, л.26].

Таблица 1
Общее количество жертв нацистской оккупации среди жителей г. Пинска

Национальность	Мужчин	Женщин	Детей	Всего
Евреев	8262	8337	5550	22149
Белорусов	3000	3974	2045	9019
Поляков	1948	2453	1468	5869
Русских	1940	2057	2058	6055
Украинцев	530	609	266	1405
Других	34	27	2	63
Всего	15714	17457	11390	44561

Как правило, население уничтожалось в ходе массовых расстрелов. Пощады небыли никому. К местам совершения массовых казней возле деревни Посеничи Пинского района и в районе аэродрома для расстрелов людей доставляли по 5–7 тысяч человек, причём целыми семьями с грудными детьми и беременными женщинами. Перед казнью, обречённых на смерть заставляли раздеваться до гола, после чего их заводили по устроенному спуску в могилу, затем приказывали лечь лицом вниз после чего каратели их расстреливали из автоматов и пистолетов. На кладбище в д. Посеничи имел место чудовищный случай бесчеловечности, когда людей оглушали по голове тупым предметом – доской, а затем их полуживыми закапывали в ямы. Таким способом на этом кладбище было умерщвлено более пятисот человек [11, л. 43об.].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному следует отметить, что результатом деятельности оккупационных властей на оккупированной территории Белоруссии явились чудовищные преступления, совершённые ими против мирного гражданского населения. Преступления, совершенные гитлеровскими захватчиками, не могут быть забыты. Об этих преступлениях необходимо помнить всегда и напоминать людям о том, какое зло таится в неонацизме, все более и более поднимающем голову в некоторых странах Западной и Восточной Европы.

Литература и источники

1. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссия. 1941-1944. Мн., 1965.
2. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944) / [Ред.кол.: Лобанок В.Е. и др.]. Мн., 1984.

3. Немецко-фашистский оккупационный режим. (1941-1945 гг.) / Под общ. ред. проф. Е.А. Болтина; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Отд. истории Великой Отечеств. войны. М.,1965.
4. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль – март 1943 г.: Документы и материалы. М.,2013.
5. Литвин А.М. Латышские полицейские («шутцманшафт») батальоны в Белоруссии (1942–1944 гг.) / «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941-1944 гг. Сборник документов / Фонд «Историческая память»; Сост. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей и др.; Сопр. ст. А.М. Литвин. М.,2009. С.27-53;
6. Литвин А.М. Украинские полицейские батальоны на территории Беларуси в 1941–1944 годах // Белорусская думка. 2009. №4. С.95–101.
7. Лицкевич О. Людские потери Беларуси в войне // Белорусская думка. 2009. №5. С.92-97;
8. Трагедия белорусских деревень, 1941–1944: Документы и материалы / Сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев и др.; Редкол. В.И. Адамушко и др. М., 2011.
9. Цанава Л.Ф. Всенародная партизанская борьба в Белоруссии против фашистских захватчиков. Ч.I. Зарождение и развитие партизанского движения. Минск,1949.
10. Зональный государственный архив в г. Пинске Брестской обл. Ф.118. Оп.1. Д.1.
11. Зональный государственный архив в г. Пинске Брестской обл. Ф.118. Оп.1. Д.9.
12. Зональный государственный архив в г. Пинске Брестской обл. Ф.118. Оп.1. Д.8.

Победы и поражения участников Фронды во Франции (1648–1653 гг.)

Victories and defeats of the participants of the Fronde in France (1648–1653)

Аннотация. Фронда состояла из побед и поражений значимых участников, а они, в свою очередь, зависели от их межличностных связей. Победа во Фронде не была гарантией достижения успеха в вопросах репутации и имиджа, так же как поражение в гражданской войне не обязательно означало личный провал для «бунтовщика».

Ключевые слова: Франция XVII в., Фронда, политические группировки, аристократы, межличностные связи, репутация.

Abstract. The Fronde consisted of victories and defeats of its significant participants, and they, in turn, depended on their interpersonal connections. Victory in the Fronde was not a guarantee of success in matters of reputation and image, just as defeat in the civil war did not necessarily mean personal failure for the "rebel".

Keywords: France in the 17th century, Fronde, political groups, aristocrats, interpersonal connections, reputation.

Фронда – гражданская война во Франции (1648–1653 гг.) в период малолетства короля Людовика XIV, окончившаяся победой партии двора – не преследовала «никакой серьезной или возвышенной цели» [1], писал французский исследователь и редактор мемуаров XVII в. А.Шерюзль. Э.Лависс высказался про нее еще немилосерднее: «Нет ничего более печального и более постыдного в нашей истории, чем эти четыре года войны, никому не принешие чести» [2]¹. Ш. Норман обратил внимание на то, что парламентские фрондеры не разработали четкой и развернутой программы действий и не стали настойчиво требовать созыва Генеральных штатов, из корыстолюбия боясь потерять собственные привилегии²[3]. Из вышеприведенных цитат следует, историки XIX – середины XX вв. писали о Фронде как о бессмысленном бунте, заведомо обреченном. Ж. Монгредьен задал провокационный вопрос: что произошло бы во Франции, если бы Фронда победила? [4]. По его мнению, вожди «оппозиции» своими действиями свели бы на нет плоды трудов кардинала Ришелье, то есть повредили бы централизации власти в стране. Фронда началась во время Тридцатилетней войны, поэтому, в случае победы «мятежников», Франция оказалась бы в опасности перед внешним врагом.

Исследователи второй половины XX–XXI вв. [5]³, [6], [7], [8] и другие усомнились в правильности этого подхода и начали рассматривать Фронду как более сложное и неоднозначное явление. Конечно, поражение движения бесспорно: монархия смогла справиться с бунтом народа и аристократии, а также стать близкой к абсолютизму. Однако ничего не было предпринято, ведь гражданская состояла из запутанного клубка интриг, связанных с личными отношениями политически активных участников, которые серьезным образом влияли как на ее события, так и на историю Франции вообще. В данной статье будет закономерно осветить не только окончательную победу партии двора над «бунтовщиками», но и «маленькие», промежуточные победы и поражения аристократов-участников гражданской войны, из которых состоял ход Фронды.

1 Цит. по: Bercé Y.-M. Retour à la Fronde // XVIIe siècle. Paris, 1984. № 4. P. 299.

2 Продажность и наследственность парламентских должностей во Франции Старого порядка.

3 Монография М. Перно была впервые опубликована в 1994 г.

Переходя к основной части статьи, важно ответить на вопрос: как партии двора удалось победить две «оппозиционные» фракции: парламентских фрондеров⁴ и кондеанцев⁵? Причины победы двора над «бунтовщиками» многочисленны, но я постараюсь выделить, а затем раскрыть подробнее наиболее значимые:

- совершеннолетие Людовика XIV;
- непримиримая вражда между кондеанцами и фрондерами;
- забота аристократов о личных интересах, которая приводила к конфликтам внутри партий и разъединяла их участников;
- политика «разделяй и властвуй», с помощью которой Мазарини ссорил «бунтовщиков» и настраивал их друг против друга.

Важным рубежом во время Фронды было совершеннолетие короля Людовика XIV. 7 сентября 1651 г. прошла официальная церемония в парламенте, и принц Конде, который не присутствовал на ней, должен был дать ответ за свое поведение. Принц написал несколько посланий августейшим особам, объясняя отсутствие в Париже происками кардинала: «...он (Мазарини – С.М.) имел честь получить от Вашего Величества декларацию, обвиняющую меня в оскорблении величества, которую он должен зарегистрировать в парламенте, чтобы заставить силу вашего совершеннолетия послужить моему краху» [9, с. 4]. Отныне Конде⁶ считался не только противником первого министра, но и «оппозиционером», выступившим против монарха.

Кондеанцы и фрондеры были противоборствующими партиями, и единственным началом, которое потенциально могло их объединить, было несогласие с политикой Мазарини. Сближение партий планировалось за счет «династического» брака между принцем Конти и мадемуазель де Шеврез из фракций кондеанцев и фрондеров соответственно [10, с. 343], но проект с треском провалился. Мадемуазель де Шеврез⁷ была любовницей коадьютора де Гонди, что было важно для укрепления межличностных отношений в партии фрондеров. Принц Конде рассказал об этих интригах своему брату, после чего тот отказался от женитьбы, хотя и был сильно влюблен в девушку [10, с. 358]. Неудивительно, отношения участников стали хуже прежнего: фрондер Гонди соревновался с принцем Конде, хотя и был значительно ниже его по социальному статусу, и намекал на неисполнение договора⁸; кондеанец Ларошфуко организовал несколько неудачных покушений на коадьютора [11, Т. 4, с. 30–31], [12, с. 64] и даже сам напал на него в парламенте, спровоцировав скандал [10, с. 372–373], [11, Т. 3, с. 493–494]. Об объединении «оппозиции» против Мазарини больше не было и речи, что в перспективе обеспечило победу партии двора.

Большинство аристократов-участников Фронды вступали в ту или иную фракцию, чтобы удовлетворить личные или семейные интересы. Судя по всему, у многих из них не было идеи о том, что они сражаются ради общего благого дела, поэтому они с легкостью меняли патронов и партии в зависимости от ситуации. Партия двора активно пользовалась этой особенностью «мятежников», приманивая их в свой лагерь или ссоря друг с другом. Кардинал Мазарини так искусно манипулировал чувствами и интригами современников, что исследовательница Симона Бертьер назвала его «мастером игры»⁹ [13]. Например, двор смог «завербовать» маршала де Тюренна из партии Конде [10, с. 390]; впоследствии он сражался во главе королевского войска против объединенной армии кондеанцев и испанцев и одержал победу.

4 К ним относились коадьютор де Гонди (он же кардинал де Рец), мадам де Шеврез, герцог де Бофор и др.

5 Приверженцы принца де Конде. В их число входили супруги де Лонгвиль, принц Конти (брат принца Конде), герцог де Ларошфуко, Мадемуазель де Монпансье и др.

6 И приверженцы принца Конде.

7 Дочь мадам де Шеврез.

8 Имеется в виду план брака мадемуазель де Шеврез и принца де Конти.

9 *Le maître du jeu* (фр.).

Кoadьютор рассказывает в «Мемуарах» о попытках Мазарини «подружиться» с фрондерами, поссорив их между собой. Кардинал сделал ставку на мадам и мадемуазель де Шеврез: «Поведение герцогини де Шеврез внушало ему в этом отношении большие надежды; <...> она на всякий случай не забывала старательно поддерживать дружбу с двором и внушать Королеве, что ее связывает со мной не столько ее собственная ко мне дружба, сколько упрямство ее дочери»¹⁰ [11, Т. 3, с. 168]. Мазарини попытался привлечь мадам и мадемуазель де Шеврез к партии двора и убедить уйти от фрондеров: для этого он подыскал для последней нового «друга» – «красивого как ангел» герцога Омальского, целью которого было затмить соперника. Гонди объяснил любовнице, почему герцог «зачастил в Отель Шеврез» – вскоре подосланный воздыхатель был отвергнут. Герцог Омальский не упокоился на этом и в отместку отправил к коадьютору наемного убийцу Гранмезона, но Гонди везло, и он был неуловим для покушений: Гранмезон сам и рассказал ему обо всем [11, Т. 3, с. 168–169]. В этом эпизоде победа осталась за фрондерами: Мазарини не смог их разделить и поссорить, «проиграл раунд».

Кардинал Мазарини, одержавший политическую победу над «мятежниками» и подавивший Фронду, проиграл в борьбе за репутацию и имидж. Временщик, выскочка, жадный иностранец, нажившийся на финансовых махинациях, возможный любовник королевы – таков его образ, сформированный памфлетами-мазарианами и мемуарами обиженных фрондеров. Этот карикатурный портрет устоялся в коллективной памяти французов, и даже в наши дни он остается актуальным [13, с. 12–13].

Проигравшие в политике «бунтовщики», напротив, вошли в историю как «положительные персонажи»: они вписали свои имена в литературу и философию в качестве выдающихся авторов. Герцог де Ларошфуко проиграл вместе с кондеанцами и не одержал победу над своим противником Гонди, однако жизненный опыт, полученный им в том числе в годы Фронды, стал основой его философского мировоззрения. Ларошфуко изложил свои идеи в знаменитых «Максимах» – в значимом литературном и философском памятнике.

Кардинал де Рец оставил внушительные «Мемуары»: этот высокохудожественный и остроумный рассказ о фрондерских предприятиях оказался успешнее, чем они сами. Александр Дюма использовал целые абзацы, лишь немного изменяя текст для романа «Двадцать лет спустя» о событиях во Франции и в Англии в середине XVII в. Это становится очевидным, если сравнить два произведения; в качестве примера я приведу два отрывка. Де Рец пишет в «Мемуарах»: «Башомон заметил однажды, что Парламент уподобляется школярам, которые стреляют из пращи в парижских рвах, бросаясь врассыпную, едва завидят полицейского комиссара, но, стоит тому скрыться из виду, собираются вновь. Сравнение понравилось, песенки его подхватили...» [11]. Далее приведу фрагмент из романа «Двадцать лет спустя» А.Дюма: «– Что такое Фронда? – спросил Мазарини. – Они так называют свою партию, монсеньор. – Откуда это название? – Кажется, несколько дней тому назад советник Башомон сказал в парламенте, что все мятежники похожи на парижских школьников, которые сидят по канавам с пращой и швыряют камнями; чуть завидят полицейского – разбегаются, но как только он пройдет, опять принимаются за прежнее. Они подхватили это слово и стали называть себя фрондерами» [14, с. 17–18].

Подводя итог, я бы хотела сказать, что и у побед, и у поражений участников Фронды была обратная сторона медали. Их во многом определяли личные связи и конфликты аристократов-участников событий. «Великие исторические деяния, ослепляющие нас своим блеском и толкуемые политиками как следствие великих замыслов, чаще всего являются плодом игры прихотей и страстей...» [10, 7].

10 Под «упрямством дочери» коадьютор имеет в виду свою связь с мадемуазель де Шеврез, важную для «укрепления» партии парламентских фрондеров.

Литература и источники

1. Chéruef A. Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV. P., 1879.
2. Lavis E. Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution. Louis XIV: histoire d'un grand règne, 1643-1715. T. 2. 1901.
3. Normand Ch. La bourgeoisie française au XVIIe siècle. La vie publique. Les idées et les actions politiques 1604–1661. P., 1908
4. Mongrédien C. Si la Fronde avait réussi... // Les Annales. Revue mensuelle des lettres françaises. Paris, 1957. № 80.
5. Pernot M. La Fronde: 1648-1653. P.: Tallandier, 2022.
6. Vergnes S. Les Frondeuses: l'activité politique des femmes de l'aristocratie et ses représentations de 1643 à 1661. Université Toulouse le Mirail - Toulouse II. 2012.
7. Constant J.-M. C'était la Fronde. P.: Flammarion, 2016.
8. Le Person X. Le Grand Condé. Un exil pour l'honneur. P.: Fayard, 2023.
9. Lettre de Monsieur le Prince de Condé écrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. Contenant ses intentions. [S. I.], 1652.
10. La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes, mémoires et lettres. P., 1865.
11. Cardinal de Retz. Oeuvres du Cardinal de Retz / Ed. A. Feillet, J. Gourdault et R. de Chantelauze. Grands écrivains de la France. P., Hachette. 1870-1920. Vol. 1-10. (Mémoires. 1870-1880. T. 1-5).
12. Joly G. Mémoires // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. P., 1838. T. 3.
13. Bertièrre S. Mazarin: le maître du jeu. Clamecy: Fallois, 2024.
14. Дюма А. Двадцать лет спустя. М.: Художественная литература, 1977.

Психологическая готовность летчиков-разведчиков выполнять боевые задачи в Великой Отечественной войне

Psychological readiness of reconnaissance pilots to perform combat missions in the Great Patriotic War

Аннотация. Статья посвящена боевой деятельности летчиков-разведчиков 15-го Отдельного разведывательного авиационного полка в годы Великой Отечественной войны, важной особенностью которой являлась психологическая готовность экипажей к выполнению боевых задач.

Ключевые слова: психологическая готовность, Великая Отечественная война, летчик-разведчик, штурман, самолетовылет, аэрофоторазведка, бомбардировка, военно-морская база, аэродром.

Abstract. The article is devoted to the combat activities of the reconnaissance pilots of the 15th Separate Reconnaissance Aviation Regiment during the Great Patriotic War, an important feature of which was the psychological readiness of the crews to perform combat missions.

Keywords: psychological readiness, the Great Patriotic War, reconnaissance pilot, navigator, airplane flight, aerial reconnaissance, bombing, naval base, airfield.

С самых первых дней Великой Отечественной войны летчики-разведчики 15-го Отдельного разведывательного авиационного полка (ОРАП) выполняли разнообразные боевые задачи, а именно: вели бомбардировку наступающих войск противника; обеспечивали воздушное сообщение с гарнизоном военно-морской базы на полуострове Ханко. Однако главной боевой задачей экипажей полка являлась разведка и аэрофотосъемка военно-морских баз, кораблей, морских коммуникаций, минных и противолодочных средств, аэродромов противника, а при прорыве и снятии блокады Ленинграда – разведка боевых позиций, мест дислокации артиллерийских и минометных батарей, железнодорожных узлов, путей подвоза резервов и эвакуации сил неприятеля [1, л. 110–115].

В годы Великой Отечественной войны летчики 15-го ОРАП совершили более 9030 самолетовылетов на разведку, 6263 самолетовылета на бомбардировку военно-морских баз, кораблей, аэродромов, артиллерийских батарей, железнодорожных узлов, позиций противника, 14509 – для выполнения специальных и других задач [2, л. 9].

В результате самолетовылетов:

- уничтожено и повреждено 18 танков, 73 грузовые машины, 80 железнодорожных цистерн и вагонов, 66 км железнодорожного полотна, 14 складов боеприпасов, 11 складов горючего, 57 артиллерийских орудий, 115 минометов, 23 зенитных орудий и пулеметов, 15 прожекторов, 9 самолетов на аэродромах и много других объектов;
- потоплено 9 подводных лодок, 9 торпедных катеров, сторожевой корабль, 4 транспорта;
- сбито 36 самолетов, аэростат наблюдения [2, л. 6].

Однако основной боевой задачей полка являлась воздушная разведка и аэрофотосъемка объектов противника. Полеты совершались на дальние расстояния, глубоко в тыл противника, например, с апреля 1943 года по сентябрь 1944 года летчиками-разведчиками полка с аэродрома «Гражданка» (пригород Ленинграда) были совершены полеты на разведку военно-морских баз: Котка – 201 самолетовылет, Хельсинки – 138, Ханко – 63, Таллин – 230, Палдиски – 62 [2, л. 2]. Далеко не всегда летчика-разведчика сопровождали самолеты-истребители, а в тех случаях, когда они придавались, противник направлял против них значительное

количество авиации. Немецко-фашистские захватчики располагали аэродромами по обоим берегам Финского залива и имели такую возможность.

Так, 23 апреля 1943 года экипаж майора М. И. Горбач, осуществляя разведку военно-морской Хельсинки на самолете «Пе-2», выдержал бой с двумя истребителями противника «Ме-109ф», совершил аварийную посадку на острове Лавенсаари, но важные сведения сообщил командованию [1, л. 108–112].

5 мая 1943 года экипаж старшего лейтенанта Кулешова на самолете «Бостон А-20» получил боевую задачу произвести разведку военно-морской базы Котка и других объектов противника. Для его прикрытия были выделены четыре самолета-истребителя «Ла-5», один из которых из-за неисправности двигателя вернулся на свой аэродром. В ходе выполнения боевой задачи самолет-разведчик и истребители прикрытия подверглись атаке восьми истребителей противника, пять из которых связали боем прикрытия, а три атаковали самолет-разведчик, который получил серьезные повреждения. Старший лейтенант посадил «Бостон А-20» на воду возле острова Лавенсаари. Из трех самолетов прикрытия, которые вели бой, на свой аэродром вернулся один [3, л. 33].

Приведенные эпизоды были рядовыми полетами, совершенными летчиками 15-го ОРАП в ходе Великой Отечественной войны. При этом главной задачей экипажей, несмотря ни на какие преграды, будь то зенитная артиллерия или истребительная авиация противника, являлась получение и доставка командованию ценнейших разведданных.

Командующий Краснознаменным Балтийским флотом в годы Великой Отечественной войны адмирал В. Ф. Трибуц в своих мемуарах отмечал: «...одним словом, каждый разведывательный полет требовал от летчика и штурмана большой силы воли, огромного физического напряжения, виртуозного управления самолетом и знания тактики противника. Не каждого включали в экипаж разведчика. Сюда посылали лучших из лучших. И нужно отдать им должное: экипажи действовали точно, четко, а встречаясь с врагом, сражались отважно, стараясь во что бы то ни стало доставить в штаб добытые данные» [4].

Важнейшую роль в успешном выполнении боевых задач личным составом 15-м ОРАП играла его психологическая готовность выполнять свой воинский долг в тяжелейших условиях. Для формирования психологической готовности летчиков-разведчиков осуществлялся целый комплекс мероприятий, таких как, во-первых, строжайший отбор и скрупулезный подбор экипажей.

Во-вторых, умело организованная Политическим отделом Военно-воздушных сил (ВВС) Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) политическая работа: политзанятия с сержантским и рядовым составом и военно-политическая подготовка офицерского состава, политические информации, доклады, партийный и комсомольский активы, обобщение и пропаганда передового опыта экипажей, главное содержание которых было нацелено на формирование у личного состава таких качеств как патриотизм, чувства воинского долга, верность присяге, товарищества, непримиримости и ненависти к врагу [5, л. 47, 181]. Вместе с тем, с целью релаксации проводились и культурно-досуговые мероприятия, например просмотр киносеансов, проведение концертов, организация культпоходов в театры Ленинграда.

В-третьих, оснащение полка новейшей техникой и вооружением. Так, начав Великую Отечественную войну на самолетах «МБР», с 1943 года летчики полка воевали на уже самолетах «Пе-2», «Бостон А-20», «Як-7», «Як-9», оснащенных аппаратурой для ведения аэрофотосъемки.

В-четвертых, глубокий и всесторонний анализ каждого боевого самолетовылета командованием полка и выработка тактических приемов ведения разведки как одиночным самолетом, так и в сопровождении истребителей прикрытия.

В-пятых, анализ и изучение опыта применения противником зенитной артиллерии и истребительной авиации и доведение до экипажей самолетов данного опыта. Например, одиночный выстрел зенитной артиллерии свидетельствовал о том, что противник дает

целеуказание своим истребителям [1, л. 110]. Этот прием противника был изучен всеми летчиками, штурманами и стрелками-радистами.

Таким образом, данные мероприятия формировали психологическую готовность летчиков-разведчиков выполнять боевые задачи в Великой Отечественной войне. Необходимо отметить, что в боях за независимость нашей Родины девяти летчикам и штурманам полка было присвоено звание Героя Советского Союза: Ф.А. Усачеву, И.А. Немкову, А.Г. Курзенкову, Г.И. Давиденко, М.Н. Тоболенко, Н.В. Шапкину, А.И. Грачеву, Г.И. Чаговцу, В.А. Горину. Не вернулись с боевого задания летчики: И.А. Немков погиб в 1943 году, Г.И. Чаговец – в 1944 году, М.Н. Тоболенко, Н.В. Шапкин – в 1945 году, а летчики А.Г. Курзенков, А.И. Грачев и штурман Г.И. Давиденко погибли 8 мая 1945 года. В живых после войны остались командир полка Ф.А. Усачев и штурман полка В.А. Горин.

Литература и источники

1. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота) (далее – Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ)). Ф. 187. Оп. 11. Д. 27.
2. Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 187. Оп. 11. Д. 28.
3. Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 187. Оп. 0012245. Д. 1.
4. Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. Часть вторая. Балтийцы сражаются [Электронный ресурс]. URL: <http://www.navy.su/navybook/tributs/02.html> (дата обращения 16.05.2025).
5. Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 596. Оп. 11. Д. 10.

«Продовольственный фронт» и приближение ленинградцами Великой Победы

"Food Front" and the Leningraders' Bringing of the Great Victory

Аннотация. Основываясь на архивных и опубликованных документах, авторы доказывают, что на протяжении всего периода Великой Отечественной войны, ленинградцы в значительной мере обеспечивали себя и фронт сельскохозяйственной продукцией. Это в существенной мере приближало Победу, давая возможность жителям блокированного города собственными силами справляться со значительной частью продовольственного обеспечения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, продовольствие, сельское хозяйство, Победа в Великой Отечественной войне.

Abstract. Based on archival and published documents, the authors prove that throughout the entire period of the Great Patriotic War, Leningraders largely provided themselves and the front with agricultural products. This brought Victory much closer, giving the residents of the blockaded city the opportunity to cope with a significant part of the food supply on their own.

Keywords: The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, food, agriculture, Victory in the Great Patriotic War.

Как известно, выжить и победить ленинградцам во время блокады во многом удалось лишь благодаря осуществлению мер по обеспечению города продовольствием. Горожане проявляли не только мужество, но и творчество, изобретательность, обеспечивая себя на практике продуктами питания.

Существует устоявшееся мнение о том, что блокированный Ленинград обеспечивался продуктами питания исключительно извне. Это не так. Значительная часть продовольствия формировалась за счет инициативы различных предприятий Ленинграда и прилегавших к нему районов. В частности, огромный вклад в обеспечение города рыбой внес Кронштадт. На острове Котлин было сформировано рыболовецкое хозяйство, которое работало настолько успешно, что из всей рыбы, вылавливаемой рыбаками Ленинграда и пригородов, 80% поступало именно из Кронштадта. Жители Кронштадта в самом начале войны наладили производство кваса, растительного молока и многочисленных продуктов питания из сои. Кронштадтцы, солдаты и моряки этого острова сумели в осенние дни 1941 г. организовать в больших масштабах заготовку дикорастущих съедобных трав, ягод, грибов, а также обеспечили сеном домашних животных [1, л. 7].

Осенью 1941 г. в пригородах Ленинграда, не занятых оккупантами, для ленинградцев было собрано 83100 тонн овощей. Из этих запасов 44 тыс. тонн были переданы в воинские части и на корабли Балтийского флота, а 39 тыс. тонн – местному гражданскому населению [1, л. 22].

Ленинградские предприятия на выделенных территориях приступили к созданию индивидуальных огородных хозяйств. Госбанк, Ленкомбанк и Сельхозбанк вместе со своими районными филиалами обеспечивали бесперебойное кредитование организаций и предприятий города, занимавшихся развитием собственной сельскохозяйственной деятельности. Ленинградцы создавали общественные организации огородников, получая право на бесплатное обеспечение семенами, рассадой, а также сельскохозяйственным инвентарем [2].

Выращиванием овощей в период блокады в Ленинграде занимались не только «профильные» организации такие как «Лензаготплодоовощторг» и «Ленглавресторан», но и трест городской очистки, молочно-животноводческий трест, областной сельскохозяйственный трест, трест зеленого строительства. В 1942 г. был составлен план выращивания овощей в блокированном городе. Он был реализован только на 45,7%, поскольку

суровая военная реальность оказалась гораздо жестче. Тем не менее, в том году воинские части, защищавшие Ленинград, именно за счет этих предприятий были обеспечены 94300 тоннами овощей. Жители блокированного города получили 42100 тонн овощей за счет местных огородов. Опыт 1941 г. положительно сказался на огороднической деятельности ленинградцев и уже в 1942 г. жители города обеспечили себя сельскохозяйственной продукцией в три раза больше, чем в начальный период войны [1, л. 23–25].

Сотрудники Ленглавресторана, проявив инициативу, откомандировали своих сотрудников на побережье Белого моря, где была организована добыча пищевых водорослей и морской капусты. В 1943 г. этого ценного сырья было добыто 10 тыс. центнеров. Предприятия ленинградской торговли в 1942 г. наладили вылов рыбы на Ладожском озере и других пригородных озерах, а также на Неве. В результате горожане получили 260 тонн свежей рыбы [6, л. 39].

Условия блокады потребовали новых подходов к созданию продуктов питания. С этой целью были созданы «с нуля» производственные предприятия, выпускавшие, например, тесто из целлюлозы, глюкозу и другую продукцию. В итоге в Красную армию и горожанам стали поступать невиданные прежде продукты питания: питательные концентраты, галеты, каши, желе, студень, чайный напиток. Ленинградские умельцы научились делать патоку из хлопка, дульцина и аскорбиновой кислоты [1, л. 36–37].

Во время блокады был освоен выпуск как минимум 23 новых видов продуктов питания, среди которых были, например, кишечный фарш, белковый студень, глюкозный сироп, агар-агар, сиропы и клюквенный сок, хвойный напиток «С», белковые дрожжи, растительная икра, яичный белок, костный бульон и многое другое.

Едва-едва была снята блокада, ленинградцы и жители Ленинградской области стали прилагать неимоверные усилия для приближения Великой Победы. 14 апреля 1944 г. Совет Народных Комиссаров СССР в постановлении № 414 потребовал восстановить в Ленинградской области 38 совхозов. В эти предприятия в срочном порядке были доставлены тракторы, прицепы к ним и сельскохозяйственный инвентарь. Совхозы были обеспечены рабочим и продуктивным скотом. В течение второго и третьего кварталов 1944 г. эти совхозы обеспечивались крупным рогатым скотом, поросятами, овцами и домашней птицей. В новые совхозы было передано 76 трофейных грузовиков [3, л. 6]. Все работники новых совхозов бесплатно получали приусадебные участки, жилье и хозяйственные постройки. Для осуществления такой поддержки работников совхозов государство через банки предоставляло безвозмездную ссуду в размере 5 тыс. руб. [3, л. 8] Если работники совхозов желали жить в улучшенных условиях, Сельхозбанк выделял ссуды на индивидуальное жилищное строительство под 3% годовых сроком на 5 лет [4, л. 106]. В целях обзаведением хозяйством сотрудники новых совхозов получали возможность приобрести на семью телку по льготной цене [3, л. 8]. Кроме того, государство позволяло закупать домашний скот с помощью кредита под 3% годовых сроком на два года [4, л. 106].

В октябре 1943 г. заведующий земельным отделом Ленгорисполкома Ларионов и главный агроном отдела Михайлов составили план развития сельского хозяйства пригородов Ленинграда на период с 1944-1948 гг. Веря в предстоящую Победу, они рассчитали возможности сельскохозяйственных предприятий таким образом, чтобы создать вокруг Ленинграда овощеводческие и животноводческие предприятия, которые могли бы полностью обеспечивать горожан овощами, мясом и молоком [5, л. 1].

В победном 1945 г. ленинградцы и жители области существенно увеличили площади для посадки картофеля и других овощных культур, заметно повысилось поголовье скота [6, 7]. Анализ статистических данных убеждает в том, что, приближая Победу, ленинградцы с каждым годом войны наращивали сельскохозяйственное производство, что позволило им не только выжить, но и победить.

Литература и источники

1. Центральный государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга (Далее – ЦГАИПД СПб.). Ф. 4000. Оп. 20. Д. 77 Р.
2. Пред. завкома. К сведению огородников // Искра. – 1943. - № 5. – 31 марта. – С. 2.
3. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГА СПб.). Ф. 7279. Оп. 2. Д. 30.
4. ЦГА СПб. Ф. 7279. Оп. 2. Д. 28.
5. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 74 Р.
6. Зотова, А. В. Сельскохозяйственный феномен блокадного Ленинграда / А. В. Зотова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19, № 4. – С. 38–41.
7. Зотова, А. В. Экономика блокады / А. В. Зотова. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Издательский центр "Остров", 2016. – 320 с. – ISBN 978-5-94500-102-2.

Военно-санитарные поезда – вклад в победу

Military ambulance trains – contribution to victory

Аннотация. В статье анализируется опыт создания военно-санитарных поездов в годы Первой мировой войны и его использование в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Военно-санитарные поезда, организация и функционирование, Первая мировая война, Великая Отечественная война.

Annotation. The article analyzes the experience of creating military ambulance trains during the First World War and its use during the Great Patriotic War.

Keywords: Military ambulance trains, organization and functioning, the First World War, the Great Patriotic War.

Опыт по созданию военно-санитарных поездов был приобретен в России еще во время войны русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Тогда санитарные поезда Российского общества Красного креста перевезли свыше двухсот тысяч больных и раненых. Эту деятельность Российский Красный Крест продолжал и во время русско-японской войны.

С началом Первой мировой войны вдовствующая императрица Мария Федоровна уже в сентябре 1914 года отдала распоряжение о формировании перевязочно-питательного отряда военно-санитарного поезда. Для этого у Николаевской железной дороги были затребованы 6 вагонов, находящиеся в собственности Марии Федоровны еще с русско-японской войны. Она брала на свой собственный счет оборудование поезда, снабжение санитарным имуществом, продовольствием и содержание врачебно-санитарного персонала и слесарей. К январю 1915 г. на ее счету были военно-санитарный поезд № 142 и перевязочно-питательный отряд, поезд № 90 (для обслуживания Кавказского фронта с марта 1915 г.) [1, л. л. 79, 85].

Создание военно-санитарных поездов занимало особое место и в благотворительной деятельности императрицы Александры Федоровны. Уже 13 ноября 1914 г. в Царском Селе был освящен военно-санитарный поезд № 143, которому было присвоено ее имя. Поезд был оборудован на средства табачного промышленника А.Н. Заусайлова, три автоколонны при нем созданы императорским автомобильным обществом, а отряд санитарных повозок сформирован на средства прапорщика Стулова [2, л.12]. При освящении поезда Александра Федоровна вручила всему персоналу, отъезжающему на фронт, образки. Через несколько дней этот поезд вернулся в Царское Село, привезя раненых солдат и офицеров. Императрица с дочерьми встретила поезд и, как сообщалось в «Правительственном вестнике», обошла всех раненых.

И в дальнейшем персоналу этого поезда оказывалось постоянное высочайшее внимание. Шефские поезда, носившие августейшие имена, отличались хорошей организацией, высокой технической оснащенностью и обладали рядом преимуществ, которых не было у других. Так, они могли ехать с большей скоростью, иметь вес более 40 тыс. пудов и доставлять раненых в Царскосельский район.

Александра Федоровна обратила внимание и одобрила предложение камер-юнкера В.В. фон Мекка об образовании под своим покровительством подвижных поездов-складов под флагом Красного Креста с целью оказания помощи как учреждениям РОКК, так и военного ведомства в деле снабжения их необходимыми предметами медицинского снаряжения и питательными средствами. Каждый подвижной склад состоял из 9 вагонов: вагон для персонала склада, вагон – раздаточный бельевой склад, вагон – бельевой пакгауз, вагон – аптечный раздаточный склад, вагон – аптечный пакгауз, вагон – вещевой раздаточный склад, вагон – вещевой пакгауз, вагон – дезинфекционные камеры, вагон – питательный пункт. Снабжались поезда-склады средствами складов, устроенных императрицей в Петрограде и Москве. Всего было оборудовано 4 поезда-склада. На содержание каждого поезда-склада

отчислялось 830 руб. в месяц. Зав. поездом и его помощник не получали ни содержания, ни довольствия. Особоуполномоченным для заведывания этими поездами стал секретарь великой княгини Елизаветы Федоровны камер-юнкер В.В. фон Мекк. Ему было предоставлено звание Особоуполномоченного РОКК и право помещать на вагонах знак Красного Креста [3, л. л. 72, 73].

Императрица постоянно интересовалась работой этих уникальных подвижных складов, и фон Мекк регулярно отправлял ей подробные письма-отчеты. Так, 1 октября 1914 г. он сообщал о наплыве раненых во Львове, в связи с чем он передал в распоряжение генерал-губернатора 1 тыс. комплектов белья и материала на 7 тыс. перевязок. Почти на всех письмах фон Мекка Александра Федоровна делала пометки. Учитывая, что поезда-склады бывают непосредственно близ сражений, она высказала пожелание, чтобы присоединить к ним небольшую медицинскую организацию для первоначальной помощи раненым. Кроме того, Александра Федоровна пожертвовала 1300 руб. для организации трех вагонов-лабораторий и трех летучих дезинфекционных отрядов, а также подарила каждому поезду-складу по комплекту походной церковной утвари [4, л. 46].

Деятельность поездов-складов императрицы была уникальна и получила высокую оценку современников. Газета «Новое время» 3 декабря 1914 г. писала: «Ничего подобного не было ни в русско-японскую войну, ни раньше ... Отсутствие казенщины и глубокая человечность, вложенная во все подробности его выполнения». Генерал А.А. Брусилов в этот же период телеграфировал в Ставку: «Склады Ее Величества приносят неоценимую пользу».

По традиции царской семьи великая княгиня Ксения Александровна также содержала за личный счет поезд № 33, что обходилось примерно 1500 руб. ежемесячно. Так, например, расход по поезду и содержанию в нем раненых за январь 1916 г. составил 1490 руб. 80 коп. [5, л. 37].

Питание раненых в императорских санитарных поездах было тщательно организовано. Сохранилось, например, меню санитарного поезда № 33 за 1 марта 1916 года: «Для нижних чинов на обед – уха из налима с расстегаями, телятина жареная с картофелем, мусс земляничный; на ужин – котлеты с пюре, размазня гречневая на молоке. Для офицеров на обед – щи с грибами, антрекот с картофелем, кисель клюквенный; на ужин – шука фаршированная с картофелем».

Однако, в санитарных поездах, не находящихся под покровительством императорской семьи, и питание, и организация помощи раненым были не на высоте и этот контраст вызывал социальный протест и общее неудовлетворение социальной помощью пострадавшим от войны. В целом же был накоплен огромный опыт использования санитарных поездов для эвакуации раненых и оказания им необходимой помощи.

Этот опыт был использован в годы гражданской войны, когда на стороне Красной армии действовало 242 санитарных поезда. Но наибольшее количество больных и раненых санитарные поезда эвакуировали во время Великой Отечественной войны, с их помощью было вывезено порядка 5 млн раненых и больных. В эти грозные годы было сформировано 487 военно-санитарных поездов [6, с. 14].

При этом военно-санитарные поезда осуществляли не только эвакуацию и первую помощь, но и являлись передвижными больницами, оборудованными операционными. Это способствовало скорейшему возвращению в строй спасенных бойцов и это был значительный вклад в Победу над фашизмом.

Литература и источники

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 474. Оп.1, Д. 323. Л.л. 79, 85.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 252. Оп. 2 (225 2747). Д. 176. Л. 12.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 252. Оп. 2 (225 2747). Д. 42. Ч. 1, лит.1. Л. 72, 73.

4. Российский государственный исторический архив. Ф. 252. Оп. 2 (225 2747). Д. 97. Ч.2, лит.А. Л. 28, 46.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 521. Оп. 1.Д. 131. Л. 37.
6. Буряк Ю.Ю. Военно-санитарные поезда СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 11–17.

Концепция Победы в исторических дебатах в СССР в конце 1980-х годов

The Concept of Victory in Historical Debates in the USSR in the Late 1980s

Аннотация. В статье на материалах советской печати проанализировано изменение концепции Победы в Великой Отечественной войне в ходе перестройки в конце 1980-х годов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Горбачев, перестройка, пересмотр истории Великой Отечественной войны, Хрущев, Сталин, исторические реалии.

Abstract. The article analyzes the change in the concept of Victory in the Great Patriotic War during perestroika in the late 1980s on the materials of the Soviet press.

Keywords: Great Patriotic War, Gorbachev, perestroika, revision of the history of the Great Patriotic War, Khrushchev, Stalin, historical realities.

Спустя восемь десятилетий после Победы СССР в Великой Отечественной войне историк сталкивается с общей переоценкой революционного и коммунистического периода жизни Советского Союза и России. Эта переоценка стала возможна в ходе распада СССР и отказа от коммунистической идеологии, сопровождавшихся весьма сомнительными концепциями сведения воедино идеологии и практики сталинизма и гитлеризма при написании истории XX века.

Как известно, история Великой Отечественной войны была весьма ясно изложена в советских школьных учебниках: вероломное нападение на СССР 22 июня 1941 г. привело к огромным потерям, но Германия не смогла сломить дух населения и его безграничную уверенность в Победе.

Однако, историки-диссиденты, появившиеся в хрущевский период «оттепели», стремились доказать, что Советский Союз победил не благодаря Сталину, а вопреки его стратегическим и дипломатическим ошибкам. Причем первым об этом заявил Хрущев в секретном докладе на XX съезде КПСС, где говорилось о том, что в начале войны Сталин впал в депрессию и отстранился от руководства военными действиями. Публикация журнала посещений Сталина полностью опровергает эту теорию. Из опубликованных документов следует, что 22 июня Сталин принимал в Кремле высших гражданских и военных чиновников страны в течение 11 часов; 23 июня – в течение 10 часов 30 минут; 24 июня – в течение 5 часов 10 минут; 25 июня – в течение 11 часов, 26 июня – в течение 10 часов 35 минут; 27 июня – в течение 10 часов 5 минут; 28 июня 1941 года – в течение 5 часов 15 минут [1, с. 337–341].

Приход к власти Михаила Горбачева в 1985 г. совпал с празднованием сорокалетия Победы над фашистской Германией. Первоначально в материалах советской прессы не наблюдалось прямой исторической дискуссии. Единственным, по сравнению с предыдущим периодом, изменением в публикациях стали различные призывы к сохранению исторического и архитектурного наследия страны.

Первые признаки культурной либерализации нашли отражение в публикации рукописей писателей, которые ждали этого момента около двадцати лет. В театрах, сразу после получения разрешения, ставились запрещенные ранее спектакли. Кинематографисты начали выпускать фильмы, в которых ставились под сомнение отдельные моменты и события советской истории.

Однако, официальный дискурс оставался неизменным вплоть до пленума ЦК КПСС в январе 1987 г., на котором перестройка была объявлена новой государственной идеологией. Утверждение Горбачева о том, что «у нас не должно быть зон, закрытых для критики, и лиц, стоящих вне критики», непосредственно относилось и к новому подходу в освещении истории [2]. Вскоре на организованном ЦК КПСС совещании с участием руководителей

ведущих газет страны Михаил Горбачев подчеркнул, что «в нашей истории и литературе не должно быть белых пятен» [3].

В действительности реальный разрыв с предыдущим периодом произошел лишь после выступления М.С. Горбачева на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октябрьской революции. Год спустя это выступление было названо в «Правде» отправной точкой новой политики в исторической области. В статье было указано, что Горбачев изложил общие контуры новой концепции исторического развития, благодаря которой «впервые после длительного перерыва партия смело и бескомпромиссно открыла проблемы исторического прошлого для серьезного анализа» [4].

В январе 1988 г. после принятия законов о реабилитации репрессированных советских руководителей в большом количестве в прессе начали появляться не только статьи, пересматривающие официальную концепцию истории, но и «консервативные манифесты» [5].

Подобные атаки консервативных сторонников прежних социалистических принципов привели к организованному ответу со стороны либералов - сторонников реформ и сближения с Западом. Появились публикации, в которых были подвергнуты сомнению как личность Сталина, так и его деяния, достижения и заслуги. Начиная с 1986 г., в прессе стали появляться забытые историей имена, в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Нева», «Москва» были опубликованы ранее запрещенные произведения.

В политической сфере пересмотр исторической концепции, инициированный и поддерживаемый советской властью через официальную прессу, основывался на желании свалить вину за ухудшение экономической ситуации в стране на «сталинизм», одновременно пытаясь спасти «ленинизм», который оставался последним идеологическим оплотом режима в оправдании своей идеологической легитимности.

Так, личность Сталина и его психологический портрет представлялись в качестве одной из причин, пусть частично, но неизбежно, его преступлений. Как известно, при жизни он был известен согражданам только по статьям и редким публичным выступлениям, растиражированных в газетах и переданных по радио.

Под сомнение были поставлены действия и других руководителей того времени, соратников и предполагаемых противников, которые были представлены в прессе в качестве политической альтернативы сталинской диктатуре. Это переписывание роли политических деятелей сопровождалось критикой основных событий в истории СССР (Гражданская война, коллективизация, индустриализация и т. д.). Та же судьба уготована международному коммунизму и его главной организации - Коминтерну.

Великая Отечественная война больше не анализировалась через призму Победы, а подвиги ее героев, таких как Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, 28 панфиловцев и др. были обесславлены. История войны писалась с оглядкой на стратегические ошибки и человеческие жертвы операций, проводимых по решению Сталина и его приближенных. Это новое видение истории было, по сути, обычным копированием наиболее критических тезисов западной трактовки истории СССР.

Пересмотр истории периода Великой Отечественной войны начался с анализа советско-германского договора о ненападении 1939 г., секретные приложения к которому были опубликованы в августе 1988 г. в одной из эстонских газет и предусматривали раздел Польши и Прибалтики на зоны влияния между СССР и Германией [6, с. 27-70].

Еще более поразительным был тот факт, что в 1989 г. в публикациях впервые в Советском Союзе был поставлен знак равенства между нацистской Германией и Советским Союзом [7].

Помимо этого, советская пресса усиленно настаивала на том, что Сталин был прекрасно информирован о точной дате нападения Германии на Советский Союз, однако, он не принял никаких превентивных мер для укрепления новых границ [8].

Таким образом, усилия либерально-демократической прессы увенчались относительным успехом. Если в сознании большинства советского населения до 1987 г. именно Сталин сыграл решающую роль в годы войны, то в перестроечный период акценты были смещены на

осуждение предвоенных чисток, затронувших руководство армии, что привело к провалу выбранной Сталиным в начале войны военной стратегии. Пресса также гораздо больше интересовалась жертвами войны, диспропорциями в советских и немецких военных потерях, трагической судьбой советских военнопленных в Германии и в оккупированных зонах, а также незавидной участью выживших в плену солдат и офицеров, вернувшихся в СССР.

Исходя из вышесказанного, сегодня следует только приветствовать инициативы, появившиеся в России в последние годы, которые направлены на изложение в российских школьных учебниках реальных исторических фактов, позволяющих привить подрастающему поколению столь необходимый в современных условиях патриотизм.

Литература и источники

1. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924-1953 гг.). Справочник / научн. ред. А.А. Чернобаев. - М.: Новый хронограф, 2008. – 784 с.
2. Moulllec G.-G. La nouvelle Vérité. La révision de l'Histoire en Union soviétique au travers de la presse (1985-1989). [Новая Истина. Пересмотр истории в Советском Союзе по материалам советской прессы. (1985-1989).] Paris: École des hautes études en sciences sociales (EHESS), 1989. - 203 p.
3. Яковлев Е. Записки участника встречи // Московские новости. 1987. 22 февр.
4. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Время трудных вопросов // Правда. 1988. 30 авг.
5. Андреева Н. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 1988. 13 марта.
6. Moulllec G.-G. Le renseignement soviétique à la veille de la Grand Guerre patriotique: désordre ou renaissance? [Советские спецслужбы накануне Великой Отечественной войны: хаос или возрождение?] / É. Denécé. Des réseaux et des hommes. Contribution à l'histoire du renseignement. Collection «Culture du renseignement». Paris: L'Harmattan, 2000. – 175 p.
7. Попов Н. Все мы в одной лодке // Литературная газета. 1989. 1 марта.
8. Мерцалов А. Миф о великом стратеге // Социалистическая промышленность. 1988. 15 мая.

Победа в Великой Отечественной войне в восприятии герценовцев

Victory in the Great Patriotic War in the perception of the Herzen people

Аннотация. В статье на основе преимущественно источников личного происхождения освещается эволюция представлений герценовцев о Победе в Великой Отечественной войне. Многие из них в первые дни войны были убеждены в скорой Победе. На фронтах и в блокадном Ленинграде через суровые испытания и подступавшее отчаяние, через личные и коллективные небольшие победы они пришли к непоколебимой вере в Победу над страшным ненавистным врагом, в ту Победу, которую все они приближали, как могли.

Ключевые слова: Победа, Великая Отечественная война, Герценовский институт, герценовцы, фронт, блокада, эвакуация.

Abstract. Based mainly on personal sources, the article highlights the evolution of the ideas of students and staff of the Institute about Victory in the Great Patriotic War. In the early days of the war, many of them were convinced of a quick Victory. On the fronts and in besieged Leningrad, through severe trials and approaching despair, through personal and collective small victories, they came to an unshakeable faith in Victory over a terrible hated enemy, in the Victory that they all brought closer as they could.

Key words: Victory, the Great Patriotic War, the Herzen Institute, the Herzen people, the front, the blockade, the evacuation.

Герценовцы – это студенты, преподаватели и сотрудники Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена (ЛГПИ), ныне – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Почему именно герценовцы? Мои родители были студентами-герценовцами, я много лет работаю в Герценовском и давно занимаюсь историей вуза в годы войны. Конечно, в целом герценовцы воспринимали Победу так же, как и почти все граждане СССР, тем более ленинградцы и те, чья жизнь была связана с ленинградскими вузами. Однако письма, дневники, воспоминания герценовцев, некоторые делопроизводственные документы могут внести в эту палитру чувств и представлений некоторые дополнительные оттенки.

Многие представители военного поколения, особенно молодые люди, выросшие в 1920 – 1930-е гг., не сомневались, - победа над врагом будет достигнута если уж не малой кровью, то все равно быстрым ударом, и нужно успеть внести свою лепту в эту победу. 28 июня 1941 г. моему отцу Г. Г. Фруменкову в коридоре вручили диплом с отличием («без всяких церемоний! Не до того было! Вторую неделю полыхала война») [1]. Выпускников истфака было приказано отправить в военное училище. 21-летний Г. Г. Фруменков недавно женился (жена В. А. Щепотьева – студентка герценовского блокадного выпуска - погибла весной 1942 г.), но решил немедленно пойти добровольцем на фронт. По сведениям друзей, из-за отказа поступать в училище у парня, сына врага народа, были серьезные неприятности. Его задержали и едва не обвинили в дезертирстве [2. С. 482]. К счастью, военные быстро разобрались в ситуации, и 12 июля 1941 г. Г. Г. Фруменков был уже на фронте под Лугой.

Искренняя вера в близкую победу подверглась жесточайшим испытаниям. Перешедшие на 3-й курс студентки филфака, в числе которых была и моя мать В. П. Соловьева, также встретились с врагом под Лугой в июле 1941 г., когда рыли окопы. Мама вспоминала, что, вернувшись в Ленинград, на Невском пр. она впервые услышала «Священную войну» А.В. Александрова и В.И. Лебедева-Кумача – великую и суровую песню, утверждавшую, что Победа будет завоевана в «смертном бою».

В правоте этих слов смогли убедиться все граждане советской страны. Если у многих из тех, кто сражался, несмотря на отступление, могли быть свои маленькие победы, наносившие

урон гитлеровцам, то герценовцам их достижения в противостоянии жестокому врагу в условиях блокадной неопределенности часто приносили только усталость. В минуты слабости они доходили почти до отчаяния, но продолжали поддерживать близких, спасать их и сохранять веру в Победу, хотя и без уверенности, что самим удастся до нее дожить. Студентка досрочного блокадного выпуска Н. К. Дятлова 21 октября 1941 г., сдав текущие зачеты и экзамены, записала в своем дневнике: «Нападает страшная усталость, безразличие, отчаяние... Но товарищи рядом работают, читают, пишут. Они могут себя заставить, значит, и я должна» [3. С. 142]. 30 октября она сдала госэкзамены: «Главное — конец учебы. Но и радости нет. Огромная усталость» [3. С. 145].

Несмотря на усилия администрации вуза, эвакуация блокадного выпуска откладывалась. 22 декабря 1941 г. в «черный, зловещий юбилей» (прошло полгода с начала войны), девочки, лежа на общежитских койках, подводили невеселые итоги полугодия. Подруги стали вспоминать, когда в последний раз мылись в бане: «— В середине сентября, когда не было сильных бомбежек. Три месяца назад!

- Сколько месяцев спим в пальто и обуви?
- С середины октября, уже два месяца! И не умываемся водой второй месяц! Только снегом иногда протираемся.
- Когда получали деньги в последний раз?
- Тут долго думать не приходится:
- На мебельной фабрике нас рассчитали 1 августа. Сколько же месяцев прошло? Девочки, да мы пять месяцев живем на эти деньги!
- Под бомбежками уже четыре месяца.
- Голодаем четвертый месяц...
- Недовольный голос:
- Не травите душу. Пора кончать подсчеты» [3. С. 153–155].

Согласно записям Н. К. Дятловой, 23 декабря 1941 г. герценовцы услышали «невероятную, всколыхнувшую весь институт весть» о том, что возможна эвакуация из Ленинграда по льду Ладожского озера. У Нины к этому времени закончились деньги, она решилась продать дневную пайку хлеба, что едва не довело ее до гибели. Спасли подруги, сумевшие пристроить Н. К. Дятлову в больницу. После возвращения никого из подруг Нине встретить не удалось. Скорее всего они погибли [3. С. 156–162].

Студентка 2-го курса истфака Н. П. Черкасова-Чернянская, в первую блокадную зиму медсестра госпиталя, 28 марта 1942 г. рассуждала в своем дневнике: «Я подумала о стадиях войны, отражавшихся в психологии людей города. 1. Период возбужденного, воинственного, победоносного настроения. Очень многие считали, что война долго не продлится, что врага мы к нам не пустим... 2. Период возбужденного, я бы сказала, раздражительного настроения — примерно с конца августа по ноябрь 1941-го. Люди, помню, быстро раздражались, везде толкотня, ссоры. Некоторые считали, что войну мы проиграли и вообще дела плохи. Что касается меня, то я никогда так не считала. Правда, в самый тяжелый период думала: неужели Ленинград может быть сдан? 3. Период с декабря 1941-го по начало февраля 1942-го: не было света, тепла, не работал в городе транспорт. Люди ходили мрачные, грязные, в копоти, истощенные, чувствовалась апатия. Была большая смертность. 4. Период февраля — марта 1942-го. В связи с активными действиями наших войск на фронтах — оживление духа» [4].

В декабре 1941 г. комсорт батальона Г. Г. Фруменков в составе войск Волховского фронта участвовал в достижении первой ленинградской Победы – в освобождении Тихвина. Отец рассказывал: тогда он впервые увидел те ужасы, которые вытворял враг на нашей земле, и его охватила ненависть, переданная К. М. Симоновым: «Сколько раз ты его увидишь, столько раз ты его и убей». Та святая ненависть, которая способствовала «оживлению духа» и вела нашу армию к Победе.

«Оживление духа» весной 1942 г. испытывали и эвакуированные герценовцы - они одержали свою маленькую победу: смогли выжить – и с достоинством, спаслись из блокадного

ада. Выехавшие на большую землю блокадные выпускницы прибыли на работу в школы по направлению Наркомпроса. В сентябре 1942 г. Герценовский институт начал учебный год в г. Кыштыме Челябинской области.

Весной 1942 г. в герценовском квартале на набережной р. Мойки остался ленинградский филиал (от 50 до 14 штатных единиц), сохранявший имущество института. Обмениваясь телеграммами с Кыштымом, сотрудники филиала отметили начало большой ленинградской Победы - прорыв блокады в январе 1943 г. Главным вкладом филиала в Победу стало проведение блокадного набора студентов и возобновление занятий в Ленинграде 15 октября 1943 г. Завбиблиотекой А.И. Градусова вспоминала: «Осень 1943 г. Город наш все еще в кольце блокады. Жестокие обстрелы и бомбежки не ослабевают. И вдруг приходит радостная весть: ...горком ВКП(б) и горисполком решили... возобновить занятия и в... институте им. Герцена. Вся ленинградская группа герценовцев с энтузиазмом готовилась к приему. Собрали не одну тысячу заявлений... Готовили аудитории, мыли закопченную мебель, полы, стены... И, конечно, готовили библиотеку» [5. С. 11]. 30 октября 1943 г. она писала в Кыштым коллеге: «Много у нас и радостного, бодрящего, обещающего близкую победу и конец проклятого врага: Ленинград под летающей смертью живет и восстанавливает жизнь... Так было радостно видеть вновь ожившими и загудевшими молодыми голосами старые стены» [6. Л. 12 об. - 13].

Осенью 1943 г. война и блокада для герценовцев начала становиться историей. Еще 25 марта 1942 г. члены комиссии Президиума АН СССР подписали письмо, адресованное секретарю горкома ВКП(б) Я. Ф. Капустину. Его авторы утверждали, что «героическая оборона Ленинграда..., самоотверженный труд ленинградских рабочих..., неслыханные страдания от голода, бомб и снарядов, с мужеством и стойкостью переносимые населением..., – все это представляет ценнейший... материал для историка». Нужно начать «кропотливое собирание документального материала» [7. С. 564–565]. Двое из трех ученых, подписавших письмо, – С. И. Ковалев и А. И. Болтунов – перед войной работали в ЛГПИ. Позже было принято постановление горкома, и 10 сентября 1943 г. в филиале создали комиссию под руководством директора филиала Е. Ф. Сакович «по сбору материалов, отображающих работу института» в период войны [8. Л. 25 об.].

Несмотря на тяжкий блокадный быт, к концу 1943 г. становилось все яснее, что блокаде скоро придет конец. В своей телеграмме, отправленной в Кыштым 28 декабря 1943 г., Е. Ф. Сакович поздравляла коллег «с Новым годом Великих побед... С годом полного уничтожения врагов на нашей земле. С годом нашей встречи в Ленинграде» [9. Л. 25]. «Весть о разгроме немцев в январе 1944 г. прозвучала как гром, радостный и долгожданный. 27 января город, впервые за 900 суток затемнения, засиял огнями салюта. Люди, как зачарованные, глядели на эти блистающие огни. Долгое время не расходились, плакали, обнимались, поздравляли друг друга», - вспоминала А. И. Градусова [5, с. 13].

Главным содержанием жизни всех герценовцев в первой половине 1944 г. стало воссоединение ЛГПИ — находящегося в Кыштыме в эвакуации основного преподавательского ядра института и студентов, в значительной части кыштымцев, с Ленинградским филиалом, который превзошел его по численности. В августе 1944 г. объединение состоялось, и близкий к нормальному 1944/45 учебный год стал новым вкладом герценовцев в Победу.

9 мая 1945 г. — день всенародного ликования — в институте им. А. И. Герцена был отмечен многолюдным митингом. Выступали В. А. Десницкий, А. С. Гинзберг, Н. П. Гринкова — уважаемые профессора, в тяжкие военные годы отдававшие все силы родному институту. «Война окончена! Громадные усилия и жертвы, принесенные нашей страной во имя защиты Родины, во имя высшей справедливости, во имя свободы всех народов, привели к желаемому результату», — торжественно заявил В. Н. Верховский [10. С. 134].

8 июля 1945 г. на Дворцовой площади состоялся парад Ленинградского гвардейского корпуса, состоявшего из трех стрелковых дивизий. Студентка, приехавшая в Ленинград из Кыштыма, вспоминала: «По улицам города шли танки, нескончаемым потоком солдаты, а ленинградцы с детьми стояли вдоль шествия и молчали. Мертвая тишина на улицах и только

шаги, шаги, шаги... Ленинградцы никак от горя не могли отойти. Солдаты из колонны молча брали детей и какое-то время несли их на руках, чтобы реально почувствовать тепло домашнего очага» [11. С. 52–53].

Литература и источники

1. Советский учитель. 1982. 6 мая.
2. Самошкина Г. В. Воспоминания об учебе в институте имени А.И. Герцена // В кн.: Фруменкова Т.Г., Коваль С.А. Георгий Георгиевич Фруменков: историк, ректор, гражданин. Архангельск: Поморский университет, 2010. С. 480 – 484.
3. Дятлова Н.К. В тот год мне было 20 лет... Студенческий блокадный дневник. Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 184 с.
4. Черкасова-Чернявская Н.П. Ленинградский дневник // <https://militera.lib.ru/memo/russian/saintfaith/06.html> (дата обращения 22.05.2025).
5. Библиотекари осажденного Ленинграда. Сб. воспоминаний, дневников, писем и документов. Вып. 2. СПб.: б. и., 2003. – 80 с.
6. ЦГА СПб. Ф. Р - 4331. Оп. 34. Д. 160.
7. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая. Июнь 1941 – май 1942. СПб: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013.
8. ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 2. Д. 6.
9. ЦГА СПб. Ф. Р - 4331. Оп. 31. Д. 758.
10. Педагогический университет им. А.И.Герцена. От Императорского воспитательного дома до Российского государственного педагогического университета. СПб.: «Лики России», 2007. – 224 с.
11. ЛГПИ в годы войны. Кыштымский период / Сост. М.К. Ахлупина, Н.А. Вахрушева, И.А. Новиков, Н.П. Шмакова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2005. – 170 с.

Эйфория победителей в войне как историко-психологическое явление

The euphoria of the victors in war as a historical and psychological phenomenon

Аннотация. В статье представлено авторское дискуссионное видение, преломленное сквозь призму исторической психологии, некоторых аспектов эйфории, что захватывает в плен победителей в войне. Рассматриваются как позитивные, так и негативные стороны явления, указанного выше. Материал излагается в тезисной конспективной форме.

Ключевые слова: победа в войне, историческая психология, эйфория победителей, ее плюсы и минусы.

Abstract. The article presents the author's discussion vision, refracted through the prism of historical psychology, of some aspects of euphoria that captures the victors in war. Both positive and negative aspects of the phenomenon indicated above are considered. The material is presented in a thesis summary form.

Key words: victory in war, historical psychology, euphoria of the winners, its pros and cons.

*Психику бойцов следует оценивать как
первой ценностью, главным орудием боя*
Г.Е. Шумков [1, с.84]

«Обычно источником победы является перевес суммы всех физических и моральных сил; победа, бесспорно, увеличивает этот перевес, иначе не добивались бы ее так и не покупали бы ее столь дорогой ценой. Безусловно, победа сама по себе усиливает этот перевес; это также относится и к ее последствиям, но не до самого конца, а лишь до известного пункта. Последний может находиться очень близко и иногда лежит так близко, что все последствия победоносного сражения сводятся лишь к усилению морального превосходства» [2, с.456–457]. Да простит меня придирчивый критик за столь громоздкую цитату. Ведь она принадлежит К. Клаузевицу – признанному авторитету мировой военной мысли. И в ней очень четко обозначена специфика военной победы как военно-исторического явления.

Причем, К. Клаузевиц сделал здесь особенный акцент на категории «морального превосходства в войне». И это выглядит закономерным, ибо войну ведут и побеждают в ней, в итоге, люди. Не случайно, стала расхожей в среде военных профессионалов фраза, ставшая своего рода афоризмом: «Пока нога солдата-пехотинца не вступила на землю врага, эта земля не завоевана». Заострим внимание: именно солдата-пехотинца, ибо ему тяжелее всего приходится на войне.

Опыт военной истории свидетельствует: любая победа на войне вызывает состояние эйфории в стане победителей. Причем, *коллективной эйфории*. И здесь интересно посмотреть на это явление сквозь призму исторической психологии, так как:

во-первых, победу в войне одерживают войска и силы, то есть воинские коллективы – носители социальной психологии, в которых проявляется такая закономерность: всякая совместная деятельность – это непростая сумма индивидуальных и независимых усилий, а качественно иное явление [3, с. 7];

во-вторых, эти воинские коллективы попадают в предмет исследования исторической психологии по той причине, что историческая психология есть интегральная отрасль гуманитарного знания, которая изучает эволюцию умонастроений и поведения людей, нравов, обычаев и традиций в историческом времени и пространстве [4, с. 8–9];

в-третьих (и это особенно значимо), историческая психология изучает человека исторического, который, по меткой характеристике Ж.П. Сартра, одного из столпов

экзистенциализма, беспрестанно определяет себя «своей собственной практикой» [5, с. 205–206].

Чтобы понять сущность эйфории как историко-психологического явления, следует уяснить, что же представляет она собой? И сразу заметим, что в медицине эйфория считается паталогическим состоянием, имеющим ряд характерных признаков: повышенное, радостное настроение; чувство довольства, благополучия. Но они не соответствуют объективным обстоятельствам. При этом необходимо подчеркнуть, что у лиц, подверженных эйфории, обычно преобладает оптимистический взгляд на окружающее, отсутствует критическая оценка своего состояния, они испытывают беспричинно радостное настроение [6].

Но медики, считают эйфорию паталогическим состоянием, по моему суждению потому, что она вызывается, в том числе, и довольно часто, наркотиками и алкоголем. Между тем, победа в войне обуславливается явно не алкоголем и наркотиками. Они не помогли, к примеру, одержать, в итоге, победу над красноармейскими частями силами некоторых эсесовских частей, что шли, судя по воспоминаниям наших бойцов, в психическую атаку в полный рост в состоянии сильного алкогольного опьянения [7].

Эйфория в рядах победителей возникает в силу значимости, масштабности, судьбоносности события, которое, фигурально выражаясь, захлестнуло их с головой. Они буквально потонули в нем. Нельзя, конечно ощутить на себе, но можно составить гипотетическую картину, опираясь, например, на воспоминания очевидцев-фронтовиков, той сильнейшей эйфории, захлестнувшей советских воинов-спасителей мировых цивилизаций от «коричневой чумы» нацизма и фашизма, которые открывали 9 мая 1945 года беспорядочную стрельбу в воздух и расписывались у стен рейхстага [8]. Ведь коллективная эйфория скинула, посредством сильнейшего эмоционально всплеска, мощнейшей экзальтации, по крайней мере, на небольшой временной интервал, ту страшнейшую морально-психологическую усталость, что накопилась за 1418 дней и ночей у тех, кто совершил Великий подвиг, сокрушив нацистского зверя в его логове.

Между тем, эйфория постепенно затухает. Видимо, гипотетически можно предположить, волнообразным путем, чем-то напоминающим, образно выражаясь, бег эмоций и чувств по синусоиде. И когда выравнивается эта синусоида (сложно сказать, сколько данный процесс займет времени), наступает тяжелый временной интервал, тонко подмеченный поэтическим наитием гения М.Ю. Лермонтова:

Тогда считать мы стали раны

Товарищей считать... [9]

И данный процесс, пришедший на смену коллективной эйфории, порождает в воинских коллективах противоречивые настроения – чувство неимоверной горечи по погибшим товарищам, которым не пришлось расписаться на стенах рейхстага; размышлениями типа, а что дальше, когда домой и т.д.? Здесь может появляться индивидуальная и коллективная тревожность [1, с.85–87; 10, с. 224–247]. Видимо, возможны также и элементы фрустрации [11; 12, с.59–61].

Вот и проявились негативные проявления состояния эйфории, о котором шла речь выше. Так что можно вспомнить о том, что медицинская наука считает состояние эйфории все-таки патологией. Однако к сказанному мною выше не следует применять категоричное определение состояния эйфории в качестве патологии. Оно, конечно, может перейти в нее. Например, посредством коллективного пьянства, вызванного процессом углубления состояния эйфории в воинских коллективах. И тогда могут наступить тяжелейшие события.

И здесь уже должны сказать свое веское слово командиры и начальники всех степеней – погасить присущими приемами и методами коллективное пьянство. Следовательно, и постепенно локализовать состояние эйфории у победителей, а затем – и вовсе свести его на нет. Между тем, это очень трудная задача.

Как видно, проблема, поднятая мною, довольно сложна, многоаспектна, противоречива. Но как говорили древние римляне, «*Dixi et animam levavi*» («Я сказал и тем облегчил свою душу»).

Думается, что здесь налицо научно-исследовательское поле для тех, кто специализируется на проблематике исторической психологии.

Литература и источники

1. Шумков Г.Е. Роль чувства тревоги в психологии масс как начала, нивелирующего индивидуальности // Военный сборник. СПб. 1914. Вып.1. № 9. С. 84–89.
2. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934. 692 с.
3. Королев А.А. Историческая психология: предмет и структура (опыт научной рефлексии) // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика. 2008. №2. С.7–19.
4. Журавлев А.Л. Историческая психология в контексте современной психологической науки // Историческая психология: предмет, структура и методы. М., 2004. С. 8–9.
5. Сартр Ж.П. Проблемы метода / Пер. с. франц. М.: Прогресс, 1994. 234 с.
6. Эйфория // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: oid.bigenc.ru (дата обращения:19.05.2025)
7. «Тактика пьяных немцев – рассказ ветерана из 237-й стрелковой дивизии // Военная хроника. 2021 год [сайт] URL:voenhronika.ru (дата обращения:19.05.2025)
8. «Я расписался на Рейхстаге за всех павших и живых»: Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны // Комсомольская правда. 2025. 10 февр.
9. Лермонтов М. Бородино. Культура РФ [сайт] URL: www.culture.ru (дата обращения: 19.05.2025).
10. Айзенк Х. Психологические теории тревожности // Тревога и тревожность СПб.: Питер, 2001. С. 224–247.
11. Левитов Н.Д. Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. 1967. №6. С.118–129.
12. Сабадаш А.Г. Психологическая реабилитация участников боевых действий // Материалы межрегиональной научно-практ. конф. Ч.2. Чита: ЗабПТУ, 2000. С.59–61.

Шах Аббас I и искусство стратегии (на основе работ французских исследователей)

Shah Abbas I and the Art of Strategy (based on the work of French researchers)

Аннотация. Статья посвящена военным, дипломатическим и стратегическим победам великого Шаха из династии Сефевидов – Шах Аббаса I в контексте Осmano-Сефевидских войн на основе критического разбора исторических трудов французских исследователей эпохи. В статье проведен сравнительный анализ стратегических побед Шах Аббаса в рассматриваемый период. В указанном исследовании описаны судьбоносные реформы и преобразования Шах Аббаса I, вошедшего в историю как крупный реформатор и полководец, проводивший административные, политические, военные и экономические реформы, создавший регулярную армию, ведший успешные войны с османами и узбеками, отвоевавший ранее потерянные территории и превративший Сефевидское государство в централизованную абсолютную монархию.

Ключевые слова: Шах Аббаса I, Мурад IV, государство Сефевидов, Османская империя, Великое посольство, осmano-сефевидские войны.

Abstract. The article is devoted to the military, diplomatic and strategic victories of the great Shah of the Safavid dynasty - Shah Abbas I in the context of the Ottoman-Safavid wars based on a critical analysis of the historical works of French researchers of the era. The article provides a comparative analysis of the strategic victories of Shah Abbas in the period under consideration. The said study describes the fateful reforms and transformations of Shah Abbas, who went down in history as a major reformer and military leader who carried out administrative, political, military and economic reforms, created a regular army, waged successful wars with the Ottomans and Uzbeks, recaptured previously lost territories and transformed the Safavid state into a centralized absolute monarch.

Keywords: Shah Abbas I, Murad IV, Safavid state, Ottoman Empire, Grand Embassy, Ottoman-Safavid wars.

Сефевидский Шах Аббас I, вошедший в историю под именем Шах Аббаса Великого, является одним из самых великих правителей мусульманского Востока. Именно во времена правления Шах Аббаса I, происходит возрождение государства и восстановление его границ, существующих до осmano- сефевидских войн. Именно в период его владычества, сефевидская армия сумела одержать ряд блистательных побед над османами. Шах Аббас Великий наряду с военными успехами вошел в историю мусульманского мира как крупный реформатор и полководец, проводивший административные, военные и экономические реформы. С восшествием Шах Аббаса на престол, в государстве Сефевидов началось то, что можно назвать эпохой Восточного Просвещения. Политическое наследие Шах Аббаса I до сих пор порождает очень много вопросов и дискуссий вокруг себя. Мы поставили перед собой ряд вопросов, на которые попытались найти ответ, по мере написания данной статьи. Кем был Великий Шах Аббас? Великим завоевателем, талантливым полководцем, выдающимся реформатором, либо тираном, жестокость которого в отношении к простому народу, остается в тени его блистательных побед, так необходимых для укрепления государственности? [3, с.28]. Шах Аббас I, правивший 42 года Сефевидским государством, самый знаменитый после Шах Исмаила I представитель династии Сефевидов. Аббас был сыном Мухаммеда Худабенде и внуком Сефевидского Шаха Тахмасиба I. Родился в 1571 году в Герате (ныне Афганистан), где его отец тогдашний наследник трона, занимал должность наместника области. Ценные исторические сведения о жизни, личности, истории этого великого Шаха из династии Сефевидов, содержатся в труде французского историка Луи Луис Беллана [8]. Обстоятельства его восшествия на престол, когда хорасанские кызылбаши в 1582 году, провозгласили

младшего сына Мохаммеда Худабенде (Сефевидский Шах правивший с 1577 по 1586 гг.), своего хорасанского наместника, талантливого и энергичного Аббаса своим Шахом и сопутствующие этому политические смуты и интриги вплоть до убийства матери Аббаса кызылбашской знатью, детально изложены в вышеуказанном историческом труде Луи Луис Беллана [8, с. 13]. Как отечественные историки, так и представители западноевропейской историографии, описывают Шах Аббаса как выдающегося правителя, сочетающего в себе черты реформатора, военного стратега и искусного дипломата. Шах Аббас развивал дипломатические отношения с европейскими государствами, с целью создания антиосманской коалиции. Он принимал европейских послов и миссионеров, предоставляя им свободу вероисповедания и поддержку. Проводимая им политика способствовала развитию торговли и культурных обменов между Востоком и Европой. Известный исследователь эпохи, французский ориенталист Жан Поль Ру, акцентировал в своих трудах стремлении великого Шаха к укреплению централизованной власти, усилению абсолютной монархии и культурному процветанию своего государства [13, с. 395–400]. Если, разделить османо-сефевидские войны периода правления Шах Аббаса Великого, по предыстории конфликта, ходу войн и их итогов, то хронологию этих войн можно представить следующим образом: 1) Война 1578–1590 гг. завершается подписанием Стамбульского договора. 2) Война 1603–1618 гг. во время этой войны был подписан договор Насух-Паши, а по завершении войны Серавский мир. 3) Османо-сефевидская война 1623–1639 гг. велась между Шах Аббасом I и османским султаном Мурадом IV, также охватила период правления сефевидского Шаха Сефи I, и завершается подписанием Касри-Ширинского договора. Общеизвестно, что османо-сефевидское противостояние имело глубокие исторические корни и восходило ко времени образования и становления Сефевидского государства. Возникновение мощного шиитского государства на границе с суннитской Османской империей, религиозная нетерпимость, территориальные споры, борьба за выгодные рынки сбыта и экспорта товаров, все это в совокупности и привело к многовековому антагонизму Шахов и Султанов. Апогеем этого затяжного противостояния явилось сокрушительное поражение Шах Исмаила I в знаменитой Чалдыранской битве в 1514 году. Исследуя османо-сефевидское противостояние эпохи Шах Аббаса I, хотелось бы отметить, что в отличие от трудов и исследований отечественных историков, французские историки уделили внимание не столько ходу войн и описанию сражений, а сколько раскрытию причин этих войн, реорганизации армии при Шах Аббасе, заполучению огнестрельного оружия, благодаря эмиссарам английской короны братьям Роберту и Энтони Ширли. По совету Роберта Ширли – эмиссара английской короны, укоренившегося в государстве Сефевидов, вооруженные силы были оснащены настоящей артиллерией «с почти 500 орудиями, пушками и кулевринами» [8, с. 205]. Известные французские исследователи рассматриваемой эпохи Жан Обен, Жан Луи Баке Граммон, Жан Поль Ру, Жан Лемер де Бельж, Жак де Бурбон и другие выделяют несколько важнейших причин, лежащих в основе османо-сефевидского противостояния. Во-первых, это было религиозное противостояние, так как Османы считали себя защитниками суннизма, а Сефевиды продвигали шиизм и имели огромное количество приверженцев в Восточной Анатолии. Эта была также борьба за контроль над Восточной Анатолией, Кавказом и Ираком (особое значение для Сефевидов имели шиитские святыни Неджеф и Кербала - Мамедова Н.). Одной из главнейших причин, если не самой главной была экономическая, так как оба государства стремились контролировать караванные пути, выход к Персидскому заливу, и расширить торговые отношения с Европой, в том числе и с Францией. И наконец, немаловажное значение имели геополитические амбиции и престиж. Французский историк Жан Поль Ру подчеркивает войну между этими двумя могущественными средневековыми государствами за гегемонию в мусульманском мире, так как и Шахи и Султаны претендовали на роль лидера всего мусульманского мира.

“Одно из важных военных преобразований Шах Аббаса, заключалось в решительных шагах по ограничению власти кызылбашей и созданию корпуса гулямов из христианских пленников, преданных лично Шаху” [5, с. 37–81]. Необходимость найти себе союзников

против Османской империи, а также спор с португальцами и англичанами по поводу острова Ормуз и гавани Гамрун (с 1622 г. Бендер-Аббас - Мамедова Н.) были причиной усиления дипломатических связей Шах Аббаса I с ведущими государствами Западной Европы. В подтверждение к вышесказанному, можно привести высказывания других французских исследователей периода, таких как Жан Поль Ру и Жан Обен, труды которых, являются фундаментальными исследованиями по истории Сефевидов. «В лице Аббаса I Османы нашли грозного противника - военного реформатора и искусного стратега» [14, с. 410]. Османо-Сефевидские войны не прекращались на протяжении всего правления Шах Аббаса I. В этот период Шах ставил своей главной задачей отвоевание земель, потерянных при его предшественниках. Молодой Шах, сознающий, что его государство не готово пока к ведению войны с сильным государством, подписал в 1590 году с Османской империей Стамбульский договор. Османская империя по указанному договору закрепила за собой Тебриз, Караджадаг, Гянджу, Карабах, Ширван, Грузию, Луристан. «Сефевиды уступили османам значительные территории, включая Азербайджан, Грузию. Ширван, Луристан, Хузестан и Багдад» [11, с. 18]. После поражения в войне 1578–1590 гг., Шах Аббас приступил к осуществлению военных и экономических реформ, благодаря чему государство Сефевидов превратилось в могущественное государство средневековья способное противостоять такому грозному врагу как Османская империя. Накануне османо-сефевидской войны 1603–1618 гг. также было отправлено великое посольство ко дворам ведущих западноевропейских монархов с целью привлечения их к антиосманской коалиции. Указанная дипломатическая миссия, возглавляемая Хусейн Али Бекком и английским дипломатом Энтони Ширли начавшаяся в 1599 году и охватившая Москву, Прагу, Мюнхен, Рим, Испанию завершилась в 1602 году. «Шах Аббас обладал великой проницательностью и стремился к укреплению связей с Европой, особенно в контексте противостояния с Османской империей» [9, p179]. С целью заручиться поддержкой западноевропейских государств в борьбе с османами, Шах Аббас I, также заманивает их такой прибыльной отраслью экономики, как экспорт шелка-сырца, ставший с 1619 года шахской прерогативой и испытывающий сильный подъем именно во времена правления Шах Аббаса I. Именно во время правления Шах Аббаса английской Ост-Индской и голландской Ост-Индской компаниям были предоставлены привилегии, и они извлекали большие прибыли от вывоза шелка-сырца из Сефевидского государства и продажи его в своих странах. Деятельность Голландской Ост-Индской компании на территории Сефевидского государства, продвигал и расширял стоящий на ее службе, официальный представитель компании, Хьюберт Виснич (Huibert Visnich). Шах Аббас I рассматривал компанию дополнительным союзником против португальцев, а также рассчитывал лишить османов доходов от пошлин с караванов в Алеппо, если шелк будет перевозиться морем. Это все было подтверждено шахским фирманом, и Висничу было предоставлено право продавать весь товар и приобретать достаточно шелка по фиксированной цене, что было выше рыночной цены, но взамен Голландской-Ост-Индской компании, не нужно было платить какие-либо пошлины и другие налоги. Виснич, в ноябре 1623 году докладывал, что шах является военным реформатором и интересуется европейским оружием, чтобы использовать его против своего врага в лице османов. В том же году, Виснич открыл торговое представительство в Исфахане [10, с. 381]. Предоставляя голландцам таможенные и торговые преимущества, фактически Шах Аббас I вводил на территории своего государства вторую силу, сохраняя те же привилегии для англичан, с целью укрепления своей экономической, политической и военной мощи. Шах Аббас I, всячески содействовал расширению деятельности Английской и Голландской Ост-Индских компаний, на территории своего государства, преследуя одновременно и экономические и политические цели. Эти компании открывали новый путь для экспорта шелка в Европу, что в свою очередь давало Сефевидам дополнительное преимущество в их соперничестве с Османской империей. Также шах Аббас, воспользовался конкурентной борьбой Англии и Голландии, чтобы подорвать господство Португалии в Персидском заливе [1, с. 3]. В 1622 году Шах Аббас действовал по наущению агентов английской компании с одной стороны, с другой стороны проявлял осторожность в вопросе

сефевидо-голландских отношений [8, с. 297]. Фактически, Голландская и Английская Ост-Индские компании, договорами 1617 и 1623 гг., даровавшими им свободу торговли, освобождение от пошлин и другие преимущества, становятся крупнейшими торговыми партнерами Сефевидского государства. Используя факт конкуренции между Англией и Голландией, создав англо-сефевидский военный союз, вернее подтолкнув Англию к ее заключению, Шах решил ормузский вопрос, одновременно вытеснив Португалию из торговли в Персидском заливе (1622 г.). Взамен предоставления фирманов о льготах продажи шелка-сырца и шелковых изделий Шах Аббас предъявлял различные требования, добиваясь от Англии и Голландии оказания военной помощи для осуществления своих военно-стратегических целей, например, при захвате шахскими войсками у португальцев портов Персидского залива-Ормуза, Джаска, Кешма и Гомбруна [2, с. 22]. В то время, как другие европейские государства стремились создать с Сефевидами антиосманскую коалицию, Франция оставалась в стороне из-за заключенного в 1536 году договора между Франциском I и Султаном Сулейманом Великолепным. Хотя, одна неудачная попытка французского посольства была предпринята в 1626г, при отправке ко двору Аббаса I, французского дипломата Louis Deshayes (Луи Дешайе, барон де Курмемен) [7, с. 128].

Начало XVII века стало свидетелем большого миссионерского подъема во Франции. В 1626 году отец-капуцин Пацифик де Провен был отправлен к сефевидскому двору, с целью заменить Луи Дешайе. На территории Сефевидского государства, Франция в основном присутствовала через свои миссионерские учреждения. Начиная с XVII века, миссионеры из орденов иезуитов, кармелитов и капуцинов с целью продвижения прозелитизма среди верующих церкви на Востоке, стали проникать на территорию Сефевидского государства [4, с. 74–75].

Из западноевропейских держав наиболее плодотворные отношения складываются с Англией. Благодаря прибывшим на территорию Сефевидского государства братьям Ширли, реорганизовавшим сефевидскую армию, Сефеvidы одержали ряд решающих побед в османо-сефевидской войне 1603–1618 гг. В историческом труде французского историка Луи Луис Беллана целая глава посвящена прибытию английской миссии в составе двадцати семи человек возглавляемой Энтони Ширли. Как отмечает, французский историк, для Шах Аббаса I прибытие братьев Ширли на территорию Сефевидского государства, произошло в весьма удачливое время, когда Шах вернулся с победой из Хорасана и одновременно принимал османского посла Мехмет Агу Чауш Баши. Принимая посольство братьев Ширли с особым пиететом, Шах демонстрировал османскому послу свои блистательные связи и взаимоотношения с европейскими государствами [8, с. 45].

Потерпев поражение в войне с Османской империей в 1590 году, Шах Аббас I не собирался отказываться от своих намерений вернуть утраченные земли и воспользовавшись вовлеченностью Османской империи в длительную войну с Габсбургами, Шах решил возобновить военные действия. Османо-сефевидская война 1603–1618 года завершается подписанием Серавского мира (26 сентября 1618 г.), по которому Османская империя возвращала Сефевидам ранее отобранные земли, и последние, таким образом, вернули свои территории и установили контроль над обширными землями в Закавказье. Были возвращены Тебриз, Ширван и Гянджа. «Шах Аббас добился значительных военных успехов, включая возвращение Тебриза и Багдада, что укрепило позиции Сефевидов и повысило их международный престиж» [12, с. 263]. Что касается Багдада, потерянного Сефевидами в результате османо-сефевидской войны 1532–1555 гг., в период правления деда Шах Аббаса I, Шах Тахмасиб I, то Багдад был отвоеван в 1624 году в весьма благоприятный для Сефевидов период, связанный с восшествием на османский престол нового султана Мурада IV. Шах Аббас под видом паломничества к шиитским святыням Кербале и Неджефу, подтянул туда свою армию в 1624 году, захватил Багдад и его окрестности. Багдад для Шах Аббаса имел чуть ли не сакральное значение, так как помимо важнейших торговых путей, связывающих государство Сефевидов с Аравией и Сирией, он хотел вернуть шиитские святыни, где находились могилы Али и Хусейна. Французский исследователь Жан Обен подчеркивает, что

для Шах Аббаса ключевой целью было возвращение стратегически важного города Багдада, захваченного османами: «Повторение битвы за Багдад в 1624 году, для Аббаса не являлось простым военным подвигом. Это был политический маневр для восстановления территориальной целостности империи Сефевидов» [6, с. 945]. Подытоживая вышесказанное, в качестве компендиума хотелось бы добавить, что Шах Аббас (1588–1629 гг.) действительно был одним из самых великих правителей Сефевидского государства, искусным стратегом, реформатором и выдающимся дипломатом, а проведенные им военные, экономические, административные преобразования укрепили государство Сефевидов и подняли его на вершину могущества. Стремясь создать антиосманскую коалицию Шах Аббас расширил связи с европейскими государствами, развил Шелковый путь, переместил столицу государства в Исфахан превратив его в центр искусства, архитектуры и торговли. Поистине его правление считается «золотым веком» Сефевидского государства. Касательно большой заинтересованности в коммерческих сделках Сефевидов с англичанами и с голландцами, на наш взгляд помимо вышеперечисленных причин, одним из немаловажных аспектов было то, что и Голландия, и Англия, были великими морскими державами с сильнейшим флотом, флотилией и эскадрой. И то, что португальцы удерживали в течение нескольких лет, они потеряли вследствие вмешательства и оказания поддержки Шах Аббасу со стороны англичан и голландцев. На наш взгляд, фактически, Сефевиды успешно использовали политику – «западные морские державы друг против друга», а также предоставления значительных коммерческих привилегий, в обмен на наступательный союз против Османской империи и уменьшения позиций Португалии в Персидском заливе и Индийском океане.

Литература и источники

1. Камбайзаде Х.А. Взаимоотношения государства Сефевидов с Западноевропейскими странами (конец XVI - первая треть XVII вв.). Автореферат. Баку, 1991, с.24.
2. Курбанова Ч. А. “Шелк Азербайджана в торгово-дипломатических отношениях Сефевидского государства со странами Европы в I половине XVII века”. Баку, 1984, с.198
3. Мамедова Н.В. Секуляризм эпохи Шах Аббаса. // Клио № 09(189), Санкт-Петербург, 2022, стр.27-33
4. Селезнев Н. Н. Ассирийская церковь Востока. Исторический очерк, Москва, 2001, с.105
5. Aubin Jean. Etudes Safavides I. Journal of the Economic and Social History of the Orient. London. Vol. 02 No. 1, Jan., 1959, pp. 37-81.
6. Aubin Jean. Histoire de l'Iran Islamique. Annuaire de l'Ecole pratique des hautes etudes, Paris, 1982, pp. 944-947
7. Bacque-Grammont Jean-Louis. Les Ottomans, les Safavides et leurs voisins. Istanbul. 1987, p.406
8. Bellan Lucien-Louis. Chah Abbas 1-er: sa vie, son histoire. Paris 1932, p. 330
9. Chardin Jean, Voyages de Monsieur le chevalier en Perse et autres lieux de l' Orient” Amsterdam, 1740, Tome 2, p.511
10. Lockhart Laurence. The fall of the Safavi dynasty and the Afghan occupation of Persia. London, 1958, p.584
11. Mathee Rudi. The Ottoman-Safavid War of 986-998/1578-1590: Motives and Causes. International Journal of Turkish Studies, Vol. 20, Nos 1&2, 2014, p.20
12. Roemer Heinz-Rudolf , The Safavid Period. 1986, pp.1038 стр.
13. Roux. Jean-Paul. Histoire de l' Iran et des iraniens des origins a nos jours. Paris .Fayard, 2006, p.528
14. Roux Jean-Paul. L'Asie Centrale: histoire et civilisations. Fayard, 1997. p.529.

Приближали, как могли (предчувствие Победы в воспоминаниях молдавской журналистки Анны Мельник)

They brought it closer as best they could (premonition of Victory in the memoirs of Moldovan journalist Anna Melnik)

Аннотация. В данной статье речь идёт о воспоминаниях молдавской журналистки и писательницы Анны Андреевны Мельник. Её книга относится к разряду тех, которые создаются для узкого круга читателей. Тем не менее «Воспоминания: миг жизни» представляют собой значительное литературное явление. Тема детей войны – это особая тема для автора. Статья посвящена четырём новеллам из книги – о детях и подростках военного времени, которые по своей инициативе и собственному выбору совершили настоящие и весьма весомые военные подвиги. Анна Мельник свидетельствует о полном неприятии всем советским населением немецкой оккупации, а также о страстной надежде на Победу и веру в её осуществление.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дети войны, воспоминания о войне.

Abstract. This article is about the memoirs of the Moldovan journalist and writer Anna Andreevna Melnik. Her book is one of those created for a narrow circle of readers. Nevertheless, "Memories: A Moment of Life" is a significant literary phenomenon. The theme of children of war is a special theme for the author. The article is dedicated to four short stories from the book – about children and teenagers of wartime who, on their own initiative and their own choice, accomplished real and very significant military feats. Anna Melnik testifies to the complete rejection of the German occupation by the entire Soviet population, as well as to the passionate hope for Victory and faith in its implementation.

Keywords: The Great Patriotic War, children of war, memories of war.

В данной статье речь идёт о воспоминаниях молдавской журналистки и писательницы Анны Андреевны Мельник. Книга озаглавлена как «Воспоминания: миг жизни». Она относится к разряду тех, которые создаются для узкого круга читателей – семьи и друзей, и не предназначаются к широкому распространению. Издание организовано родственниками. Анна Андреевна настаивала на публикации книги, а они относились к её просьбам весьма уважительно.

Тем не менее «Воспоминания: миг жизни» представляют собой значительное литературное явление. Большое впечатление производят новеллы о драматических и трагических эпизодах военной эпохи, сведения о которых, надо полагать, собраны автором в процессе её профессиональной деятельности, а также и любопытные зарисовки колоритной послевоенной жизни в Молдавии, свидетелем которой была сама писательница.

Вторая часть книги посвящена трагическим событиям, случившимся во время Великой Отечественной войны. Действующими лицами здесь являются дети и подростки. Тема детей войны – это особая тема для автора. Сама Анна Мельник родилась в ноябре 1942 г. в небольшом поселении в Молдавии. Надо отметить, что в наши дни, наряду с получением российского гражданства, ей был вручён общественный памятный знак – медаль «Дети войны» [1]. Писательница в полной мере относится к этой категории. Её отец умер в госпитале от последствий фронтовых ранений через два года после войны, её раннее детство пришлось на период войны и немецкой оккупации, а затем на самые голодные послевоенные годы, когда Молдавия выживала только благодаря всесоюзной помощи (об этой помощи упоминается в книге неоднократно).

Автор воспоминаний отдаёт должное тем детям и подросткам, кто вместе со взрослыми и под их руководством принимал деятельное участие в борьбе с врагом: «Мы помним, сколько

детей помогало партизанам в партизанских отрядах; сколько дочерей и сынов полков воевало рядом с бойцами, выполняя посильные задания. Маленьких санитаров можно было увидеть почти в каждом военном госпитале и больнице, где они помогали раненым выздоравливать, а медперсоналу в работе по восстановлению раненых бойцов. А сколько юных артистов перебивало здесь, врачую лежащих больных своими нехитрыми песнями и стихами! У полевых кухонь подростки были первыми помощниками поваров. Доставляя продукты, дрова, воду, эти дети часто рисковали жизнью. Немало смельчаков – маленьких связистов, почтальонов и разведчиков, бесстрашно действовали на прифронтовых территориях.

Этот перечень дел детей войны на фронтах и вне их можно продолжать долго. Действовать надо было в трудных и опасных условиях. А дел было много и неотложных. Чтобы как можно скорее изгнать фашистов с нашей земли» [2, с. 60]. А далее писательница посвящает несколько новелл тем детям войны, кто, не имея никакого руководства, поддержки и защиты, по своей инициативе и собственному выбору, отчаянно веря в нашу конечную победу, совершили настоящие и весьма весомые военные подвиги. Думается, что эту информацию она собрала во время своей непосредственной журналистской деятельности. Найти документальное подтверждение событий, описанных в книге, и очевидцев сейчас не так просто. Это тема для отдельного исследования, но думается, что это вполне возможно, поскольку в воспоминаниях приведено много фактических данных, имён и иных обстоятельств. Поскольку автор изначально занимался документальным жанром, можно с большой вероятностью предположить, что изложенные ею факты соответствуют действительности.

В ряду безвестных актов безаветного героизма выделяется история двенадцатилетней еврейки, шахматистки Майя Ходак, внучки, как пишет автор, известного в довоенной Белоруссии шахматиста Моисея Моисеевича Ходака. За свои достижения в шахматах девочка заслужила в первые годы войны титул «Юная королева шахмат», играть же она начала в пять лет. Оккупировав Бобруйск и приступив к изничтожению еврейского населения, немцы для развлечения устроили с юной шахматисткой шахматный турнир. Она, разумеется, обыграла их всех. Озверевшие молодые мужчины, порушив не только все принципы гуманности, но и сакральные даже для животных принципы честной игры [3, с. 22], требовали от девочки, чтобы она поддалась и проиграла им в той игре, в которой они мало что смыслили. Осознавая, что она погибнет в любом случае, Майя не испугалась угроз мучительной смерти и выиграла также и все дополнительные партии, а затем логически обосновала предстоящее неизбежное поражение Германии в развязанной войне: «И победила, дав немцам ещё пять матов! Они были ошарашены и до предела накалены ненавистью, злобой и завистью. "Жидовка, ты умрешь мученической смертью!" – кричали они. "А чем я хуже каждого из вас? – в свою очередь громко и вызывающе спросила она. – Вы даже не смогли выиграть ни одной партии в шахматы. Как же вы победите в этой захватнической вашей войне?!" Немецкие "шахматисты" били девочку поочередно по лицу, голове, затем, окровавленную, потащили в непонятное помещение, где жестоко издевались над ней. А на второй день состоялась её казнь». Майя ушла непокорённая, на виду у горожан бросив в лицо своим палачам предсказание их позорной смерти: «А вы, гады фашистские! Детей своих не увидите никогда! Позорно погибнете...». Шёл ещё 1942 год, но этот отчаянный ребёнок из Бобруйска нисколько не сомневался в Победе. [2, с. 95–96]

Второй акт сопротивления, показанный Мельник, был совершен ещё более юным героем, молдавским сельским подростком 10–11 лет из поселения Единец. Хотя само физическое действие было совершить очень просто, и никаких репрессий ни от кого не последовало, мальчик всю жизнь прожил с очень сложным чувством. Ведь он рисковал не только своей жизнью, но и жизнью всей своей семьи; не совсем ясно, осознавал ли он это до конца. Впрочем, поведение отступающих немецких частей, творивших бесчинства и расправы в их населённом пункте мало у кого оставляли хоть какие-нибудь иллюзии в отношении оккупантов. И то, что в очень нежном возрасте ребёнок совершил убийство врага, а это

сложно даже для взрослых солдат, несомненно, явилось для него сильным нервным потрясением.

Историю своего военного подвига Илья Фёдорович Мудрик рассказал, будучи уже 80-летним и почувствовав приближение смерти, на исповеди, на которую он вдруг решился, к удивлению своей родни: «А вскоре в наш населённый пункт заявили отступающие немецкие части. Немцы очень свирепствовали – особенно жестоко издевались и убивали евреев. На окраине нашего поселка под лесом каждый день раздавались душераздирающие крики и стоны, слышались автоматные очереди.

Вечерами бабушка Вера зажигала у иконы свечку, и они с мамой, сидя за столом, тихо и горестно поминали убитых.

– Как жаль Мишу Бейдера, такой умный и добрый был человек, – тяжело вздыхала бабушка.

– А тетя Сара, а Милочка..., – вытирая слезы, вторила мама.

– Господи Боже! Накажи этих извергов, прогони их с нашей земли, – крестясь на иконы, неистово шептала бабушка».

Немцы стали селиться в домах местных жителей. Двое таких постояльцев появились и в доме семьи Мудриков. Они выгнали всех из теплой кухни, где была печка, заселились там сами. Был холодный март, так что мальчик, его бабушка и мама отчаянно мёрзли в неотапливаемой части дома. И в ту ночь, когда оккупанты были особенно веселы и пьяны, юный Илья дождался, пока они заснут, тихонько прошёл на кухню, закрыл заслонку у непротопленной до конца печи и, глубоко потрясенный своим поступком, также незамеченный никем, удалился. Бабушка, как видно, не спала, но не подала никакого знака. Мудрик описал своё состояние после совершённого деяния так: «Весь дрожа, я также осторожно возвратился на свою постель. Укрывшись с головой, я не мог успокоиться и согреться. Я не знал, подействует ли угарный газ на спящих немцев. Я боялся, что они не умрут, и боялся, что они задохнутся и умрут» [2, с. 63]. Очевидно, немцы списали смерть своих сослуживцев на их пьянство, к семье претензии не были предъявлены, тем более что оккупанты готовились отступить и вскоре оставили посёлок. Мудрик завершил свою исповедь словами: «С тех пор прошло почти семьдесят лет. Никто никогда ни единым словом не вспомнил о той ночи, о том событии. Сейчас я первый раз рассказал Вам, святой отец, о нём. И очень прошу, отпустите тот мой давний грех, освободите душу мою от тяжёлых воспоминаний» [2, с. 61–64]. Ребёнком, почти мгновенно повзрослевшим в военное время и сделавшим свой нелёгкий выбор, руководила потребность отстоять свой образ жизни, свой дом, защитить маму и бабушку, желание справедливого возмездия за жестоко уничтоженных односельчан и вера в Победу над оккупантами.

Также впечатляют акты возмездия, которые совершили два уже более взрослых, пятнадцатилетних подростка, собственноручно покаравших убийц своих родных. Это был Шлёма (Александр) Гандельман из молдавской деревни Якимены, отомстивший за гибель своих расстрелянных карателями родителей, Моисея и Этти Гандельманов. Также и Тимофей Григорьев из деревни Боровичи, что располагается в северной части Порховского района Псковской области, отомстивший полицейскому Фомке Седому за гибель своего деда Игната Николаевича Ланского, тело которого немцы, возглавляемые Фомкой, сожгли вместе с домом.

Шлёма совершил также удачную диверсию во время немецкого отступления, уничтожив немецкую цистерну с горючим вместе с её водителем и его напарником, в результате своих активных боевых действий и распространившейся о них славы он смог попасть в Красную армию, несмотря на юный возраст, и в качестве сына полка участвовать в военных действиях до конца войны. [2, с 64–66]

Не совсем ясно из текста, было ли известно об уничтожении полицая Тимофеем. Но автор сообщает, что его назначили «на должность председателя Боровичского районного Совета, ведь все здоровое мужское население Боровичей уже давно воевало на фронтах, в населенных районах оставались лишь старики, женщины с детьми да немногочисленные подростки. Грамотному (закончил восемь классов местной школы), не по возрасту серьёзному

и физически сильному, и не по возрасту развитому пятнадцатилетнему подростку народ доверил возглавлять район. Было трудно! Не хватало всего! Учился на ходу, просил помощи в вышестоящих органах, советовался со старыми людьми. И выстоял!» [2, с. 100–101]

Так что эти два подростка приняли участие в общей борьбе и труде на общих основаниях.

Самоотверженное, мужественное и даже героическое поведение детей и подростков во время войны, их стремление участвовать в общей борьбе, которое было именно выражением их собственной воли и не диктовалось внешними влияниями и приказами, описано и в других новеллах, составляющих воспоминания. В книге Анны Мельник весьма наглядно показано полное неприятие всем советским населением, от мала до велика, немецкой оккупации с её бесчеловечностью, беспредельным насилием и жестокостью, постоянное внутреннее сопротивление агрессору, которое могло в некоторый благоприятный момент перерасти и в активные действия, а также страстная надежда на Победу и вера в её осуществление.

Литература и источники

1. В Мирном российский паспорт получила пожилая уроженка Молдовы // MKRU Архангельск. [Электронный ресурс]: URL <https://arh.mk.ru/social/2023/05/08/v-mirnom-rossiyskiy-pasport-poluchila-pozhilaya-urozhenka-moldovy.html> (дата обращения 30.04.2025)
2. Мельник А.А. Воспоминания: миг жизни. На правах рукописи. М., 2025. 145 с.
3. Хёзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильверстова; Комментарий, указатель Д.Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

«Победа – хозяйка на пире...»

«Victory is the mistress of the feast...»

Аннотация. В статье показано, что момент окончания Великой Отечественной войны в психологическом плане представлял собой сложную гамму эмоций и чувств, которые испытали непосредственные участники значимого исторического события. На основании таких источников как дневники и мемуары удалось установить наиболее характерные проявления психических феноменов.

Ключевые слова: История России, история войн, Победа в Великой Отечественной войне, ментальность, историческая психология, история эмоций.

Abstract. The article shows that the moment of the end of the Great Patriotic War in psychological terms represented a complex range of emotions and feelings experienced by the direct participants of a significant historical event. Based on sources such as diaries and memoirs, it was possible to identify the most characteristic manifestations of mental phenomena.

Keywords: History of Russia, history of wars, Victory in the Great Patriotic War, mentality, historical psychology, history of emotions.

Слова, вынесенные в заголовок статьи, поэтесса Маргарита Алигер включила в написанное ею 9 мая 1945 г. стихотворение «Утро мира» [1, с. 210]. В нём она выразила чувства, которые в тот момент охватили миллионы граждан СССР.

Заключительный этап разгрома гитлеровской Германии и капитуляция Третьего рейха достаточно хорошо освещены в научной литературе [2, 3, 4, 5], мемуаристике [6, 7, 8, 9] и публицистике [10, 11, 12]. Обстоятельно описан ход боевых действий, планирование и обеспечение военных операций, дипломатическое взаимодействие с союзниками по антигитлеровской коалиции, безоговорочное признание командованием вермахта своего полного поражения, налаживание нормальной жизни на занятых советскими войсками территориях Западной Европы и т.д. Не в меньшей степени интерес представляет морально-психологическая сторона завершения войны. Нельзя не согласиться с авторами фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны, которые специальную главу посвятили именно психологии и поведению на завершающем этапе войны. «Психология победителей в Великой Отечественной войне, - писали они, — явление уникальное. Это психология тех же самых людей, которые пережили её начальный период с тяжёлыми поражениями и отступлениями и не менее трудные последующие этапы с невиданными по масштабам сражениями, когда ещё не был окончательно ясен исход войны. И вот уже нет никаких сомнений: наша победа близка. И это состояние победителей — накануне, в ходе и сразу после победы — действительно особое психологическое состояние людей, выдержавших все испытания и разгромивших сильного, беспощадного и смертельно опасного врага» [3, с. 683].

Проблема состоит в том, что не обходимо иметь репрезентативные источники, которые адекватно отражают эмоционально-чувственную сферу переживаний человека, а она чаще всего не фиксируется в официальных документах, поскольку многие психические явления касаются только конкретного индивида сугубо личное, что не принято выносить на публику. В большей степени для решения указанной выше задачи подходят источники личного происхождения, или как сегодня их нередко называют — эго-документы. Прежде всего, это касается дневниковых записей, сделанных непосредственно в момент излагаемых событий, или спустя несколько дней после их свершения, т.е. когда острота душевного восприятия ещё не утрачена. Мемуары также могут содержать достоверные описания субъективных состояний. По мнению американского психолога П. Экмана воспоминание о прошлых

значимых для человека эмоциональных эпизодах подчас включает в себя сценарий когда-то испытанного в реальности переживания, заново вызывает в памяти прежнюю эмоциональную реакцию [13, с. 55]. Эту мысль в полной мере подтверждают слова фронтовика А. И. Свиридова: «Этот день запомнился нам на всю жизнь. Его невозможно описать, его надо было чувствовать и видеть своими глазами, к этому дню мы шли почти целых четыре года» [14, с. 260]. Следовательно, изучение опубликованных и отложившихся в различных хранилищах мемуаров и дневников (многие из них доступны на интернет-портале «Прожито») [15] позволяет реконструировать психологическую атмосферу Дня Победы.

Безусловно, миллионы советских граждан в душевном напряжении ждали окончания кровопролитной войны. Весной 1945 года всем было ясно, что конец смертельным схваткам и тягостным испытаниям близок. Но предугадать в какой именно день это произойдёт, вряд ли бы кто взялся. Однако парадоксальным образом предчувствие конкретной календарной даты всё же имело место быть. Вот как об этом в дневнике записал будущий известный писатель Фёдор Абрамов: «Ещё днём 8 мая по всему Петрозаводску распространились слухи о капитуляции Германии. Ссылались на самые разные, однако авторитетные источники. В столовой военторга один офицер говорил, что в ЦК КФССР получена телеграмма из Москвы. Другой утверждал, что одной радиостанцией в Петрозаводске было перенято сообщение белгородской и лондонской радиостанций о капитуляции Германии перед союзниками и нами. Разговоры не переставали на эту тему в течение всего дня. Настроение у всех было приподнятое, взбудораженное, лихорадочное. Русский менее других народов поддается на приманку сенсационно-громовых сообщений, но в этот день он не сомневался в возможной правдивости этого сообщения. Каждый знал, что не сегодня завтра радио возвестит о победе» [13]. Другой очевидец тоже вспоминал, что в последний день войны никто не спал: «Суетились, бегали друг к другу, с нетерпением ждали важного сообщения» [1, с. 212].

Наконец в 02 часа 20 минут по радио легендарный диктор Ю. Б. Левитан зачитал «Акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил». Экзальтированное ликование охватило практически всех. «Каждый человек старался выразить свой восторг, - записал П. М. Ожимков, - свою радость по поводу уже наступившей победы, чем только мог, всевозможными средствами и способами» [14, с. 266]. Внутренние стопоры, сдерживающие публичное проявление чувств и эмоций, рухнули; то, что, ранее считалось неприличным, в эти минуты престало быть таковым. Жительница г. Владимира свидетельствовала, что в этом тыловом городе: «Многие выскочили на улицу в том, в чём спали. Никто на это не обращал внимания. Общая радость захлестнула всех» [1, с. 213]. Слез радости и счастья никто не скрывал и не стыдился. Совершенно незнакомые люди обнимались и целовались без всякого стеснения. «Весь город обезумел, - записала Мария Воробьёва, - Все куда-то стремятся, все идут. Меня на улице пятеро поцеловало, я сама поцеловала троих... Раскроют рты, что-то хотят сказать, потом поперхнутся... и целуют. На лицах улыбки — широкие, безудержные, а в глазах слезы. Чужие стали родными...» [15]. Встреченных военных подхватывали на руки и начинали качать. Повсеместно возникали стихийные митинги, без конца гремело русское «Ура!» «И всё это — искреннее, ничего официального» [15]. Многие самозабвенно пели и бросались в пляс. «...Гармонь не отдыхала, - отметил снайпер-разведчик Александр Жуков, - Не отдыхали и ноги у солдат. Отплясывая, они не чувствовали усталости. Не отдыхало их горло. Песни звучали со всех сторон» [15]. Даже сам полководец Победы, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков не удержался и, на банкете после церемонии подписания акта о капитуляции, «лихо сплясал «русскую». Ловко отбивал каблуками чечётку, выкидывал одно колено замысловатее другого» [16, с. 373]. Вышеизложенные факты демонстрируют физиологические проявления стенических эмоций, которые повышают телесную активность, вызывают подъём, возбуждение, бодрость [17, с. 166].

Выплеск ликования в действующей армии чаще всего проявился в беспорядочной стрельбе из стрелкового и иного оружия. Про это писали многие участники войны: «Стреляли все, кто имел оружие... Средства смерти превратились в музыкальные инструменты и, слившись в один оркестр, в полный голос играли гимн Победы, извещая человечество о

мире... Никто не экономил боеприпасы. Зачем их везти назад? Да и понадобятся ли они ещё когда-нибудь?» [16, с. 359]; «Со всех сторон из различного вида оружия были слышны непрерывные и долго не смолкающие залпы оружия. Стреляли из пулемётов и пушек, установленных на самолётах. Отдельные лётчики взлетали на своих машинах, пилотажем и самолётными залпами в воздухе выражали своё торжество по случаю победы. Стрельба из личного оружия и самолётами в воздухе продолжалась до полудня, пока не был израсходован боекомплект и патроны <...> Многие солдаты и сержанты с детским удовольствием стреляли в тёмную синеву неба, рассыпая в нём разноцветные, особо яркие огни ракет <...> Стреляли с удовольствием и без ограничения до тех пор, пока боль в кисти руки от отдачи пистолета при выстреле позволяла держать ракетницу» [14, с. 266, 267]. Точно также поступали в глубоком тылу, во многих городах Советского Союза [1, с. 212; 15].

Ещё об одном аспекте празднования Победы, тогда двадцатипятилетний Фёдор Абрамов высказался так: «Радость русского всегда находит выражение в вине» [15]. Многие говорили об обильном употреблении всевозможных спиртных напитков в тот момент. Бокалы, стаканы, чарки сдвигали и выпивали за то, что победили проклятого врага, за то, что остались живы, с горечью поминали погибших товарищей. Случались забавные эпизоды. Старший сержант А.Я. Портнянский рассказал об одном: «У жителей Михай-Брау уже давно ничего “с градусами” не было. Либо забрали, либо продали. В местных магазинчиках тоже. А далеко не поедешь, служба! Но решение этой проблемы было найдено. У нас уже давно хранилась противоопиумная жидкость. В ней был спирт. Нужно только соорудить самогонный аппарат, — и мы будем с выпивкой.

Мысль подана и — за работу!.. Ребята где-то обнаружили неисправный “локомотив”. Из него были изъяты нужные трубочки и другие детали. Через пару часов мы стали обладателями не только аппарата, но и отличнейшего спирта. К обеду собрались все вместе и... Не помню, как пили и сколько. Помню, что пили, пили много, радовались, пели, хохотали» [15].

Прекращение боевых действий порой парадоксально воздействовало на психику солдат. Наступившее затишье тревожило. Фронтовики признавались: «Как непривычно — войны нет. На небо смотришь и по привычке ищешь самолёт противника» [18, с. 139]; «Уши привыкли к грохоту боя. Тишина кажется странной, непрочной, обманчивой, ненастоящим бытием» [15]. «И сейчас мало верится, что закончилась война, - констатировал ветеран Войска Польского Николай Бунда, - что не надо рыть ячейки, маскироваться от немецких солдат. Не верится, становится как-то дико оттого, что тихо, нет выстрелов, нет того приподнятого настроения, какое появлялось всегда перед наступлением» [15].

Долгожданный переход к грядущей мирной жизни и радовал и пугал. Пугал неопределённостью того, что будет впереди. В. Христенко признавался: «Как-то уж по-своему привык к войне, втянуло в эти суровые будни. А как будет после войны? Что я буду делать? Куда пойду?» [19, с. 373]. Ему вторит С. Дмитриев: «...четыре года такой войны стали жизнью, бытом каждого, вытеснили всё предшествующее и лишили смысла какое-либо представление о будущем [подчёркнуто самим Дмитриевым]. Какое, к дьяволу, будущее, когда даже сегодняшнего не было, не было уверенности в том, что к вечеру будет» [15]. Некоторые настолько привыкли держать в руках оружие, что отказаться от него было трудно. «А вспомнишь о службе, - тревожился сержант П. Элькинсон, - которую ещё придётся нести после войны так лучше воевать. Мы так привыкли к свободной жизни, что привыкать к казарменному положению будет очень трудно» [15].

Тем не менее, большинство свидетелей конца войны переживали мгновения безмятежного счастья и надежды. Нечто подобное эйфории и одновременно психологической усталости испытал не один воин. Военкор А. Первенцев откровенничал: «Схлынуло настроение, напряжение, почувствовалась та усталость, которая накоплялась за четыре военных года. Как будто вновь открылись все раны» [15]. «Мне казалось, — записал участник сражения за Берлин А.И. Свиридов, — что в моём организме, в голове и в самом теле

отцепились и ослабли угнетающие и тормозящие особые пружины, которые во время войны были для меня привычными и незаметными.

Мне казалось, что тело моё стало легче, как будто свалился с меня какой-то невидимый постоянный груз, это был груз военного напряжения, переживания и неопределённости». Обо всём думалось проще, радостнее. Личные мечты и надежды стали ближе и более доступными» [14, с. 267].

Таким образом, с психологической точки зрения феномен Победы в Великой Отечественной войне предстаёт сложным конгломератом разновекторных, порой противоречивых сочетаний эмоций и чувств, с яркими проявлениями эмоционального возбуждения, доходящего состояния аффекта. Дневники и воспоминания современников доносят до нас напряжение тех драматических минут, которое испытали и пережили победители фашизма.

Литература и источники

1. Мы вышли из войны. Город Владимир и владимирцы в годы Великой Отечественной войны по дневникам, воспоминаниям, документам. Владимир. 2004. 232 с.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. В 6 т. Т. 5. Победоносное окончание войны с фашистской Германией. Поражение империалистической Японии (1945 г.). М.: Воениздат, 1963. 652 с.
3. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1970. 632 с.
4. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
5. Исаев А. В., Драбкин А. В. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в одном томе М.: Яуза, 2024. 576 стр.
6. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 2. М.: АПН, 1974. 447 с.
7. Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943-1945. 4-е изд. М.: Воениздат, 1989. 520 с. (Военные мемуары).
8. Чуйков В. И. Конец Третьего Рейха. М.: Советская Россия, 1973. 305 с.
9. Мержанов М. И. Так это было: Последние дни фашистского Берлина. 3-е изд. М.: Политиздат, 1983. 256 с.
10. Симонов К. М., Эренбург И. Г. В одной газете. Репортажи и статьи. 1941-1945 М.: Новости, 1979. 286 с.
11. Вишневский В.В. Дневники военных лет (1943, 1945 гг.). М.: Советская Россия, 1979. 472 с. (Подвиг)
12. Макаренко Я. И. Белые флаги над Берлином. Из блокнота военного корреспондента. 2-е изд., доп. М.: Воениздат, 1983. 272 с.
13. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. 2-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2010. 334 с. (Серия «Сам себе психолог»).
14. Нам выпало на долю... Война в письмах, дневниках, воспоминаниях. Сборник документов и материалов. Тверь. «Лилия принт», 2005. 304 с.
15. Центр «Прожито» ЕУСПб // [Электронный ресурс]. – URL: <https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221945-05-09%22&dateTop=%221945-05-14%22&diaryTypes=%5B1%2C2%5D> (дата обращения: 09. 03.2025).
16. Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 т. Т. 3. 1944 - 1945 / сост. И. Гребцов, В. Хохлов. М.: Совет ветеранов журналистики России; Союз журналистов РФ, 1995. 621 с.
17. Крутецкий В. А. Психология: учебное пособие для учащихся педагогических училищ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 336 с.
18. Смольников И. Ф. Большой букет подснежников. СПб.: ГРИФ, 2010. 172 с.

19. Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 т. Т. 2. 1942–1943 / сост. С. Борзунов, В. Суходеев. М.: Совет ветеранов журналистики России; Союз журналистов РФ, 1995. 605 с.

**Помнить о подвиге земляков: памятник сотрудникам ОВД Приморского края,
сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны**

*To remember the feat of fellow countrymen: a monument to employees of the Department of
Internal Affairs of Primorsky Krai who fought on the fronts of the Great Patriotic War*

Аннотация: В статье рассказывается о памятнике, на котором высечены имена Героев Советского Союза, проходивших службу в органах внутренних. Кратко повествуется о героическом подвиге Приморцев в Великой Отечественной войне, а также о службе в органах внутренних дел.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, органы внутренних дел, ОВД, память, Приморский край, герой, героизм.

Abstract: The article tells about the monument, on which the names of the Heroes of the Soviet Union who served in the internal affairs bodies are carved. It briefly tells about the heroic feat of the Primorye people in the Great Patriotic War, as well as about service in the internal affairs bodies.

Keywords: Great Patriotic War, law enforcement agencies, Department of Internal Affairs, memory, Primorsky Krai, hero, heroism.

Патриотическое воспитание необходимо воспитывать у людей с самого малого возраста, в месте, где они родились – малой родины. Знакомство человека с историей родного субъекта, событиями, которые в нем разворачивались, людьми, совершившими значимые для общества и государства поступки, является фундаментом патриотического воспитания. Один из важнейших мировоззренческих и поведенческих феноменов, обладавший особенной значимостью в русском культурном пространстве, – это феномен подвига [6, с. 173].

На территории Приморского края Большая часть памятников сотрудникам располагаются в относительной близости учреждений органов внутренних дел, это могут быть городские управления, отделы полиции, а также образовательными учреждениями системы МВД, последнее характерно для столицы Дальнего Востока – Владивостока, где расположен филиал «ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова». Памятники, посвященные сотрудникам органов внутренних дел на территории Приморского края, имеют ряд характерных факторов, относительно их расположения, что определено либо историческим событием, либо местом службы сотрудника, которые составляют яркий образ в сознании местных жителей.

Стоит отметить, что большинство памятников и мемориалов часто имеют общую направленность, без конкретной персонализации, однако в ряде городов Приморского края все же есть памятники, посвященные конкретным личностям. Персонализация как правило отображается в установке на подобные объекты памятных досок, несущих в себе информацию о личности сотрудника и о подвиге, который он совершил. Также имеют место мемориальные памятные доски массового характера, которые содержат перечень имен и фамилий группы сотрудников. Например, к таким памятникам можно отнести мемориальную доску, расположенную на территории Владивостокского филиала «ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова», посвященную Героям Советского Союза, полным кавалерам ордена Славы, которые связали свою судьбу со службой в ОВД в годы Великой Отечественной войны. На мемориальной доске, выполненной из гранита высечены имена воинов-дальневосточников, Героев Советского Союза, фронтовиков, чья судьба была переплетена и со службой в органах внутренних дел Приморского края.

Гвардии сержант Бикбоев Евгений Архипович до призыва в 1936 году в армию работал в Нагайбакском районном отделении милиции, служил в Приморском крае. На фронтах Великой Отечественной войны Евгений Архипович с сентября 1942 году участвовал в боях с японскими милитаристами у озера Хасан. Е.А. Бикбоев командовал отделением

моторизованного батальона автоматчиков 25-й гвардейской танковой бригады. 30 июня 1944 года отделение Евгения Бикбоева перебралось по горящему мосту через реку Березина у деревни Черневка Минской области, на противоположном берегу бойцы захватили 3 вражеских дзота и уничтожили в рукопашном бою огромное количество фашистов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года гвардии сержант Бикбоев Евгений Архипович был удостоен высокого звания Героя Советского Союза [1].

Рядовой Жабоедов Николай Никитович участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года. Николай Никитович сражался на Западном, Воронежском, Центральном и 1-м Украинском фронтах. Н.Н. Жабоедов был сапером саперного взвода 985-го стрелкового полка Центрального фронта. В сентября 1943 года при форсировании Днепра, захвате и удержании плацдарма был отправлен в составе разведывательной группы для отвлечения внимания противника. Ночью разведчики переправились через Днепр, где Николай Жабоедов обезвредил десяток противопехотных мин, а также лично уничтожил вражеский пулемет гранатами и первым ворвался в расположение врага, уничтожив шесть гитлеровцев. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1943 года рядовому Жабоедову Николаю Никитовичу присвоено звание Героя Советского Союза. С 1948 года Николай Жабоедов проходил службу в исправительно-трудовой системе МВД СССР во Владивостоке и Уссурийске [2].

Гвардии старший сержант Карпов Михаил Павлович с 1931 года служил в органах внутренних дел города Смоленска. С началом Великой Отечественной войны Михаил Карпов руководил местным отрядом самообороны, после оккупации района немецко-фашистскими войсками был переведен на службу в Хасанский район Приморского края на должность начальника отделения милиции. В апреле 1943 года Михаил Павлович был вновь призван в ряды Красной Армии. 15 февраля 1945 года позицию 60-го гвардейского кавалерийского полка, в котором служил командир пулеметного расчета гвардии старший сержант Карпов Михаил Павлович, атаковала вражеская пехота. Имея численное превосходство, гитлеровцы стремились прорваться в район польского города Хошно, однако в неравном бою расчет погиб. Раненный в грудь и кисти обеих рук Михаил Карпов продолжал один бить врага, но Михаил Павлович вышел и из этой схватки победителем. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года гвардии старшему сержанту Карпову Михаилу Павловичу присвоено звание Героя Советского Союза [3].

Лейтенант Денисенко Сергей Петрович с первых дней Великой Отечественной войны находился на ее фронтах. В ночь с 23 на 24 сентября 1943 года взвод лейтенанта Денисенко получил задачу переправиться на правый берег Днепра. Заметив плывущих, фашисты открыли огонь из пулеметов и минометов, однако артиллеристам удалось добраться до берега, занять плацдарм и открыть огонь по противнику. Сергей Денисенко сообщал командованию координаты сил противника, которые несли большие потери от точного огня советской артиллерии. На протяжении пяти суток бойцы под командованием Сергея Петровича удерживали плацдарм до подхода основных сил, к которым из окопа вышли лишь четверо: С.П. Денисенко и три бойца. 23 октября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР командир взвода артиллерийской разведки лейтенант Денисенко Сергей Петрович был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. В 1959 году подполковник Денисенко стал работать в органах внутренних дел города Уссурийск в должности участкового уполномоченного милиции. 1 декабря 1961 года Сергей Петрович Денисенко погиб при исполнении служебных обязанностей [4].

Гвардии красноармеец Степченко Яков Павлович начал свою службу в органах внутренних дел в 1938 году с должности рядового милиционера в городе Артем. Спустя два года Якова Павловича назначили участковым уполномоченным, а с 1941 года младший лейтенант милиции Степченко Яков Павлович работал оперуполномоченным в уголовном розыске городской милиции. В июне 1944 года Я.П. Степченко был призван в Красную Армию. В апреле 1945 года дивизия, в которой служил Яков Павлович, сражалась за немецкий город Лечин. В ночь на 16 апреля, перед началом Берлинской операции, Я.П. Степченко была

поставлена боевая задача – вместе со своим отделением разведать передний край обороны противника. Разведчики скрытно ползли к вражеской обороне, однако были обнаружены гитлеровцами, которые обрушили на них пулеметный огонь. В этот момент Яков Степченко увлек бойцов за собой в атаку и, несмотря на полученные ранения, достиг вражеской траншеи и броском ручной гранаты уничтожил пулемет и восьмерых фашистов, после чего разведчики вступили в рукопашный бой. Прикладом автомата командир отделения Степченко Яков Павлович уничтожил еще одного фашиста, но и сам получил смертельное ранение. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года гвардии красноармейцу Степченко Якову Павловичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [5].

Пример мужества и патриотизма Е.А. Бикбоева, Н.Н. Жабоедова, М.П. Карпова, С.П. Денисенко, Я.П. Степченко и других, чьи имена увековечены на памятной плите мемориального комплекса, является ориентиром для молодых сотрудников полиции, вдохновляя их на службу и защиту Родины. В их подвигах заключена нравственная основа, на которой строится воспитание современных защитников правопорядка.

Литература и источники

1. Спецпроект приморской полиции «Герои в милицейских погонах». Евгений Архипович Бикбов // Управление МВД России по Приморскому краю. – 2025. [Электронный ресурс]. – URL: <https://25.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/64766507/> (дата обращения: 17.05.2024).
2. Спецпроект приморской полиции «Герои в милицейских погонах». Михаил Павлович Карпов // Управление МВД России по Приморскому краю. – 2025. [Электронный ресурс]. – URL: <https://25.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/64476412/> (дата обращения: 17.05.2024).
3. Спецпроект приморской полиции «Герои в милицейских погонах». Николай Никитович Жабоедов // Управление МВД России по Приморскому краю. – 2025. [Электронный ресурс]. – URL: <https://25.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/64766559/> (дата обращения: 17.05.2024).
4. Спецпроект приморской полиции «Герои в милицейских погонах». Сергей Петрович Денисенко // Отдел МВД России «Михайловский». – 2025. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--80aeqcdcfgy8a5b.25.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/64396176/> (дата обращения: 17.05.2024).
5. Спецпроект приморской полиции «Герои в милицейских погонах». Яков Павлович Степченко // Управление МВД России по Приморскому краю. – 2025. [Электронный ресурс]. – URL: <https://25.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/64194266/> (дата обращения: 17.05.2024).
6. Шабельникова Н.А. Воспитание курсантов системы МВД на традициях воинского героизма // Россия и «анти-Россия»: историко-психологический аспект: Материалы LI Международной научной конференции. Спб.: ООО «Полтораки», 2022. С. 172-177.

Ордена и медали за Победу в контексте исторической психологии (на примере ленинградской семьи)

Orders and medals for the Victory in the context of historical psychology (on the example of a Leningrad family)

Аннотация. В публикации анализируются меры государства по сохранению исторической памяти путем награждения участников войны и тружеников тыла орденами и медалями. Подчеркивается, что города-герои, города Воинской славы – это важные элементы сохранения памяти о минувшей войне и героизме советских людей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, награды, орден Отечественной войны, медали.

Abstract. The publication analyzes the state's measures to preserve historical memory by awarding war veterans and home front workers with orders and medals. It is emphasized that hero cities, cities of Military Glory are important elements in preserving the memory of the past war and the heroism of Soviet people.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, awards, Order of the Patriotic War, medals.

Почему мы сейчас, через 80 лет после Победы в Великой Отечественной войне, отмечаем эту дату. Большое видится на расстоянии. Лев Толстой писал «Войну и мир» через 50 лет после Отечественной войны 1812 г.

Когда родился термин «Великая Отечественная война». История (наука) со временем меняет определения. Например, «Октябрьский переворот». Затем Великая октябрьская социалистическая революция. Теперь Великая русская революция. Сейчас – СВО. (специальная военная операция) Но как эту Операцию будут называть через 20, 30 и более лет, можно только предполагать. Во многих странах бывшего СССР, не говоря уже о странах т.н. «социалистического лагеря», Великую Отечественную войну называют в западной интерпретации «Второй мировой», а вину за ее развязывание возлагают на Советский Союз.

Много еще возникает вопросов, таких как «Феномен Победы», «Плоды Победы». «Мемориализация». «Попытки отнять Победу». Эти и другие направления исторической мысли еще ждут капитальных исследований, несмотря на выходящие каждое десятилетия многотомные издания.

Историческая интерпретация нашей Победы. Когда лет 50 назад я начинал свои исследования, я с удивлением прочитал во французской Энциклопедии «Лярусс», что Бородинскую битву выиграли французы.

Категория «Победы» в исторической психологии связана с изучением психологических аспектов военных событий и влияния побед на сознание людей и общества в целом.

Совершенствование системы наград. Награды, знаки – это часть морального поощрения, сопровождаемая часто и материальным поощрением.

Ясно, что память о Великой войне 1941–1945 гг. не должна затухать. Это тоже предмет исторической психологии. Мне довелось прикоснуться к относительно небольшой проблеме истории великих войн Российской империи и современной Российской Федерации, объявившей себя правопреемницей Российской империи и СССР.

2025 год – это не только год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, но лично для меня – год 40-летия работы в ювелирной отрасли. Как раз в конце 1984 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о награждении «юбилейным орденом Отечественной войны 1-й и 2 – й степеней. Изготовление самих орденов было поручено Ленинградскому и Московскому монетным дворам, но у монетного двора не было

технической возможности для сложной операции эмалирования. Эта операция была поручена научно – производственному объединению «Русские самоцветы», где в те годы работало более 4 000 человек, включая НИИ Ювелирпром, СКТБ и филиалы. При НИИ был отдел эмалирования. И ко мне, как специалисту по истории дореволюционного искусства обращались сотрудники отдела эмалей нашего Института с вопросами о тонкостях наложения рубиновой эмали на серебряную поверхность. Это как раз говорит о научных задачах, вытекающих из практических требований. Выполнение заказа ЦК КПСС строго контролировалось буквально каждодневно. Эта сдельно – премиальная работа хорошо оплачивалась, и о ней долго вспоминали рабочие передовики: «Никогда ни до, ни после нам так хорошо не платили».

Как известно, орден Отечественной войны обеих степеней был учрежден 20 мая 1942 года. За период боевых действий 324903 военнослужащих получили награду 1-й степени, а 951652 – 2-й. К 40-летию Великой Победы этим орденом 1-й степени были награждены 2054000 ветеранов, а 2-й степени – около 5408000 человек. К юбилею 1985 года этот орден изготавливался цельноштампованным способом из серебра 925 пробы. В ордене 1-й степени при золочении серебра золота было несколько больше, чем в ордене 2-й степени.

В 1996 году я побывал в Нью-Йорке. Там проживало много ветеранов Великой Отечественной войны, эмигрантов из СССР. Помню, на пляже в Брайтон-Бич они интересовались друг у друга: «А тебя еще не вызывали в Посольство России?». Все очень хотели получить медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» (1995 года). История этих наград восходит к медалям в честь 50-летия обороны Севастополя. Города – герои появились еще в ходе Великой Отечественной войны. Затем появились Города трудовой доблести. Помню, в 2008 г. город Луга, где мы ежегодно отдыхали на даче, был объявлен Городом воинской славы. Для меня это очень близко, поскольку мой отец в августе 1941 г. воевал на Лужском рубеже.

В каждой российской семье есть города, непосредственно связанные с Великой войной. Моя родная тетя, младшая сестра мамы (1924–1998) в декабре 1941 г. была зачислена в полк МПВО, имела медаль «За оборону Ленинграда». Отец имел две медали «За боевые заслуги» (одну из них за Финскую войну 1939–1940 гг.) и орден Славы 3 степени. Если бы он был жив (он умер в 1973 г.), то получил бы в 1985 г. орден Отечественной войны.

Почти каждая российская семья имеет исторический опыт войны, личные трагедии и исторические переживания по поводу Победы. Ленинградские семьи в особенности. Мой дед Ефрем Климентьевич Скурлов (1890–1968) пережил первую самую страшную зиму на Союзном машиностроительном заводе имени Ленина (проспект Обуховской обороны), был эвакуирован летом 1942 г. в Челябинск, на Кировский завод, который продолжал делать танки, вернулся в Ленинград в 1945 г. Моя мама эвакуирована со своим Ижорским заводом (часть его) в Саратов и всю войну делала снаряды, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Мудро поступил президент России В.В. Путин в качестве своих первых шагов на своем посту. Всех офицеров, доживших до 2000 года, повысил в воинском звании. Мой тесть из подполковников стал полковником и очень этим гордился до самой смерти, он умер в 2008 г. в возрасте 92 лет. Победа дает льготы: квартиры, медобслуживание. Госпитали ветеранов войны (кажется, в 1975 году) плавно перетекли в госпитали ветеранов войн, в том числе СВО.

Прочие атрибуты Победы. Топонимика: площади Победы, артели инвалидов имени Победы. Колхозы «Победа», «10-летия Победы», Парки Победы (в Ленинграде даже два). Кинотеатры, автомобили «Победа», почтовые марки. Многочисленная литература, кинофильмы. Так сохраняется историческая память.

Очень правильно, что награждают до сих пор, появляются новые города, отмечают тружеников тыла. Историю войны и историю нашей Победы нельзя предавать забвению. Историю пишут победители. Василий Теркин: «Зачем мне орден? Я согласен на медаль». Социально – психологическое значение орденов и медалей и всей системы наград.

История Великой Отечественной войны продолжается. Впереди еще много юбилейных дат: 100-летие великой Победы, столетие прорыва и снятия блокады Ленинграда, 100-летие Сталинградской битвы. Надо заранее готовиться к этим и другим подобным знаменательным датам и не забывать о ветеранах войны, их семьях, памятных мемориалах, в том числе на территории государств, которые входили в состав СССР и которые освобождала доблестная Красная армия.

Память народа: руководители Ленинградской комсомольской организации в годы Великой Отечественной войны и блокады

Memory of the people: the real leaders of the Leningrad Komsomol organization during the Great Patriotic War

Аннотация: статья посвящена судьбам некоторых руководителей Ленинградской организации ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны и блокады. В ней содержится важный, правдивый рассказ о совершенном ими подвиге, о серьезнейших испытаниях, которые они достойно прошли. Судьба и жизнь многих руководителей ленинградской комсомольской организации тех героических дней в настоящее время стала одной из малоизвестных страниц истории Великой Отечественной войны. В статье на примере жизни некоторых руководителей ленинградского комсомола сделана попытка восстановить память о подвиге этих людей.

Ключевые слова: ленинградский комсомол, руководители Ленинградской организации ВЛКСМ, инициативные лидеры молодежи, награды руководителей комсомола, трагическая судьба, память о войне и блокаде Ленинграда.

Abstract: the article is dedicated to the fates of some leaders of the Leningrad organization of the All-Union Leninist Young Communist League during the Great Patriotic War and the blockade. It contains an important, truthful story about the feat they accomplished, about the most serious trials that they passed with dignity. The fate and life of many leaders of the Leningrad Komsomol organization of those heroic days has now become one of the little-known pages in the history of the Great Patriotic War. In the article, using the example of the lives of some leaders of the Leningrad Komsomol, an attempt is made to restore the memory of the feat of these people.

Key words: Leningrad Komsomol, leaders of the Leningrad organization of the All-Union Leninist Young Communist League, initiative youth leaders, awards of Komsomol leaders, tragic fate, memory of the war and the siege of Leningrad.

Великая Отечественная война советского народа стала поворотным пунктом в жизни всей страны. Интересам войны была подчинена деятельность всего народного хозяйства, жизнь и помыслы людей. Руководствуясь ленинским указанием о том, что когда решается судьба страны и народа «идеалом партии пролетариата является воюющая партия», Ленинградская партийная организация, прежде всего, перестроила работу партийных органов, которые возглавили переход всей жизни города на военные рельсы. С этой целью были изменены некоторые формы руководства, повышена организованность и ответственность всех звеньев партийного и советского аппарата. Нужно было обеспечить оперативность – быстрое принятие решений, четкое их исполнение и твердый контроль. Коллективное обсуждение текущих вопросов не всегда было возможным, поэтому работа органов коллективного руководства частично была свернута. Некоторые их функции временно передавались «пятерке» и «тройкам», выделенным горкомом и райкомами партии. Создавалась система чрезвычайных органов.

С началом войны перестроила свою деятельность и комсомольская организация Ленинграда. Суть этого процесса состояла в том, чтобы найти наиболее эффективные формы и методы работы с молодежью, решить вопрос о подборе и подготовке комсомольских кадров, охватить политическим влиянием всю молодежь. Комсомольская организация была призвана стать первым помощником партии в этот трудный для страны период. Это определялось тем, что ВЛКСМ был единственной молодежной организацией в политической системе советского общества, имел огромные возможности воздействия на молодежь, поскольку пользовался у нее колоссальным авторитетом.

К началу Великой Отечественной войны Ленинградская организация ВЛКСМ составляла лучший отряд молодежи. В ее составе было 241210 человек, из них 74607 рабочих, 65047 служащих, 97220 учащихся. Члены ВЛКСМ имели довольно высокий для того времени образовательный уровень: около 10 тыс. человек имели высшее образование, около 80 тыс. человек – среднее, более 161 тыс. человек – неполное среднее образование [1, с. 82]. Партийное ядро на 1 июля 1941 г. составляло 5865 человек (2,5%) [2, с. 16, 32, 45]. Ленинградский комсомол в предвоенные годы накопил значительный опыт руководства молодежью, вырастил политически зрелых и квалифицированных профессиональных комсомольских работников – подлинных вожakov молодежи.

В руководящие органы ВЛКСМ назначали смелых и инициативных молодёжных лидеров, которые не боялись брать на себя ответственность в экстремальной ситуации

Во главе комсомольской организации стояли талантливые люди. Они были очень молоды, но в их жизни уже был опыт трудной борьбы за советскую власть, за новую жизнь. Все названные руководители комсомола военные годы провели в блокадном Ленинграде, имели государственные награды. В данной статье коснемся судеб некоторых из них.

Первый секретарь Ленинградских областного и городского комитетов ВЛКСМ Всеволод Николаевич Иванов с двух лет рос в детском доме, так как его родители ушли на фронт Гражданской войны. В 18 лет в 1930 г. он приехал в Ленинград, к брату. Здесь с отличием, досрочно закончил электротехнический институт связи (ЛЭТИС). Стал преподавателем этого института, доцентом ЛЭТИСа.

В 1931 г. вступил в Коммунистическую партию. С конца 1930-х годов находился на ответственной комсомольской работе. В 1938 г. был избран вторым секретарем Куйбышевского РК ВЛКСМ, а в 1940 г. – членом Областного и Городского Комитетов ВЛКСМ и вскоре становится первым секретарем ОК и ГК ВЛКСМ. На этом посту застала его война. Знавшие его люди отмечают его гражданскую смелость, независимость суждений, полемический талант. Всеволод Николаевич имел широкий политический кругозор, высокий уровень общей культуры, был хороший оратор, причем тексты статей, докладов писал всегда сам. Был ярким талантливым человеком. Эти качества помогли ему в годы войны. Он делал все возможное для приближения Победы, был в центре всех дел и вел за собой молодежь. В самые трудные дни декабря в газете «Смена» он призывал ленинградских юношей и девушек: «...Береги Родину! Борись за нее во имя спасения счастливого будущего, во имя Победы!» [3]. Во время блокады, по его собственному признанию, спал 3–4 часа в сутки [4, с.58]. В ноябре 1944 г. он был избран секретарем по пропаганде Ленинградского городского комитета партии, а в апреле 1944 г. – вторым секретарем ЦК ВЛКСМ. Родина высоко оценила его деятельность, наградив: Орденом Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями. В 1945 г. он защитил в Ленинградском университете диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Комсомол в годы Гражданской войны». После Великой Отечественной войны В. Н. Иванов в 1945–1949 годах он продолжал работать в руководстве ЦК ВЛКС, был затем переведен на партийную работу.

30 сентября 1949 года Секретариат ЦК партии рассмотрел вопрос со зловещим названием «Дело Иванова Всеволода Николаевича». 4 ноября 1949 г. он был арестован сотрудниками МГБ по так называемому «Ленинградскому делу» и погиб как «враг народа

1950 году (по другим данным, погиб в Лефортовской тюрьме) был захоронен в Донском крематории.

26 мая 1954 года Военной коллегией Верховного суда СССР он был реабилитирован посмертно [5]. Решением КПК при ЦК КПСС от 14 июня 1954 года посмертно восстановлен в рядах партии. В течение 30 лет это решение держалось в секрете.

На 8 лет была осуждена его жена Ольга Николаевна – его настоящий и большой друг с институтской скамьи.

После перехода Иванова В.Н. на партийную работу в 1944 г. первым секретарем Ленинградского ОК и ГК ВЛКСМ становится Всеволод Ильич Чернецов. Окончил Ленинградский индустриальный институт в 1939 году. Будучи специалистом в области

подъемно-транспортных машин, работал инженером-конструктором на Кировском заводе. С 1940 года возглавил комсомольскую организацию завода.

Во время блокады организовал комсомольско-молодежные бригады по вождению тяжелых танков. Вступил в члены ВКП(б) в 1942 году. С 1943 года член Ленинградского горкома комсомола. 1-й секретарь Ленинградских горкома и обкома комсомола с 1944 года. Награжден орденом Ленина. В апреле 1949 года избран в ЦК и бюро ЦК ВЛКСМ. С конца 1940 г. он возглавлял Кировскую районную комсомольскую организацию, крупнейшую в городе. Первые два года войны он активно работает на этом посту.

В феврале 1942 г. его приняли в члены ВКП (б). Весной 1943 г. был выдвинут в ГК ВЛКСМ заведующим орг-инструкторским отделом, через год становится во главе комсомольской организации Ленинграда и области. В годы войны В. Чернецов проявил свои лучшие качества – верность делу, мужество, добросовестность. После войны ему выпала честь получать из рук М.И. Калинина орден Красного Знамени – награду, которую Ленинградская комсомольская организация получила за все то, что ее сыны и дочери свершили в годы войны. Несколько дней спустя Михаил Иванович прикрепил на его грудь орден Ленина – рядом с орденом Красной Звезды, медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Ленинграда». Вскоре после войны стал членом бюро ЦК ВЛКСМ, депутатом. В 1949 г. был арестован по «Ленинградскому делу», осужден на 15 лет лишения свободы. Отбывал свой срок в сибирских лагерях. Всеволод Ильич познал все тяготы тюрьмы, мужественно перенес их. В 1954 г. был освобожден за «отсутствием состава преступления» [6]. С 1962 года работал профессором кафедры технологии материалов и сварок в Северо-Западном политехническом институте.

Первым помощником В.Н. Иванова всю войну был второй секретарь Ленинградского городского комитета ВЛКСМ Петров Николай Иванович. До войны он возглавлял Василеостровский райком комсомола. Во время войны ярко проявились его организаторские способности в мобилизации молодежи на защиту города, создании таких комсомольских воинских подразделений, как противопожарный полк, полк по охране порядка, комсомольских организаций в МПВО и во многом другом. Николай Иванович вникал во все дела, сам в суровую блокадную зиму ходил во все районы города, на заводы, фабрики. Он мог приехать в райком комсомола в тот момент, когда в Горкоме ВЛКСМ идет совещание, только лишь за тем, чтобы узнать, не случилось ли чего с секретарем, не пришедшим на это совещание. У него сложились по-деловому теплые и доверительные отношения с секретарями райкомов комсомола, он умело координировал их работу с инструкторами. В ноябре 1944 г. Петров Н.И. стал работать в Ленинградском горкоме партии. В конце 1949 г. был обвинен в связях с «врагом народа», отстранен от работы. С 1954 г. все обвинения были сняты [7, с.47].

Трагична судьба этих людей. Иванов В.Н. стал 27-м руководителем комсомольской организации Ленинграда, В.И. Чернецов – 28-м. И только пятеро из этих 28 избежали несправедливой участи, большинство же были репрессированы, расстреляны или погибли в тюрьмах. Возможно, с этим и связано некоторое забвение их памяти и подвига, которые мы в небольшой статье попытались восстановить, помня, что они встали во главе защиты своего родного города, своей страны.

Литература и источники

1. В годы суровых испытаний. Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне. Л., 1985.
2. Ленинградская организация ВЛКСМ в цифрах. 1918-1981 гг. Л., 1982.
3. Смена, 1941 4 декабря
4. Ю.А. Васильев Судьбы руководителей комсомола в истории «Ленинградского дела» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 4 (181). 2019.
5. Смена. 1988, 6 октября
6. Смена 1988. 11 октября

7. Поколение пламенных лет. Биографические очерки комсомольских работников Ленинграда, написанные на основе личных анкет и комсомольских биографий, представленных О.А. Щербаковой в Ленинградский ГК ВЛКСМ. Л., 1978.

Вклад подразделений НКВД Приморского края в победу в Советско-японской войне

Contribution of the NKVD units of Primorsky Krai to the victory in the Soviet-Japanese War

Аннотация. Советско-японская война стала завершающим этапом Второй мировой войны, имела огромное значение для Дальневосточного региона и для СССР в целом. Вклад различных воинских формирований, в том числе подразделений Народного комиссариата внутренних дел (далее НКВД), в достижение победы был огромным и многогранным. В данной работе рассматривается вклад подразделений НКВД Приморского края в разгром Квантунской армии, анализируются их задачи, структура, численность и основные направления деятельности в период подготовки и проведения боевых действий.

Ключевые слова: НКВД, Приморский пограничный округ, Советско-японская война, Дальний Восток.

Abstract. The Soviet-Japanese War was the final stage of World War II and was of great importance for the Far Eastern region and for the USSR as a whole. The contribution of various military formations, including units of the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD), to achieving victory was enormous and multifaceted. This paper examines the contribution of the NKVD units of Primorsky Krai to the defeat of the Kwantung Army, analyzes their tasks, structure, numbers and main areas of activity during the preparation and conduct of military operations.

Keywords: NKVD, Primorsky Border District, Soviet-Japanese War, Far East.

К началу 1945 года обстановка на Дальнем Востоке оставалась сложной. Основную угрозу безопасности СССР представляла милитаристская Япония, продолжавшая наращивать военный потенциал в Маньчжурии и Корее. Приморский край, являвшийся приграничным регионом, имел стратегическое значение для обеспечения безопасности страны и подготовки к возможным боевым действиям. В ряде отечественных работ, в том числе и исследователей Дальнего Востока, рассматривались проблемы деятельности пограничных войск и милиции дальневосточных округов накануне и в период Великой Отечественной войны [1, 2, 3, 4].

В состав НКВД Приморского края входили пограничные войска, войска внутренней охраны, оперативные подразделения и другие специальные службы. Пограничные войска являлись основной силой НКВД, отвечавшей за охрану границы. В состав Приморского пограничного округа входили пограничные отряды, комендатуры, заставы и другие подразделения.

Численность сил НКВД в Приморском крае в годы войны претерпевала значительные изменения, связанные с изменением геополитической обстановки, и ходом боевых действий в Великой Отечественной войне, а также задачами, стоявшими перед ведомством. В предвоенный период и в первые годы Второй мировой войны происходило наращивание численности пограничных войск, а также формирование новых подразделений. Значительное внимание уделялось доукомплектованию личного состава и повышению его боевой подготовки.

Однако, соблюдается традиционная для Дальнего Востока проблема – некомплект кадров. Несмотря на подготовку к боевым действиям, укомплектовать пограничные войска НКВД согласно штатной численности так и не удалось. Особо остро ситуация обстояла с комплектом рядового и младшего начальствующего состава. Так, на период 1 января 1945 года Приморский пограничный округ имел штатную численность в 13209 человек, однако по списку было только 11249. В то время как «Ханкайский» погранотряд номер 69, в этот же период имел лишь 987 человек, вместо положенной штатной численности в 1567 человек [5, с. 117].

В отсутствии активных боевых действий охрана государственной границы являлась приоритетной задачей НКВД Приморского пограничного округа. Пограничники несли службу в сложных условиях, подвергаясь риску нападения со стороны японских диверсантов.

Сотрудники оперативных подразделений НКВД выявляли и пресекали деятельность японских агентов, направленную на сбор разведывательной информации, организацию диверсий и террористических актов.

В период подготовки и проведения боевых действий силы НКВД Приморского пограничного округа охраняли склады с боеприпасами и продовольствием, транспортные узлы, коммуникации и другие объекты, имевшие стратегическое значение.

Некоторые подразделения НКВД принимали непосредственное участие в боевых действиях против Квантунской армии. Пограничники и другие сотрудники НКВД проявляли мужество и героизм, участвуя в штурме укрепленных районов, в боях за города, населенные пункты и стратегические высоты.

Главкомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Советского Союза А.М. Василевский отмечал: «... пограничники Дальнего Востока выполняли иную задачу, чем та, которая выпала на долю защитников западных рубежей. В августовских боях 1945 г. против японских захватчиков пограничные войска первыми перешли в наступление» [6, с. 139].

В первых числах августа 1945 года командование НКВД Приморского пограничного округа получило приказ о подготовке к переходу границы с Манчжурией и ликвидации японских постов. Одним из примеров безупречного и героического исполнения приказа может служить подвиг штурмовой группы капитана Н.И. Гнедышева.

В ночь с 8 на 9 августа 1945 года пограничные заставы Приморского пограничного округа подготовили штурмовые группы, которые получили приказ: под покровом ночи, бесшумно пересечь реки Сунгач и Уссури, незаметно приблизиться к японским заставам и уничтожить японских солдат в зданиях, не дав им возможности занять оборонительные позиции.

Взводами штурмовой группы капитана Гнедышева командовали: старший лейтенант Белик, лейтенант Касаткин, младший лейтенант Жарков. Группу разведки, состоявшую из 7 человек, возглавлял заместитель начальника заставы «Марково» младший лейтенант Голиков. Группой прикрытия, также из 7 человек, командовал старшина Краснов. Всего в штурмовую группу вошли 120 человек. Группа была вооружена тремя станковыми пулеметами «Максим», шестью пулеметами РПД (пулемет Дегтярева), автоматами, гранатами, а также каждый взвод был снабжен не менее чем тремя штурмовыми лестницами для преодоления заграждений пикетов.

К 23 часам 8 августа была проведена финальная проверка готовности групп к выдвижению. В 23:30 все штурмовые группы с интервалом в 20 минут вышли на исходные позиции для ликвидации пикетов. К 1 часу ночи 9 августа все группы бесшумно пересекли реки Уссури и Сунгач и заняли исходное положение для атаки. В период с 01:00 до 01:35 все японские заставы подверглись атаке штурмовых групп пограничников. Темная и дождливая августовская ночь 1945 года была нарушена взрывами снарядов и автоматной стрельбой. К 9:30 утра 9 августа 1945 года гарнизоны противника были полностью уничтожены, а застав разрушены и сожжены.

Особенно героически сражались бойцы штурмовой группы капитана Гнедышева, штурмовавшие пикет «Сиодомидзе». Эта застава была одной из наиболее укрепленных. Подходы к нему представляли собой сильно заболоченную местность, изобилующую озерами и топкими болотами. Непосредственно перед заставой находилось 10 окопов, рассчитанных на отделение солдат в каждом. Пикет был окружен земляным валом высотой до 3 метров. Перед валом был вырыт ров глубиной 6 метров. За внешним валом располагался внутренний вал высотой до 1,5 метров, далее следовала траншея с ходами сообщения и другие оборонительные сооружения. Пикет представлял собой мощный узел сопротивления, способный выдержать длительную и упорную осаду.

Перед атакой была проведена разведка вражеской заставы. С помощью разведки удалось установить, что ворота заставы были открыты. Японские пограничники решили заманить штурмовой отряд НКВД в ловушку, предоставив возможность зайти им во внутренний двор заставы, где их бы уничтожили из заранее подготовленных пулеметных точек. Узнав об открытых воротах, капитан Гнедышев решил повести группу в обход, через земляной вал с тыловой стороны. Вал удалось преодолеть с помощью штурмовых лестниц, а затем советские пограничники спустились в траншеи японцев, где местами завязался ожесточенный рукопашный бой. Вскоре к группе Гнедышева подошло подкрепление и штурмовому отряду удалось уничтожить японский гарнизон.

Уничтожив 35 японских солдат и офицеров, группа капитана Гнедышева успешно выполнила поставленную боевую задачу [7, с. 665].

Самоотверженная служба пограничников, оперативных работников и других сотрудников НКВД заслуживает высокой оценки. Их вклад в достижение победы является ярким примером мужества, героизма и преданности Родине.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что силы НКВД Приморского края сыграли важную роль в победе в Советско-японской войне. Их деятельность по охране границы, борьбе с диверсией, обеспечению тыла и участию в боевых действиях способствовала разгрому Квантунской армии. Вклад сил НКВД в достижение победы над милитаристской Японией – это важная страница в истории органов внутренних дел.

Литература и источники

1. Шабельникова Н.А. На страже закона: дальневосточная милиция в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века (к 75-летию Великой Победы): материалы XXIII международной научной конференции. М., 2019. С. 343-350.
2. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945) / гл. ред. К.Н. Маслов. М.: Граница, 2008. 712 с.
3. Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М.: Вече, 2011. 384 с.
4. Егоров Е.П. Действия пограничных войск дальневосточных округов накануне и в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.: ГУПВ, ВШ КГБ СССР, 1965. 151 с.
5. Кондратенко Б.Б. Кадровый потенциал пограничных войск НКВД СССР на Дальнем Востоке (1939–1945 гг.) // Россия и АТР. 2019. №4 (106). С. 109-123.
6. Василевский А.М. Дело всей жизни. 4-е изд. Минск: Беларусь, 1984. 542 с.
7. Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: сборник документов / Сост. А.И. Чугунов, Т.Ф. Каряева, Е.В. Сахарова и др. М.: Наука, 1968. 708 с.

Битва за Ленинград: психологические аспекты историографии и мемуаристики

The Battle for Leningrad: Psychological Aspects of Historiography and Memoirists

Аннотация. Статья посвящена историографии Ленинградской битвы и блокады. По мнению авторов, несмотря на накопленный опыт в исследовании проблемы, в обществе по-прежнему не снижается интерес и внимание к событиям 80-летней давности, и обсуждение этой темы актуально, а новые и новые работы историков остаются востребованными.

Ключевые слова: историография, источники, мемуаристка, Ленинградская битва, блокада Ленинграда.

Abstract. The article is devoted to the historiography of the Leningrad Battle and the siege. According to the authors, despite the accumulated experience in researching the problem, interest and attention to the events of 80 years ago are still continuing in society, and discussion of this topic is relevant, and more and more new works by historians remain in demand.

Keywords: historiography, sources, memoirist, Leningrad Battle, Siege of Leningrad.

Ленинградская битва и блокада Ленинграда остаются и будут и впредь ареной идеологического, политического, историографического противоборства и не только с точки зрения отстаивания позиции традиционной отечественной и «здравомыслящей» западной историографии, но нового видения событий блокадного времени теми, кто исследует источники, давая тем или иным документам новые объективные, лишённые идеологической зашоренности оценки. Пишутся и публикуются мемуары и воспоминания. Ещё живы участники тех героических и трагических событий. Многие воспоминания, записки, дневники до сих пор не введены в научный оборот и не опубликованы.

Это противоборство будет отрицаться или не замечаться, тогда как некоторые «военно-исторические бестселлеры» будут неоднократно переиздаваться и тиражировать «новое» прочтение блокадной темы. Эти работы авторы объясняют необходимостью показа правды и поисками истины, раскрытия реалий страшного блокадного времени. Об этом нельзя было говорить в сталинское время, это казалось недопустимым или слишком резким и шокирующим после разоблачения культа личности во времена оттепели, а позже неприемлемым по этическим соображениям в период застоя, стало не очень необходимым во времена идейного противостояния общественности с «Мемориалом» и «Примирением» в перестроечное и постперестроечное время.

На сегодняшний день заложена основа восприятия историографией основных этапов и сражений Второй мировой и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и неотделимых от них, в части анализа, взаимосвязи и освещения событий, связанных с блокадой Ленинграда [1].

В современной отечественной историографии принято выделять следующие основные периоды историографии проблемы Ленинградской битвы и блокады Ленинграда:

– 1941–1945 гг. – этап историко-публицистической фиксации и описания событий битвы за Ленинград и блокады;

– 1945–1953 гг. – этап послевоенного изучения исторической наукой Великой Отечественной войны и Ленинградской битвы;

– 1954–1964 гг. – этап развития военно-исторической и социальной направленности исследований в раскрытии новых тем Великой Отечественной войны и новых пластов документов блокадного периода;

– 1965–1984 гг. – «застойный» период в развитии отечественной историографии Ленинградской битвы;

– 1985–1990 гг. – этап попыток предложить обществу «новое прочтение» истории битвы за Ленинград и блокады;

- 1991–2000 гг. – этап в развитии историографии Великой Отечественной войны, связанный с кардинальными переменами в государственном переустройстве;
- 2000–2014 гг. – этап реализации потенциала, связанного с освоением значительно расширившейся источниковой базы Второй мировой и Великой Отечественной 1941–1945 гг.;
- 2015 г. – до наших дней – этап, связанный с изменением парадигмы исторического знания в связи с воссоединением с Крымом и Севастополем и началом специальной военной операции на Украине.

К настоящему времени в отечественной историографии произошла существенная корректировка осмысления событий кануна и первого этапа Второй мировой войны, основанная на новых данных конкретно-исторических исследований, статистическом материале и т. д.

Сегодня историки предпочитают рассматривать противоречия между ведущими мировыми державами через призму геополитики, исследующей роль природно-географического фактора в формировании политики и военной стратегии государств. Цели Германии в отношении Советского государства далеко выходили за рамки борьбы идеологий и включали уничтожение государственности, культуры народов СССР и уничтожения народов Европы [2].

Оценивая большой вклад, накопленный в исследовании проблемы отечественной и зарубежной историографией в изучении истории блокады Ленинграда, изложим некоторые сюжеты в освещении этой темы, которые представляются нам совершенно неприемлемыми и искажающими историческую правду о трагической странице истории нашей Родины.

1. Попытка навязать принципиально иной взгляд на историю Ленинградской битвы, придав ей значение локального, второстепенного фактора Великой Отечественной войны [3, с. 154; 4, с. 48–53; 5; 6].

2. Снятие с Германии и немецкой армии вины за развязывание войны и связанных с ней страданий советских людей. Обосновывается, что цели войны – это личные желания Гитлера, а страдания, причиненные ленинградцам, находящимся в блокаде и на временно оккупированной территории – вынужденные обстоятельства [4, с. 48–53; 7, с. 239–252; 8, с. 104–105; 9, с. 193, 10, с. 120; 11].

3. Обвинение в адрес руководства города: в неспособности управления; в неспособности наладить быт и обеспечить население в условиях военного времени всем необходимым; в причастности к взрывам важнейших государственных и культурных объектов и др. [4; 12, с. 29].

4. Непомерно высокая цена победы, обусловленная неумением командовать, неумением организовать оборону, «безуспешными» и бессмысленными попытками советского командования деблокировать город в течение длительного времени [4; 13, с. 23–108; 14, с. 412–416; 15, с. 216].

5. Героизм жителей блокадного Ленинграда объяснялся не столько личными качествами, сколько проводившейся «профилактической работой» НКВД на фронте и в блокадном городе, создававшей отсутствие альтернативности выбора [13, с. 23–108; 14, с. 412–416; 15, с. 216].

6. Напрасность жертв и разрушений Ленинграда, который мог стать «Русским Парижем – открытым городом», спасенным от варварского разрушения, на который его «обрекли стойкость бойцов и жителей, оборонявших колыбель революции» [9, с. 219].

7. Финский аспект – желание, вопреки документам и фактам, обелить Финляндию и маршала Маннергейма и снизить их вину и ответственность в организации блокады Ленинграда [2, с. 167–171].

Таким образом, более чем 80-летний период, отделяющий нас от рассматриваемых событий, зримо показывает, что не исчерпана глубина, многогранность и спектр возможностей изучения темы блокады и битвы за Ленинград. Хотя большинство современных исследований развивают ее в направлении детализации тех или иных аспектов, значимость блокадной тематики от этого не снижается, а приобретает перспективу в вопросах

сегодняшнего современного прочтения источников и, тем более, восприятия будущими поколениями.

Не вызывает сомнения, что при всей очевидности объективного изучения прошлого, не следует забывать, что история обладает огромным идеологическим и воспитательным фактором. Мы не вправе придавать ей мазохистического толка, характерного для историографии 1990-х – первой половины 2000 гг., так как историческое знание способствует формированию единства нации, ее уверенности в своем прошлом, настоящем и будущем. Особенно это важно для подрастающего поколения, чье мировоззрение еще не сформировалось.

Важная роль в решении данной задачи принадлежит мемуаристике. Мемуары – ценнейшие источники правды. Блокадные дневники, воспоминания, письма, многие из которых публикуются только сегодня, будут способствовать формированию правильного знания о героической и трагической странице нашей отечественной и всеобщей истории.

Мощным импульсом к расширению научно-исследовательской работы и изданию трудов отечественных историков служат юбилейные даты, непосредственно связанные с событиями Великой Отечественной войны и битвы за Ленинград и блокады. Изданные труды подготовлены в основном с использованием значительного комплекса отечественных и зарубежных архивных документов и материалов, вводимых в научный оборот впервые [5].

Они существенно дополняют историографию блокадного периода Великой Отечественной войны на основе современных подходов к ее изучению.

Празднование 80-летнего юбилея полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады и 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, также не должно стать исключением из правил и стать мощным импульсом развития темы Ленинградской битвы и героической блокады Ленинграда.

Литература и источники

1. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. 848 с.
2. Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб. Хельсинки, 2002. 300 с.
3. Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в информационной войне. СПб: ГОУВПО РПА Минюста России, 2008. 211 с.
4. Бешанов В.В. Ленинградская оборона. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2005. 480 с.
5. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб: «Полигон», 2004. 768 с.
6. Фролов М.И. Блокада. Битва за Ленинград. Мифы. Легенды. Реальность. Москва: АСТ, 2014. 316 с.
7. Клинге А. 10 мифов о Гитлере. М.: Яуза-пресс, 2010. 288 с.
8. Лебедев Ю.М. Ленинградский «Блицкриг». На основе военных дневников генерал-фельдмаршала В. Р. фон Лееба и генерал –полковника Ф. Гальдера. 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2011. 460 с.
9. Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: «Изо-графус», «Эксмо», 2003. 560 с.
10. Стахов Х. Трагедия на Неве. Неизвестные страницы блокады Ленинграда. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2012. 382 с.
11. Фролов М.И. Блокада. Битва за Ленинград. Мифы. Легенды. Реальность. Москва: АСТ, 2014. 316 с.
12. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб.: Петроцентр, 2015. 240 с.
13. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. В 2-х томах. Кн. 1. СПб: «Нева»/М.: «Олма-пресс», 2002. 448 с.
14. Яров С.В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. – СПб.: Русская тройка, 2012. – 602 с.

15. Ковальчук В.М. 900 дней блокады. Ленинград, 1941–1944. СПб.: Дмитрий Булавин, 2005. 234 с.

День Победы: этапы становления наименования праздничного дня

Victory Day: the stages of formation of the name of the holiday

Аннотация. В статье делается обзор истории становления наименования праздничного дня 9 мая, рассматриваются примеры современных неофициальных названий. Автор рекомендует в ходе организации и проведения ежегодных праздничных мероприятий использовать официальное название нерабочего праздничного дня 9 мая – День Победы, а также предлагают установить дни воинской славы, в ознаменование победы России в Северной войне (1700–1721) и Отечественной войне 1812 года.

Ключевые слова: День Победы, государственный праздник, день воинской славы, наименование.

Abstract. The article provides an overview of the history of the formation of the name of the May 9 holiday, and examines examples of modern unofficial names. The authors recommend using the official name of the non-working holiday on May 9, Victory Day, during the organization and conduct of annual festive events. They also propose to establish days of military glory to commemorate Russia's victory in the Northern War (1700–1721) and the Patriotic War of 1812.

Keywords: Victory Day, state holiday, Day of military glory, name.

В мае 2025 года в России прошли многочисленные праздничные и памятные мероприятия, приуроченные к юбилею Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. План официальных мероприятий включал около двухсот событий, среди которых основными стали военные парады с привлечением вооружения и военной техники, использованием копий официального символа Победы советского народа в Великой Отечественной войне – Знамени Победы, традиционные акции «Свеча памяти», «Сад памяти», «Георгиевская ленточка», «Бессмертный полк», тематические выставки, всероссийские и международные фестивали, акция «Бессмертный полк Онлайн 2025» и др.

В ходе торжеств вместо официального названия праздника 9 мая – «День Победы» – часто использовалось наименование «День Великой Победы».

Напомним, что в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года день 9 мая был объявлен «ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ» [1]. Но в победном мае 1945 года звучали и другие варианты наименования праздника. Так, на страницах газеты «Красная звезда» в статье «Праздник Победы» использовалось также более привычное для нас название: «Сегодня день всенародного торжества – Праздник Победы <...>. Празднуя сегодня День Победы, мы низко склоняем свои головы перед теми, кто не дожил до великого торжества» [2].

Помимо официально утвержденного названия, в прессе и речах можно было встретить и другие наименования. В обращении к народу И.В. Сталин говорит о празднике так: «Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день победы над Германией <...>. Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом» [3].

В Приказе Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту от 9 мая 1945 года № 369 встречается ещё одно определение праздника: «В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, – тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий» [4].

И все-таки официальным в мае 1945 года было название «Праздник Победы»: «Сегодня – день всенародного торжества – Праздник Победы, праздник завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков» [1].

В 1946 году страна отмечает «Праздник Победы» [5]. В 1947 году праздник получает наименование «День Победы над фашистской Германией» [6]. В 1948 году появляется новая формулировка – «третья годовщина со дня великой победы над фашистской Германией» [7]; в 1949 году празднуют «четвертую годовщину нашей исторической победы над фашистской Германией» [8]. С 1950 года в течение нескольких лет наиболее часто используют такие наименования праздника, как «Праздник Победы» и «День Победы» [9], а также очередные «годовщины исторической победы советского народа и его Вооруженных Сил над германским империализмом». И только в 1955 г. основной формой наименования праздника, которая сохранится на несколько десятилетий, становится «День Победы» [10].

Сегодня в соответствии с Федеральным Законом от 13.03.1995 N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» день воинской славы России 9 мая определен как «День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (1945 год)» [11]. В Федеральном законе от 19 мая 1995 г. N 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов» в первой статье приводится следующее определение праздника: «День 9 Мая является всенародным праздником – Днем Победы. День Победы – нерабочий день и ежегодно отмечается военным парадом и артиллерийским салютом» [12]. В соответствии с Трудовым кодексом России «9 мая – День Победы» является нерабочим праздничным днем [13].

Так почему же в период подготовки и празднования 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в общественном пространстве вместо официального названия «День Победы» стали использоваться другие варианты наименования праздника: «С праздником Великой Победы», «80 лет Победы», «80 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ!» [14] и др.

Возможно, тенденцию к использованию нового неофициального названия праздника задали поздравительные открытки от Президента Российской Федерации ветеранам Великой Отечественной войны. Впервые изображение на открытке сопровождалось текстом «День Победы 9 мая» в 1999 году. В 2000 году на открытках разместили подпись «55 лет Великой Победы» (печать ЗАО «Алмаз-пресс»). С 2001 года Издательство «Известия» Управления делами Президента Российской Федерации выпускало открытки с подписью «С Днем Победы!», но в 2007 году появился вариант «С Днем Великой Победы!», который стал основным на многие годы (рис. 1).

Рис.1. Поздравительные открытки от Президента России ветерану Великой Отечественной войны Л. Д. Рапопорту (коллекция А. В. Тихомирова)

В заглавии одной из книг, выпущенных в 2025 г., используются формы «80 лет Победы. Во имя Великой Победы» [15], которые вызывают вопросы.

Во-первых, следует разобраться, как правильно: «80 лет Победы» или «80 лет Победе».

Во-вторых, возникает вопрос, какой «Великой Победе» посвящен труд. Ответ на этот вопрос дает содержание книги – она посвящена Победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Однако напомним, что в 2025 г. в России отмечается два великих события: 9 мая 2025 г. – 80-летие со Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.; 3 сентября 2025 г. – 80-летие со Дня Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны [11]. И если уж мы заговорили о днях российской воинской славы, то, может быть, настало время установить ещё две памятные даты – День Победы в Северной войне (1700–1721) и День Победы в Отечественной войне 1812 года.

Подробнее остановимся на вопросе грамматической формы названия. Исчерпывающий ответ дают пользователи одного из интернет-ресурсов, ссылаясь на словарь-справочник Д. Э. Розенталя «Управление в русском языке», где в качестве правильного указан вариант «лет чему?» (не «чего?»). Правильным, таким образом, является вариант «80 лет Победе». Употребление другой формы (родительного падежа) в СМИ и в праздничной печатной продукции авторы объясняют тем, что «именно такое управление принято в названиях наград, учреждённых в юбилейные годы: медаль «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»» [16], и возражают против такого употребления: «В русском языке конструкция «... года/лет чего-либо» означает «период времени, в течение которого длится, происходит что-либо»: четыре года войны (4 года, в течение которых шла война). Получается, что конструкция «80 лет Победы» бессмысленна: она означает «80 лет, в течение которых длится победа». Но победа не может «длиться»: она пришла в 1945 году, после этого мы только отмечаем ее годовщину» [16].

Причиной ошибки, по мнению авторов, могут быть две грамматически правильные конструкции: «исполнилось 80 лет со дня Победы» (здесь ошибку вызывает пропуск формы «со дня») и «80-летие Победы».

В завершение отметим, что выбор варианта «День Победы» в качестве краткого наименования всенародного праздника «Победа советского народа в Великой Отечественной войне» осуществлен в первом десятилетии после окончания этой войны. Этот выбор сделали сами Победители – участники Великой Отечественной войны. Надеемся, что и в дальнейшем название этого праздничного дня будет оставаться именно таким – «День Победы».

Литература и источники

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. «Об объявлении 9 мая ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ» // Красная звезда. 1945. 9 мая. С. 1.
2. ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ // Красная звезда. 1945. 9 мая. С. 1.
3. Обращение тов. И. В. Сталина к народу // Красная звезда. 1945. 10 мая. С. 1.
4. Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту от 9 мая 1945 г. № 369 // Красная звезда. 1945. 10 мая. С. 2.
5. Сегодня Праздник Победы // Известия. 1946. 9 мая. С. 1.
6. Приказ Министра Вооруженных Сил Союза ССР от 9 мая 1947 г. № 24 // Известия. 1947. 9 мая. С. 1.
7. Приказ Министра Вооруженных Сил Союза ССР от 9 мая 1948 г. № 22 // Известия. 1948. 9 мая. С. 1.
8. Приказ Министра Вооруженных Сил Союза ССР от 9 мая 1949 г. № 38 // Известия. 1949. 10 мая. С. 1.
9. Приказ Военного Министра Союза ССР от 9 мая 1950 г. № 57 // Известия. 1950. 9 мая. С. 1.
10. Торжественное заседание в Большом театре СССР, посвященное Дню Победы // Известия. 1955. 10 мая. С. 1.

11. Федеральный закон "О днях воинской славы и памятных датах России" от 13.03.1995 N 32-ФЗ (последняя редакция) // RuLit. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5978/ (дата обращения: 18.05.2025).
12. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. N 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов» (с изменениями и дополнениями) // RuLit. URL: <https://base.garant.ru/1518946/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 18.05.2025).
13. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025 // RuLit. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/98ef2900507766e70ff29c0b9d8e2353ea80a1cf/ (дата обращения: 18.05.2025).
14. 80 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ! // Красная звезда. 2025. 7 мая. С. 1.
15. Во имя Великой Победы: стихи и рассказы о Великой Отечественной войне. М., 2025. 128 с.
16. 80 лет ПОБЕДЕ // RuLit. URL: https://vk.com/wall-129931201_2895 (дата обращения: 18.05.2025).

К вопросу о диалектической интерпретации понятий победы и поражения

On the issue of dialectical interpretation of the concepts of victory and defeat

Аннотация. Рассматриваются психологические аспекты победы и поражения. При этом указывается, что победа, как правило, приводит к психологической демобилизации победителей, которые полностью достигли своих целей и потому не нуждаются в продолжении конфликта. Напротив, побежденные, если они психологически не сломлены поражением, ориентированы на реванш, что предполагает их нацеленность на продолжение конфликта и тотальную мобилизацию. Глобальное отличие психологических установок побежденных и победителей может привести к диалектической смене ролей, когда нацеленные на конфликт побежденные становятся победителями, а не готовые к новому конфликту победители – побежденными.

Ключевые слова: победа, поражение, конфликт, психологические установки, демобилизация, реванш, Вторая мировая война, диалектическая смена ролей.

Annotation. The article examines the psychological aspects of victory and defeat. It is noted that victory, as a rule, leads to psychological demobilization of the victors, who have fully achieved their goals and therefore do not need to continue the conflict. On the contrary, the defeated, if they are not psychologically broken by defeat, are focused on revenge, which implies their focus on continuing the conflict and total mobilization. The global difference in the psychological attitudes of the defeated and the winners can lead to a dialectical change of roles, when the defeated, focused on the conflict, become the winners, and the victors, not ready for a new conflict, become the defeated.

Keywords: victory, defeat, conflict, psychological attitudes, demobilization, revenge, World War II, dialectical change of roles.

Понятия победы и поражения сопровождают человечество практически на всём протяжении его существования, начиная с древнейших времен. Однако вплоть до наших дней они остаются предметом активных исследований ученых самых различных специальностей. Анализ этих понятий посвящены докторские и кандидатские диссертации современных отечественных философов [1] и филологов [2], историки обосновывают интерпретации тех или иных политических событий в терминах победы и поражения [3], данные понятия подвергаются анализу в контексте конфликтологии и политологии [4], а также историософии [5].

Поскольку нельзя объять необъятное, мы остановимся на некоторых психологических аспектах победы и поражения. Ни для кого не секрет, что победа вызывает у победителя чувство эйфории, которое в моральном плане разоружает его. Он ощущает свое **всесилие** и потому утрачивает чувство опасности. Таким образом, естественным следствием победы является **демобилизация победителей**, прежде всего, психологическая. Им не нужна новая война, потому что своё они уже получили.

Рассмотрим теперь психологическое состояние побежденного. Оно совершенно иное. Если победа порождает у победителя ощущение высшей полноты **бытия**, то поражение вызывает ощущение внутренней пустоты и усталости, проистекающее из **бессмысленности** затраченных в ходе предшествующего конфликта невероятных усилий. Ведь любое действие имеет смысл только в том случае, если его цель совпадает с результатом, а не противоречит изначально поставленной цели. Здесь, подражая М. Хайдеггеру, мы можем утверждать, что **поражение – это зов небытия**. В отличие от пребывающего в эйфории победителя, побежденный погружается в бесконечное **отчаяние**, что часто приводит его к самоубийству, как поэтессу-фронтовика Юлию Друнину, которая ушла из жизни, будучи не в силах пережить распад СССР [6, с. 17].

Однако если побежденному все-таки удастся пережить ужас поражения, не сломавшись при этом морально, он выносит некий полезный негативный опыт из своего положения и

настраивается на **реваниш**, т.е. на продолжение борьбы, что предполагает **тотальную мобилизацию**, о которой писал Эрнст Юнгер накануне Второй мировой войны [7]. В данном плане последующие события в Европе, на наш взгляд, следует рассматривать, прежде всего, в психологическом ключе. С одной стороны, мы видим страны-победительницы в Первой мировой войне – Великобританию, Францию и США, которые психологически были демобилизованы и не ощущали реальной опасности со стороны гитлеровской Германии, которая в психологическом плане находилась в состоянии тотальной мобилизации и жаждала реванша. Этим отчасти объясняется «странная война» [8], которую вели Великобритания и Франция после нападения Германии на Польшу, что, в конечном итоге, привело к их сокрушительному поражению в 1940 году; при этом США оставались нейтральными и не вмешивались в конфликт вплоть до нападения Японии на Перл-Харбор.

Такова диалектика победы и поражения: побежденные, если они, конечно, не сломлены поражением, мобилизуются и учатся на своих ошибках, что рано или поздно способно превратить их в победителей, в то время как победители демобилизуются, перестают учиться, поживая на лаврах, что, как правило, влечет за собой их последующее превращение в побежденных. В этом плане положение России после Первой мировой войны было поистине уникальным: поскольку она вышла из войны на заключительном её этапе, ей не нашлось места в числе победителей. Более того, война для нее не кончилась, а продолжилась, трансформировавшись из внешней во внутреннюю, гражданскую, формальное завершение которой победой большевиков привело к противостоянию новой политической реальности в лице СССР практически со всем остальным миром, оставшимся капиталистическим.

Тем самым психологическая демобилизация страны после окончания Первой мировой войны **так и не состоялась**, что, несомненно, сыграло позитивную роль в последующих исторических событиях. Совершенно иная ситуация сложилась после окончания Великой Отечественной войны, в которой была одержана наиболее значительная победа за весь период российской истории. На волне эйфории, вызванной этой победой, разрушенная войной страна обошла США в космической гонке и провозгласила программу построения коммунизма к 1980 году, неудача которой окончательно дискредитировала эту системообразующую идею советского государства. После чего началась сравнительно медленная, но неуклонная демобилизация основной массы населения страны, что на заключительном этапе существования СССР породило у поколения, пережившего войну детьми и потому не участвовавшего в ней, нелепый миф о том, что ядерный арсенал якобы способен защитить его обладателя от любой внешней агрессии. Отсюда полная потеря чувства политической реальности, сыгравшая решающую роль в распаде СССР.

Суммируем сказанное. Всякая победа относительна. Как указывает по этому поводу Ж. Фрэнк, «победа всегда может быть пересмотрена, даже без нового конфликта, только по причине изменений, произошедших на политической шахматной доске, и медленной трансформации прежнего соотношения сил» [4, с. 60]. Идея вечного мира, провозглашенная в эпоху Просвещения, является столь же утопической, как и все остальное, периодически провозглашавшееся вечным. По этой причине обществу, как и отдельным людям, необходимо постоянно оставаться мобилизованным, осознавая **предельную хрупкость бытия**, неустойчивость любых, даже на первый взгляд самых прочных онтологических конструкций, которые в любой момент в силу рокового стечения обстоятельств могут обрушиться на наши головы, погребая нас под собой.

Литература и источники

1. Липовая Л. П. Победа и поражение (экзистенциально-онтологический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Ростов-на-Дону, 2003.
2. Смотрова Т. Г. Концепты «победа» и «поражение» в статической и динамической картинах мира. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону). Таганрог, 2005.

3. Рабинович Я. Н. Столбовский мир: победа или поражение. // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 18 (119). С. 27-39.
4. Фрэнд Ж. Победа и поражение. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 6. С. 58-66.
5. Балаклеец Н. А. Победитель и побежденный: кто пишет историю // Logos et Praxis. – 2024. Т. 23, № 2. С. 16–25.
6. Красников Г. Н. «Безумно страшно за Россию. Юлия Друнина. // Литература в школе. 2012. № 5. С. 13-17.
7. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Пер. с нем. А. В. Михайловского; Под ред. Д. В. Складнева. - СПб.: Наука, 2000. - 537, [2] с.
8. Печенкин С. В. «Странная война» как апофеоз политики попустительства западных демократий фашизму // В сборнике: Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания. Материалы Всероссийского научно-практического форума. Воронеж, 2022. С. 208-211.

«Не иметь музея – значит отнестись безучастно к доблестям своих предков»: военно-исторические музеи России XIX – начала XX вв. хранители побед и славы русского оружия

*«Not having a museum - means to be indifferent to the virtues of their ancestors»:
military-historical museums of Russia XIX - beginning of XX century as Guardians
of the victories and glory of Russian weapons*

Аннотация. Статья представляет развитие военно-исторического музейного сектора России XIX – начала XX вв. Данный музейный сектор за означенный период проходит путь от трансформации музейных собраний и коллекций, сосредоточенных в арсеналах, модель-камере, цейхгаузах, монастырях, церквях, ризницах, сокровищницах, собраниях частных лиц в музейные учреждения, выполнявшие не только функции собирания и хранения памятников и артефактов военной истории, но и научные, образовательные, просветительские и воспитательные функции, становятся трансляторами событий военной истории России молодым поколениям, участвуют в формировании ментальности народа-победителя и институтами памяти.

Ключевые слова: *военно-исторические музеи, воинские или полковые музеи, военно-музейный сектор, Музей войны 1812 г., Российский военно-исторический музей, Ратная палата, офицерские собрания, институционализация памяти войн России.*

Abstract. The article presents the development of the military-historical museum sector of Russia in the XIX – early XX centuries. During this period, this museum sector has been moving from the transformation of museum collections and collections concentrated in arsenals, camera model, storages, monasteries, churches, sacristies, treasuries, and collections of private individuals into museum institutions that performed not only the functions of collecting and storing monuments and artifacts of military history, but also scientific, educational, enlightening and pedagogical functions become translators of the events of the military history of Russia to the younger generations, participate in the formation mentality of the winning people and institutions of memory.

Keywords: military history museums, military or regimental museums, military museum sector, Museum of the War of 1812, Russian Military History Museum, Martial Chamber, officers' collections, institutionalization of the memory of the wars of Russia

Музейные институции являются местами памяти и хранителями исторической памяти нации. Россия, имеющая за плечами многовековую и богатую военную историю, хранит память о событиях многих войн в собраниях исторических и военно-исторических музеев. Период XIX – начала XX вв. стал знаковым в развитии музейного, и в том числе, военно-музейного дела в России, что способствовало расширению военно-музейной географии и музейного пространства, формированию обновленной музейной сети и карты, количественному росту музеев военно-исторического профиля, появлению новых групп и профилей музеев, их типологизации, институционализации музеев в пространстве культуры столиц и провинции. Тогда же определялось место и значимость отечественных музеев в деле формирования и сохранения военного историко-культурного наследия и памяти о доблестных победах русского оружия. Одновременно с ростом числа исторических, краеведческих, археологических, художественных, учебных, сельскохозяйственных и музеев других профилей отмечался рост численности военно-исторических музеев и оформление их профилизации. Эта часть музейного сообщества стала, пожалуй, самой многочисленной, только полковых или войсковых музеев в первые десятилетия XX в. насчитывалось более 300 (к 1914 г.) [1, с. 189; 2; 3].

Именно в пореформенный период и особенно на рубеже XIX и XX вв. активизировалось формирование военно-исторических музеев, активно прорабатывалась обществом идея создания российского военно-исторического музея и музея Отечественной войны 1812 г. Как отмечается в очерке о Музее истории таможенной службы Юга России, «не иметь музея – значит отказаться от одного из главных средств воспитания части (полкового музея – Т.К.), отнестись безучастно к доблести своих предков, положить незаслуженную печать забвения на память тех, кто кровью своею сковал славное имя части» [4]. Этот тезис приемлем и для всех военно-исторических музеев, учитывая тот факт, что все они являются институтами, хранящими память о доблести, подвигах и боевых победах предков и основных событиях военной истории, хранителями военно-исторического наследия страны.

Стремление российской, и в первую очередь военной, общественности и власти увековечить память военных подвигов предков в XIX – начале XX вв. находило масштабное воплощение в подготовке историй отдельных частей и ведомств армии, Военного министерства, а также в собирании военных памятников и создании музеев армейских частей, закреплении воинских традиций. Важное значение также имел и фактор актуализации вопроса патриотического воспитания военнослужащих армейских частей и сохранения их военно-исторического наследия, что позволяло закреплять и развивать ранее сформированные исторические практики.

Тема формирования и развития военно-исторических музеев в контексте музейного дела XIX – начала XX вв. в императорской России актуализировалась в последние десятилетия и нашла отражение в ряде исследований по их профильным группам и отдельным хронологическим периодам, что стало продолжением развития исследовательских практик дореволюционных военных деятелей и историографов и советских историков. Различные аспекты развития военно-исторических музеев нашли отражение в работах в 1990 – 2010-х гг. Н.В. Александровой, А.А. Афанасьева, С.Ю. Курносова, С.А. Каспаринской, Т.П. Спиридоновой, Е.И. Лагутиной, И.В. Хохлова, Т.Н. Ильиной и А.Н. Кайгородцева, А.М. Кузнецова, А.В. Топычанова, И.А. Третьяковой, А.М. Панченко, Д.Ю. Трошина, Л.К. Маковской, Л.П. Муромцевой, Т.А. Колосовской, В.М. Коткова, А.В. Баркова, М.В. Анисимовой, Л.П. Рудаковой, Е.Е. Дроздовой, А. Усольцева и др. Исследовалась авторами история военно-морских музеев, полковых музеев и их типовой модели, история музеев оружия, музея Главного интендантского управления, Кавказского военно-исторического музея, Государевой Ратной палаты, военных музеев русской эмиграции, музеефикация культурного наследия; военные музеи в контексте культурной коммуникации, история создания Российского военно-исторического музея, биографии выдающихся деятелей военно-музейного сообщества. Изучение опыта строительства и функционирования отечественного военно-исторического музейного сектора позволяет исследователям не только конкретизировать отдельные сюжеты и периоды его истории, но и обобщить события более чем векового периода его активного развития, а также показать место и значение данной группы музеев в процессе и контексте развития отечественного музейного дела и музейного сектор в целом в означенный период.

В наследие от предшествующего времени XIX век получил военно-исторические коллекции и собрания, арсеналы и прототипы отдельных профильных музеев - «Зал достопримечательностей», ставший в пореформенный период Артиллерийским музеем, Модель-камеру – с пореформенного времени Морской музей, 1867 г. и др. Оставлял истории этот век и передавал следующему уже множество военно-исторических музейных учреждений и достаточно представительную часть российской музейной сети и географии. Данный факт является свидетельством масштабного музейного строительства в военной сфере и стремления российского общества максимально сохранить собственное военно-историческое наследие и память о доблести и победах предков и современников. Первые десятилетия XX в. значительно умножили численность военно-исторических музеев, активизировали мероприятия по созданию национального и региональных военно-исторических музеев, по формированию новых коллекций, в том числе к юбилейным выставкам, юбилеям полков,

выдвинули новых активных музейных деятелей в военной сфере. Тенденция формирования военных собраний и музеев, определившаяся вполне к началу XIX в., когда, как отмечал известный музейевед А.М. Разгон, «наряду с памятниками, сохранившимися в монастырях, церквях, ризницах, княжеских и царских сокровищницах, собраниях частных лиц, военно-исторические коллекции, начиная с XVIII в., сосредотачиваются также в арсеналах и музеях», [1, с. 118] активизировалась в этом столетии.

Развитие военно-исторических музеев именно в XIX в. приобретает разнонаправленную векторность, включая трансформацию и новые форматы имевшихся военных музеев (музеи отдельных частей и ведомств, мемориальные музеи) [1, с. 172-188], за счет собирания и накопления памятников и предметов военной истории, и активной деятельности и инициативности представителей отечественного офицерского корпуса [2, с. 13; 5, с. 19], что также было связано с участием России в многочисленных военных кампаниях и войнах с Турцией, Ираном, Францией, Швецией, европейской коалицией в Крымской войне, участием в Кавказской войне, в присоединении Средней Азии, военными преобразованиями эпохи XIX - начала XX вв. (реформы 1860-1870-х гг. и 1905 – 1912 гг., морские реформы 1900 – 1910-х гг.), развитием армии и военного дела, военной истории.

Военно-музейный сектор получает, особенно в пореформенный период, определенный динамизм институционализации, и закрепляется в это время восходящий или прогрессивный тренд его развития, в результате его количественного роста, умножения профильности, расширения материальной базы, в том числе за счет частных и общественных, а также государственных пожертвований и сборов, умножения музейных коллекций и собраний. Результатом данного динамичного процесса стало то, что военно-исторические музеи составляли уже на рубеже веков самую многочисленную группу российского музейного сообщества, были представлены в большинстве регионов страны, вышли из столичного в провинциальное культурное пространство и становились одной из его составляющих констант.

Появление многих военных музеев в рассматриваемый период явилось также результатом реализации пассионарности части военных музейных деятелей и армейского офицерского корпуса, военно-научного сообщества (Б.В. Адамович, А.И. Григорович, В.В. Жерве, П.П. Потоцкий, Н.Е. Бранденбург, Д.П. Струков, Н.М. Баранов, Н.Н. Обручев, Н.Н. Сухотин, С.Д. Масловский, А.З. Мышлаевский, П.П. Богданович, П.В. Алабин, А.Э. фон Озаровский, М.Д. Поливанов, В.А. Потто, В.К. Шенк, С.Н. Крейтон, А.К. Баиов, Г.С. Габаев, П.П. Заблоцкий-Десятовский и др.) и включения российской общественности, в том числе представителей царствующего дома, Русского военно-исторического общества, Общества ревнителей военной истории и др., в процесс реализации музейных практик, посредством деятельности в комитетах и комиссиях, участия в формировании и пополнении коллекций и собраний, для организации выставок и музеев, их каталогизации. «Помимо научных обществ, занимавшихся изучением военной истории и сохранением памятников, были созданы официальные учреждения с аналогичными задачами. Одно из таких учреждений – «Комиссия по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен при Военно-походной канцелярии его императорского величества» под председательством В.К. Шенка» [6, с. 58]. Многие истории военных ведомств и полков [7] и воинские музеи появились тогда к соответствующим юбилеям армейских частей и важных военно-исторических дат, что постепенно было закреплено в формате традиции и практик по сохранению исторической памяти о воинских заслугах, победах и отличиях частей российской армии.

В некоторых случаях войсковые музеи были организованы как дань оформившейся современной тенденции их развития. По мнению исследователя Т.П. Спиридоновой, «к 1910-м гг. почти каждая часть стремилась организовать свой музей. Создание музеев в это время было инициировано командованием и стало своего рода модой, при этом не учитывались ни организационные, ни материальные возможности части. Музеи образовывались при объединенных офицерских собраниях, при штабах, в заштатных городках и селениях. ... С 1910 по 1914 гг. количество войсковых музеев резко возросло и превысило цифру двести, при

явном преобладании формального подхода к их устройству» [2, с. 13–14]. Труды по истории своих полков к 1914 г. имели все 16 гренадерских и 163 из 208 пехотных полков. Полковые музеи были сформированы во всех 16 гренадерских полках и в 98-ми пехотных [8; 9, с. 21].

В развитии военно-исторических музеев в XIX – начале XX вв. отмечается определенная стадийность, выделяется несколько периодов, что обусловлено как динамикой музеефикации по отдельным направлениям в военной сфере, включая процессы накопления военных артефактов и концентрации их в собраниях и коллекциях, так и процессом институционализации памяти военной истории страны в отдельные десятилетия данного времени. Как свидетельствуют количественные показатели, представлявшие развитие военно-исторических музеев, процесс институционализации памяти военных событий и военной истории в целом от десятилетия к десятилетию приобретал определенный динамизм и вариативность, что закреплялось не только в формате разработки военных историй армейских частей и подразделений, но и в развитии музейного дела в армии и расширении процесса музеефикации и мемориализации значимых военных событий, военных побед страны и их составляющих.

Первый период или дореформенный характеризуется накоплением музейных артефактов, их концентрацией в уже имевшихся музейных учреждениях, коллекциях и собраниях, созданием музейных образований при учебных заведениях (собрание памятников военно-инженерного дела при Главном Военно-Инженерном училище, с 1855 г. Военно-Инженерной академии) [1, с. 161]. В 1805 г. Модель-камера стала Морским музеем, но в 1827 г. вновь музей вновь стал Модель-камерой по решению императора Николая I с передачей музейных артефактов в Академию наук, Морской корпус, Вольной экономическое общество [10, с. 32-36; 1, с. 145; 11, с. 17-18]. Появился в этот период военный мемориальный музей - Кутузовская изба в деревне Фили под Москвой. Оружейная палата в 1806 г. по распоряжению императора Александра I стала публичным музеем. В 1855 г. было организовано отделение Модель-камеры в Кронштадте, которое просуществовало до 1875 г. С 1732 г. существовал музей одного из военно-учебных заведений - музей Первого кадетского корпуса [12]. Арсеналы (Московский, Рижский, Петербургский) являлись в дореформенный период учреждениями, хранившими и собиравшими военные памятники. Царскосельский арсенал был открыт для знакомства с собранием как музей в 1852 г.

Одновременно, в 1810-х гг., отмечается формирование идеи создания музея первой Отечественной войны – войны 1812 г., а точнее изначально создания храма-памятника, и первые попытки ее реализации. Но от появления идеи создания храма-памятника до ее реализации в полном объеме прошло 70 лет. На это время приходится также создание Военной галереи Зимнего дворца (1826 г.) [13, 14], начало строительства храма-памятника в память войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1839 г.) [15, с. 41; 16; 17], и началось формирование мемориала на Бородинском поле (1839 г.). Институционализация памяти Отечественной войны посредством реализации первоначальной идеи происходила постепенно в этот период, отмечаясь отдельными событиями в этом направлении к юбилейным датам войны. Во второй четверти XIX в. был создан один из первых войсковых музеев - Музей лейб-гвардии Преображенского полка [2, с. 13].

Этот период можно характеризовать как время формирования и развития протомузейных и отдельных музейных институтов и учреждений военно-исторического музейного сектора. По замечанию исследователя А.В. Баркова, «если в XVIII – первой половине XIX века они (военно-исторические музеи – Т.К.) представляли собой в основном хранилища образцов оружия или научно-образовательные институции, то в эпоху Александра II происходит их трансформация в полноценные публичные музеи, призванные свидетельствовать об имперском величии и стать выразителем национального самосознания» [18, с. 61]. В дореформенный период военно-исторические музеи не доминировали в количественном отношении в отечественном музейном пространстве и сообществе, приоритет в динамике оформления и развития музейных учреждений оставался за музеями историческими, археологическими и др. [19].

Второй период в истории и развитии военно-исторических музеев в XIX – начале XX вв. или пореформенный период их развития начнется в 1860-х гг. и будет уже отмечен большим динамизмом в процессе формирования военных музеев и расширением их географии, трансформацией типологии, формированием новых типов музеев (мемориальных, войсковых или полковых). Для его начального этапа характерно оформление таких музеев, (по определению исследователя А.М. Разгона, «широкого исторического профиля») [1, с. 120], как Военно-Инженерный (1867 г.), преобразование Модель-камеры в Морской музей (1867 г.) и его открытие, Артиллерийский музей (1868 г., с 1872 г. Артиллерийский исторический музей), Музей Главного интендантского управления (1868 г.), превратившийся из Магазина-склада в Интендантский музей [20]. Данные музеи представляли историю отдельных родов войск и ведомств российской армии. Музеи участвовали во всероссийских выставках пореформенного времени – Политехнической (1872 г.) [20, с. 93; 21; 1, с. 127–128], Антропологической (1879 г.), представляя свои коллекции. Материалы их музейных коллекций и собраний вводились постепенно в научный оборот, использовались при подготовке отдельных научных исследований. Музеи, таким образом, интегрировались в процесс формирования структуры отечественного научного поля и научного потенциала, включались в военно-исторические исследования, фиксируя боевые победы и подвиги русской армии и осуществляя их мемориализацию.

В 1864 г. был учрежден Петербургский музей военно-учебных заведений, в 1871 г. он стал Военно-педагогическим отделом Общего музея прикладных знаний. В пореформенный период также были учреждены Хирургический и Пироговский музей, составившие основу Военно-медицинского музея. В 1863 г. был создан один из первых учебных военно-медицинских музеев - Хирургический музей Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии [22; 23; 24]. В 1897 г. был открыт Хирургический музей Н.И. Пирогова в Петербурге.

Именно в 1860-х гг. по распоряжению военного министра Д.А. Милютина проводилась работа по упорядочению военных музеев [1, с. 165] в контексте готовившихся и проводившихся военных преобразований, т.е. происходила трансформация структуры военно-музейного сектора и самих музейных учреждений. Военно-музейный сектор приобретал возможное на тот период системное построение, отмечался процесс его дальнейшей типологизации, формировались определенные условия для его роста и развития как в количественном, так и качественном отношении, для систематизации и роста его собраний, коллекций и экспозиций, включая каталогизацию фондов, хранивших свидетельства военных побед и славы России и доблести ее героев, музеи открывались для доступа посетителей, расширялись их функции. Развитие военно-музейного сектора в этот период также обеспечивалось за счет активизации деятельности офицерского корпуса по увековечиванию памяти событий военной истории и подвигов российской армии и активизации действий государства по поддержанию военных музеев (финансирование закупок экспонатов, выделение средств на полковые музеи).

Военно-исторические музеи активно участвовали в процессе институционализации памяти и мемориализации значимых событий военной истории, истории отечественного военного дела и развития военного искусства, истории отдельных частей российской армии. В первые пореформенные десятилетия происходит организация военно-исторических музеев и в регионах страны, представлявших события недавнего военного прошлого России – Крымской войны, присоединения Кавказа и войн с Турцией и Ираном, присоединения Средней Азии; историю оружейного дела в Туле и Ижевске. Военно-исторические музеи приходят в регионы. С конца 1860-х гг. по инициативе и при содействии общественности, и в частности, участников Крымской войны, начинается формирование мемориального музея Севастопольской обороны 1854–1855 гг. Организацией музея занимался специально созданный комитет. Музей открылся в 1869 г. [25; 1, с. 172–178; 26]. В 1872 г. Севастопольский музей участвовал в Политехнической выставке [27]. Панорама «Оборона Севастополя» создавалась позднее, уже в начале 1900-х гг. к 50-летию юбилею событий художником

Ф.А. Рубо с учениками и была открыта в 1905 г. [1, с. 177–178]. К 50-летию Ижевского оружейного завода была организована экспозиция вооружения, выпущенного на заводе, а в 1887 г. был создан музей [28]. В 1864 г. в России появился предшественник Педагогического музея военно-учебных заведений – «Библиотека и центральное депо военно-учебных заведений» [29].

В 1866 г. в России появился первый войсковой музей - музей 65-го Московского пехотного полка. В 1873 г. был открыт Музей оружия на базе коллекции арсенала тульского оружейного завода [30, с. 74; 28]. С 1883 г. существовал Лермонтовский музей при Николаевском кавалерийском училище [31, с. 148]. В 1887 г. начались работы по восстановлению Кутузовской избы в Филях, утраченной во время пожара 1868 г. В 1880-х гг. был сформирован первый региональный военный музей – Кавказский военно-исторический музей (1888 г.) [32; 33; 34, с. 44; 35] - «Храм Славы» [18, с. 62], назначением которого было представление истории русско-турецких и русско-персидских войн, т.е. в значительной степени военной истории Восточного вопроса, и материалов по присоединению Кавказа к России, включая этнографические собрания. Работа шла параллельно с изданием «Кавказских сборников» Штабом военного округа на Кавказе с материалами по истории присоединения Кавказа к России и написанием полковых историй частей Кавказского военного округа (ранее Отдельного Кавказского корпуса) [34]. В 1890 г. начал формироваться Исторический музей Пажеского корпуса [36]. Как отмечает историк Н.Н. Аутова, музеи военных учебных заведений являлись и «средством формирования и сохранения корпоративных связей в кадетских и пажемском корпусах». Создание музеев осуществлялось по инициативе директора и педагогов и находило поддержку у императора [37, с. 185].

В последующие десятилетия в частях российской армии развернулся процесс организации войсковых или полковых музеев. Именно в 1890-х – 1900-х гг. процесс создания полковых музеев значительно активизировался и множился, появились многие новые музеи отдельных войсковых частей. В апреле 1891 г. был основан по решению собрания офицеров Исторический музей Гвардейской артиллерии (позже - Исторический музей лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады) при офицерском собрании 1-й Артиллерийской бригады [38; 39; 2, с. 13]. Идею создания музея сформулировал еще в 1889 г. поручик П.П. Потоцкий, и она нашла отклик в среде офицерского корпуса бригады и была успешно реализована. В 1896 г., в год столетнего юбилея, был организован в офицерском собрании полковой музей 66-го пехотного Бутырского полка. В этом же году к столетнему юбилею полка был учрежден музей лейб-гвардии Егерского полка [40, с. 27–30; 31, с. 67].

В 1898 г. были возведены музейные здания на станциях Геок-Тепе и Ката-Курган Закаспийской железной дороги. Идею создания этих музеев сформулировал генерал А.Н. Куропаткин, считавший «необходимым увековечить два исторических события, повлиявших на закрепление за Россией Закаспийского края и Самаркандской области» [31, с. 81, 82]. Музей в Геок-Тепе был возведен в память событий Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг. под руководством генерала М.Д. Скобелева [18, с. 63].

Во второй половине 1890-х гг. по инициативе общественности к 100-летию юбилею А.В. Суворова развернулось создание музея легендарного полководца, принесшего масштабные победы стране. Вопросами устройства музея занималась Суворовская комиссия, сформированная при Главном штабе. Средства на музей собирались по подписке, на них строилось здание музея в Петербурге, фонды музея были сформированы за счет пожертвований различных предметов, в том числе мемориальных. Музей был открыт в 1904 г. [1, с. 184–187]. «Этот музейный комплекс, - отмечает историк А.В. Барков, - рассматривался как часть более широкого музейно-мемориального комплекса – «храма (пантеона) славы русского оружия», [18, с. 64] русского военно-исторического музея.

В начале XX в. осуществлялось по инициативе служащих Московско-Брестской железной дороги создание Бородинского исторического музея при железнодорожной станции Бородино. Фонды музея формировались также путем сбора материалов, и «к открытию музея были собраны вещественные памятники, найденные на Бородинском поле, или имеющие

отношение к войне 1812 г... Устройство этих музеев (на поле и на станции – Т.К.) имело большое значение для края» [41; 1, с. 182].

В 1899 г. был учрежден по предложению поручика Б.В. Адамовича также при офицерском собрании Музей лейб-гвардии Кексгольмского императора Австрийского полка [42; 31, с. 50-51]. Исследователь В.М. Котков отмечает, что «справедливо будет отметить, что музей лейб-гвардии Кексгольмского полка являлся «первообразом» подобных учреждений и сильным поборником традиции любви к памятникам полковой старины» [31, с. 49-50].

В июле 1900 г. был открыт музей 81-го пехотного Апшеронского полка в канун его 200-летнего юбилея. «К юбилею полка офицеры по предложению командира полка полковника Берхмана решили создать полковой музей, который являл бы собой хранилище памятников боевой деятельности полка, а также отражал бы мирную его жизнь. Это решение было одобрено шефом полка великим князем Георгием Михайловичем. При дружной работе офицеров полка и помощи начальника 21-й пехотной дивизии, подарившего несколько предметов в музей, удалось собрать большое число достопамятных предметов» [31, с. 36]. Осенью 1901 г. было начато создание полкового музея 179-го Усть-Двинского полка в Поневеже Ковенской губ. Программа развития музея и его структура была предложена командиром полка. Тогда же, осенью 1901 г., был открыт музей лейб-гвардии Семеновского полка [43].

В этом же году был открыт полковой музей в лейб-гвардии Уланском полку. «Первые полковые музеи, как и офицерские библиотеки, создавались по «частному почину» и на денежные средства офицеров и однополчан» [44, с. 73]. Осенью 1902 г. был открыт музей лейб-гвардии Павловского полка, через год, осенью 1903 г. – музей Измайловского полка. Функционировал музей лейб-гвардии Саперного батальона. Этот музей при подготовке к 200-летию юбилею батальона в 1908 г. «приступил к организации постоянного музея военно-саперного дела в России и всего, относящегося к истории батальона» [31, с. 70]. В 1907 г. был открыт при офицерском собрании музей 86-го пехотного Вильманстрандского полка [45], идею создания которого сформулировал еще в 1900 г. полковник К.И. Курганович. В 1906 г. полк отмечал столетие со дня его образования. Музеи устраивались тогда и в некоторых российских крепостях. Офицеры Карской крепости создавали крепостной музей с весны 1903 г. [31, с. 115]. В начале XX в. активизировался также процесс создания «многочисленных музеев и коллекций военно-морских частей и кораблей» [11, с. 19].

Так постепенно, расширяя масштабность и набирая ускорение, формировалась традиция создания музеев воинских частей армии, и процесс их выборочной или единичной и, возможно, иногда спонтанной организации приобретал в 1900-х гг. более системный и упорядоченный характер. Даже было издано в 1906 г. пособие по подготовке полковых историй и устройству полковых музеев [46], что помогало офицерам армейских частей ориентироваться в вопросах формирования музейных собраний и коллекций, экспозиций и уже более целенаправленно комплектовать музейные фонды. Полки старались собирать «в свои музеи все “полковое”, не только старые регалии и мелочные сувениры боевой и мирной жизни, но и *берут на себя новую обязанность перед будущим – отмечать память о наиболее замечательных днях и людях своих офицерских обществ*. Это и есть то великое значение полковых музеев, которое они *будут* всегда иметь при воспитании молодых поколений, поступающих в полк» [46, с. 70].

На рубеже веков, по замечанию В.М. Коткова, «волна создания полковых музеев ... прокатилась по всем военным округам России» [31, с. 70; 47]. Верховная власть также включалась в этот процесс, в том числе, путем оказания финансовой помощи формировавшимся музейным учреждениям в воинских частях. «Для их организации выделялись единовременные пособия: для воинских частей, существовавших от 50 до 100 лет, – 300 руб., от 100 до 150 лет – 500 руб. и от 150 лет и более – 800 руб. ... Дальнейшее финансирование музеев состояло из ежегодного отпуска из казны в размере суммы, выделяемой на офицерские библиотеки, и отчисления 20% из годового чистого дохода

полковых солдатских лавочек и буфетов» [44, с. 94]. Формирование войсковых музеев происходило тогда и в столичных, и в гвардейских частях, а также в других частях и подразделениях армии. Процесс военно-музейного строительства продолжал идти из центра в регионы. Региональный компонент в структуре и развитии военно-музейного сектора в пореформенный период отмечался все чаще и значительно усиливался.

Инициатива и стремления полкового офицерства в части создания музеев воинских частей в это время находит поддержку, включая выделение некоторых финансовых средств, на высшем государственном уровне, что способствует росту сектора воинских музеев. Благодаря такому объединению усилий имевшиеся в полках реликвийные, исторические и документальные собрания, аккумулировавшиеся практически с момента организации полков и частей и хранившиеся в различных местах (цейхгаузы, казармы, церкви, монастыри, государственные хранилища, арсеналы), а затем и при офицерских собраниях, трансформировались в музеи, включая библиотечные собрания и архивы. При этом происходила систематизация накопленных материалов и формирование музейных фондов с их каталогизацией, что позволяло использовать их в научной работе, образовательной, воспитательной и просветительской деятельности. Многие воинские музеи обладали уникальными историко-художественными собраниями (Музей лейб-гвардии Преображенского полка, созданный во второй четверти XIX в.) [2, с. 13]. В этот период практически складывался и оформлялся и обновленный контекст, и условия, включая процесс коммеморации, для развития военно-исторических музеев, их роста и интеграции в отечественное культурное поле и мемориальное пространство, поле исторической памяти. Они становились одним из значимых элементов отечественного культурного пространства, закреплялись в нем и являлись институтами сохранения исторической памяти о военном прошлом России и славных победах русского оружия, подвигах героев, а также историко-культурного наследия.

Истории и фактография создания полковых музеев, показывают, что инициатива чаще всего исходила от руководства полка и офицерского собрания, и офицерский корпус активно включался в работу по формированию музейных собраний и коллекций, как и в изучение полковой истории. Музейные экспонаты размещались в помещениях офицерских собраний, как это было, например, с музеем 1-го гусарского Сумского Его Величества Короля Датского Фредерика VIII полка в Москве или с музеем 39-го пехотного Томского Его Императорского Высочества Эрц-Герцога Австрийского Людовика Виктора полка, основанного в 1906 г., в г. Козлове Тамбовской губ. [31, с. 38, 42].

Новый период развития военно-исторических музеев и военно-исторического сектора в целом приходился на 1900 - 1910-е гг. Это время характеризуется как дальнейшим развитием его по тем векторам, которые оформились в предшествующий период, так и определением развития в новых направлениях: работами по созданию музея Отечественной войны 1812 г. к приближающемуся столетнему юбилею, Российского военно-исторического музея «Ратная палата» и затем музеев Великой войны 1914-1918 гг. Тогда же появился частный воинский музей, в 1911 г. в Петербурге функционировал частный Конногвардейский музей, созданный известным коллекционером памятников военной старины Ф.Г. Козляниновым [31, с. 115]. «Дело создания полковых музеев в 1910-х годах все больше привлекало к себе внимание, так как все больше и больше осознавалось значение воспитательного действия музейных экспозиций на офицеров, членов их семей и солдат. Они служили хранилищем боевых реликвий полка и источником духовных сил, подвигов и славы в будущих сражениях» [31, с. 117, 122]. К 200-летию юбилею Полтавской битвы по инициативе директора Полтавского кадетского корпуса И.Ф. Павловского был создан музей Полтавской битвы [18, с. 67].

В 1909–1910 гг. реализовывалась идея создания Киевского военно-исторического музея, еще один российский регион получил свой военно-исторический музей [48]. Продолжалось создание музеев военных учебных заведений. В 1912 г. был открыт музей Орловского-Бахтина кадетского корпуса. Учебно-исторический музей был освящен в мае 1912 г. и функционировал он при Офицерской кавалерийской школе [49]. В 1914 г. был основан музей при штабе

Отдельного корпуса пограничной стражи в С.-Петербурге, действовавший несколько месяцев, военные события эпохи Первой мировой не способствовали его развитию.

На этом этапе вопросами создания военно-исторических музеев занимались как специальные комиссии и комитеты, включая таковые и в полках, так и Императорское русское военно-историческое общество (ИРВИО) с его 13 отделениями, Киевское отделение ИРВИО, Общество ревнителей военных знаний (1896 г.), Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. при Московском отделении ИРВИО. На первом съезде хранителей полковых музеев в 1913 г., созванном в Москве по инициативе Московского отдела ИРВИО рассматривались вопросы музейного строительства, включая знакомство с музеями частей войск московского гарнизона: Александровского и Алексеевского военных училищ, Перновского, Самогитского и Фанагорийского гренадерских полков. Сумского гусарского полка и 1-го Московского кадетского корпуса. И, как отмечал автор статьи о съезде, «этим были выполнены требования нашего общего принципа в армии - учить не рассказом, а показом» [50, с. 88]. На съезде был выработан и принят проект «Положения о полковых музеях и полковых исторических комиссиях», предполагавшийся к обсуждению в каждом военном округе на съездах и затем к рассмотрению его на следующем общем съезде в январе 1914 г. [51; 52].

Еще в начале пореформенного периода, в середине 1860-х гг., впервые прозвучала идея создания Национального военно-исторического музея, но она не была тогда реализована на практике [53, с. 66]. К теме создания Российского военно-исторического музея возвращались вновь и в 1880-1890-х гг. [53, с. 66]. Управляющий Интендантским музеем В.В. Штейнгель в 1881 г. вновь озвучивал эту идею. «В конце XIX века было выдвинуто предложение о создании целой системы военных музеев-памятников, увековечивающих события военной истории XVIII – начала XIX вв. Предложение встретило сочувствие в правящих кругах. Однако оставались неясными пути осуществления этой идеи» [1, с. 165-166]. В процессе обсуждения этого предложения вновь пришли к мысли о создании Российского военно-исторического музея, где была бы представлена «история военного дела и военного искусства в России». В 1900 – 1910-х гг. идея Национального военно-исторического музея получила дальнейшее развитие. Реализация данного масштабного проекта расширяла возможности институционализации памяти основных событий отечественной военной истории и доблестных побед русских солдат и офицеров.

В 1901 - 1902 гг. проект разрабатывался в Военном министерстве по распоряжению министру от 1901 г., музей предполагалось открыть к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 г. Над программой Российского военно-исторического музея работала специальная комиссия под руководством Н.Н. Обручева [1, с. 166-167]. По ряду обстоятельств работа комиссии не была завершена, она возобновилась позднее, в 1907 г. Тогда был создан комитет по устройству Военно-исторического музея при ИРВИО.

В преддверии юбилея Отечественной войны 1812 г. осуществлялась работа по созданию Музея войны 1812 г. Был создан в 1908 г. Особый комитет по устройству в Москве Музея войны 1812 г. Императором Николаем II планировался общий военный музей по увековечению памяти Отечественной войны, который, по его мнению, должен был стать хранилищем памятников всех войн, в которых участвовала Россия [53, с. 66-68]. К столетнему юбилею идея создания Музея войны 1812 г. не была реализована, хотя была проделана большая работа по подготовке его открытия: в 1912 г. была открыта панорама Бородинской битвы на Чистых прудах, выполненная художником Ф. Рубо, в 1912-1913 гг. проходила юбилейная выставка в Историческом музее, издавались каталоги, была построена музей-часовня в 1912 г. около Кутузовской избы. Процесс институционализации памяти Отечественной войны был продолжен, находя воплощение в ряде коммеморативных и мемориальных практик, а также и практик музеефикации.

Идея создания Национального военно-исторического музея получила начало воплощения, хотя и с временным отставанием от создания Национального исторического и Русского художественного музеев, в 1913 г., когда в Царском Селе началось строительство на

частные пожертвования здания музея – Государевой Ратной палаты. Большая часть средств на этот музей в сумме 365 тыс. руб. и документальное собрание по истории русских войн в количестве 1300 ед. в 1911 г. пожертвовала Е.А. Третьякова, жена одного из основателей Третьяковской галереи в Москве, Городского головы в 1877 - 1881 гг. – С.М. Третьякова [54; 55], продолжавшая семейные традиции благотворительности. Строительством музея занимался Совет по сооружению Палаты Хранилища Собрания «Войны России». Однако в ходе Первой мировой войны было принято решение о создании здесь музея Великой войны, так ее называли современники., т.е. этот музей формировался непосредственно в процессе войны. Была создана и работала Комиссия для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны [56, с. 17]. И с конца 1916 г. действовали уже два музея Первой мировой войны – в Петрограде и в Царском Селе – Государева Ратная палата как музей Великой войны. Институционализация памяти Первой мировой войны проводилась достаточно активно, начиная с 1915 г. [57, с. 80-82; 58].

Стадиальность развития военно-исторических музеев в XIX – начале XX вв. включала три этапа: дореформенный (1800 – 1850-е гг.), который можно обозначить как протомузейный, подготовительный и накопительный, период формирования военно-исторических коллекций и собраний, ставших позднее основой музеев, как этап начала расширения музеефикации и мемориализации военной истории, а также время понимания необходимости создания музея Отечественной войны 1812 г.; второй этап – пореформенный (1860 – 1900-е гг., с выделением 1860 - 1880 гг.; 1890 – середина 1900-х гг.), как этап реализации коммеморативных практик и институционализации памяти войн России и истории армии посредством музеефикации и мемориализации, а также и одновременно это был этап активизации этих процессов. Третий период – начало XX в. (середина 1900 - 1910-е гг.) - как этап широкой реализации военно-исторической музеефикации на всех уровнях от войскового или полкового музея [59] и музея военного корабля до музея Великой войны или Первой мировой и Национального военно-исторического музея. Первая мировая война и революции 1917 г. прервали этот динамичный процесс расширения военно-музейного сектора и определили иные тенденции и направленность его развития.

Развитие военно-исторических музеев происходило в русле основных тенденций развития отечественной культуры и музейного дела [60], которые отмечались в XIX - начале XX вв., в русле активной музеефикации в стране (хотя и с определенным опережением в количественном отношении на некоторых исторических этапах), когда шло расширение музейной сети в столицах и регионах, когда музеи становились институтами сохранения культурного наследия и исторической памяти, включались в процесс коммеморации. Военные события этого периода, юбилеи прошлых войн и юбилеи отдельных частей армии, стремление общества увековечить боевые подвиги и армейские традиции активизировали процесс их мемориализации и музеефикации, активизировалась деятельность современников по сохранению событий военной истории, памяти героических свершений прошедших войн и военных кампаний. Частная и общественная инициатива, активизировавшаяся после Отечественной войны 1812 г., когда собирались военные артефакты и трофеи, и особенно в пореформенный период, все чаще находила отклик и поддержку во властных структурах.

Военно-исторические музеи развивались в означенный период в парадигме: от собраний военных раритетов и артефактов до музеев отдельных родов войск и ведомств (1860-е гг.) и затем до региональных и мемориальных военно-исторических музеев и войсковых (полковых) музеев (1890 – 1910-е гг.) и далее до музеев отдельных значимых для России военных событий и отечественных войн и Национального военно-исторического музея (1900-1910-е гг.). И уже в пореформенный период военно-исторические музеи составляли значимый компонент культурного и мемориального пространства страны, ее историко-культурного и образовательного потенциала, сохраняя память о военном прошлом и воинских традициях армейских частей, включаясь в процесс сохранения отечественного военно-исторического и культурного наследия, в поле формирования кода победы и ментальности народа-победителя. «Именно музеи, - отмечает исследователь Барков, - особенно военно-исторической

направленности, становятся в то время ключевыми институтами исторической политики, ведь предметы старины благодаря своей наглядности лучше всего могут свидетельствовать о прошлых военных достижениях, позволяя каждому соприкоснуться с ними. Военно-исторический музей теперь не просто хранилище предметов для образовательных целей: акцент смещается на просвещение в области истории и прославление великих деяний предков. Это определило и общие тенденции в развитии музейного дела» [61, с. 23].

По ряду объективных обстоятельств в начале XX в., к столетнему юбилею, не удалось в полном объеме реализовать идею создания Музея войны 1812 г., хотя мемориализация и музеефикация ее событий нашли воплощение в отдельных предъюбилейных и юбилейных мероприятиях. Музей второй Отечественной войны или Великой войны (1914-1918 гг.) в Ратной палате был создан еще в ходе войны и функционировал в Царском селе до 1918 г., и еще один музей этой войны работал в Петрограде. Незавершенным в связи с военными и революционными событиями оказался и проект создания Военно-исторического музея России. Часть военно-исторических музеев обретут вторую жизнь после революций и Гражданской войны в советской России [56] и в русском зарубежье [62; 63; 64; 30]. Музей Первой мировой войны вернулся в Ратную палату в год столетнего юбилея начала войны в 2014 г., а музей первой Отечественной войны 1812 г. принял посетителей в год двухсотлетнего юбилея ее начала – в 2012 г. в здании Государственного исторического музея (музей в музее). В 2024 г. в Государственном историческом музее прошла выставка «Сокровища полковых музеев», представлявшая сохранившееся наследие этих музеев, когда-то так тщательно и с большим энтузиазмом сформированное представителями военно-исторического сообщества и офицерами российской армии [65].

Литература и источники.

1. Разгон А.М. Очерк истории военных музеев в России (1861–1917 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. VII. М., 1962. С. 118 -205.
2. Спиридонова Т.П. Музеи войсковых частей в дореволюционной
3. России (Становление и историко-культурное значение): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
4. Спиридонова Т.П. К вопросу изучения собрания музеев воинских частей Русской Армии. Герои Великой войны - Дмитрий Владимирович Суровцов // Россия в Первой мировой войне = La Russie dans la premiere guerre mondiale : Анализ события сквозь призму письменных источников и произведений искусства: Материалы межд. науч. конференции, Ницца, 12-14 ноября 2014 г. / Отв. ред. Л.П. Громова, Э. Метлов, В.И. Сергиенко ; Предисл. Ж. Пелегринетти. Спб., 2015. С. 245-269 .
5. Храним историю свою //Южное таможенное управление. URL: <https://yutu.customs.gov.ru/news/document/41081> (дата обращения: 01.08.2023).
6. Тихомиров А.В. Офицерские собрания в России: конец XVIII - начало XXI века: автореф. дисс. ...докт. ист. наук Спб., 2010.
7. Кузнецов А.М. Военные музеи в императорской России //Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 56-61.
8. Хохлов И. Полковые истории Русской армии: содержание, структура, оформление //Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2009. № 10. С. 64 -79.
9. Хохлов И.В. Музеи гренадерских и пехотных полков русской армии конца XIX – начала XX в. //Вестник молодых ученых. Исторические науки. / С.-Петербург. науч. центр РАН. 2005. № 1. С. 8-18.
10. Хохлов И.М Исторические традиции гренадерских и пехотных полков русской армии: опыт изучения и сохранения: 1874-1918 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2006.
11. Огородников С.Ф. Модель-камера, впоследствии Морской музей имени императора Петра Великого. Исторический очерк 1709 – 1909. Спб., 1909.

12. Третьякова И.А. Музеи Военно-Морского Флота России в XIX - XX вв.: история создания, становления и развития: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.
13. Антонов А.Н. Музей первого кадетского корпуса. СПб., 1909.
14. Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981.
15. Гусаров А.Ю. Памятники в честь победы в Отечественной войне 1812 года. Во славу ратных дел. М., СПб., 2011.
16. Муров П. Музей 1812 г. //Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 1. С. 41-42.
17. Кириченко Е.И. Храм Христа Спасителя в Москве. История проектирования и создания собора. Страницы жизни и гибели 1813 – 1931 [Фотоальбом] Сост. Г.А. Иванова. М., 1992.
18. Кириченко Е.И., Денисов А.М. Храм Христа Спасителя в Москве. М., 1997.
19. Барков А.В. Развитие системы военно-исторических музеев России рубежа XIX – XX веков //Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 60 -70.
20. Топычканов А.В. Охрана и музеефикация культурного наследия России в XVIII – начале XX века // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. – М., 2012. С. 327 -354.
21. Анисимова М.В. Музей главного интендантского управления (1868-1917) //Военно-исторический журнал. 2022. № 4. С. 86 -95.
22. Обзор коллекций артиллерийского отдела Московской политехнической выставки 1872 года с объяснениями выставленных предметов и кратким историческим очерком. СПб., 1872.
23. Каталог Хирургического музея Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. СПб., 1867.
24. Будко А.А., Грибовская Г.Л., Журавлев Д.А. Первый медицинский музей России (к 150-летию со дня создания Хирургического музея России Императорской медико-хирургической академии) //Военно-медицинский журнал. 2013. Т. 334. № 3. С. 68-72.
25. Фомин Н.Ф. "Оружейная палата" Военно-медицинской академии (к 150-летию Хирургического музея кафедры оперативной хирургии) // Оренбургский медицинский вестник. 2014. Т. II. № 3 (7). С. 73-77.
26. Алабин П. Севастопольский музей. СПб., 1869.
27. Шарабаров П.Н. Инициатива П.В. Алабина по созданию Севастопольского музея в контексте общественного подъема эпохи Великих реформ Александра II //Двенадцатые Салтыковские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Киров, 27 окт. 2016 г.). Киров, 2016. С. 66-71.
28. Московская политехническая выставка. Севастопольский отдел. Программа Севастопольского отдела состоящего под августейшим покровительством государя наследника цесаревича на Политехнической выставке 1872 года, в Москве. М., 1871.
29. Дроздова Е.Е. Музеи оружейных заводов военного ведомства России в системе артиллерийского образования. XVIII – начало XX в. // Клио. 2009. № 46 (3). С. 126-131.
30. Описание коллекций Педагогического музея военно-учебных заведений. СПб., 1891–1897. Часть 1: История / [сост. М. А. Андреев]. СПб., 1891.
31. Самарцева Е.И. Интеллигенция и военно-исторические музеи русского зарубежья //Интеллигенция и мир. 2019. № 2. С. 71-90.
32. Котков В.М. Полковые музеи и музеи военно-учебных заведений Русской армии. СПб., 2018.
33. Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. 5-е изд. Тифлис, 1915.
34. Об устройстве Кавказского Военно-исторического музея //Доклад по Военно-историческому отделу при штабе Кавказского военного округа. № 254. 3 марта 1900. г. Тифлис. Б.м., б.г.
35. Колосовская Т.А. Из опыта сохранения исторической памяти военного прошлого (по материалам Кавказского военно-исторического музея) // История и историческая память. 2014. № 10. С. 41-51.

36. Колосовская Т.А. Кавказский военно-исторический музей: от сохранения памяти к забвению // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 167-175.
37. Исторический музей Пажеского корпуса: (объявление об открытии). – Спб., 1891.
38. Аурова Н.Н. Атмосфера и быт в кадетских корпусах Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 182 -194.
39. Потоцкий П. Исторический музей гвардейской артиллерии // Русская старина. 1892. Т. 73. С. 515-517.
40. Исторический музей Л-Гв. 1-й артиллерийской бригады /Сост. заведующий ист. музеем бригады штабс-капитан В.С. Савонько. Спб., 1910.
41. Положение об Офицерском собрании Лейб-Гвардии Егерского полка. Спб., 1899.
42. Ярцев А.А. Бородинский исторический музей //Исторический вестник. 1903. Т. XCIV. ноябрь. С. 567-572.
43. Адамович А. Опись музея лейб-гвардии Кексгольмского Императора Австрийского полка. Варшава, 1907.
44. Открытие музея лейб-гвардии Семеновского полка // Русский инвалид. 1901. № 249.
45. Панченко А.М. Полковые музеи Русской армии: от офицерских библиотек к библиотекам музеев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2 (14). С. 93-104.
46. Хохлов И.В. 86-й пехотный Вильманстрандский полк (краткий исторический очерк) //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 16-18 ноября 2004 г. Великий Новгород, 2005. С. 123-132.
47. Пособие для составления полковых историй и устройства музеев /Сост. Григорович А.И. Спб., 1906.
48. Ильина Т.Н., Кайгородцев А.Н. Во имя доблести, добра и красоты. Полковые музеи России конца XIX – начала XX веков. Серия Энциклопедия русской армии. Спб., 2006.
49. Отчет Киевского отдела Императорского Русского военно-исторического общества за 1910 г. Киев, 1911. С. 51-52.
50. Иллюстрированный каталог учебно-исторического музея Офицерской кавалерийской школы. Спб., 1914.
51. Кишкин Л. Съезд хранителей полковых музеев частей Московского военного округа в Москве // Военный сборник. 1913. № 7. С. 87-102.
52. Съезд хранителей полковых музеев Московского военного округа // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1913. Кн. 5–6. С. 258–260.
53. Проект положения о войсковых музеях // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1914. Кн. 4–5. С. 292-299; 299-302.
54. Рудакова Л.П. Русский военно-исторический музей по архивным документам ВИМАИВиВС //Бомбардир. 1999. № 8. С. 66-70.
55. Трошин Д. Государева Ратная палата – музей Великой войны //Русский Мирь. 2011. № 6. С. 378–388.
56. Велиховский Л., Кандаурова Т. Институционализация памяти первой мировой войны: военно-исторический музей «Государева Ратная палата» //Res Gestae Czasopismo Historyczne. Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji educacji narodowej w Krakowie. 2015 (1). С. 238-260.
57. Александрова Н.В. Российские военные музеи в первой трети XX века: Из истории организации и деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
58. Кудрец А.С. Музеи Великой войны: проекты и перспективы //Вестник СПбГИК. 2018. № 3(36). С. 80 -84.
59. Кандаурова Т.Н. Институционализация памяти войны: музеи Отечественных войн России XIX – XX вв. // Великая Отечественная война, войны России и проблемы исторической памяти. Материалы LXVII Международной науч. конференции. Санкт-Петербург, 18 мая 2020 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. Спб., 2020. С. 99-121.

60. Афанасьев А.А. Полковые музеи русской армии – хранители воинской славы Отечества // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 326 -334.
61. Каспаринская С.А. Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII – нач. XX в.) //Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII - XX вв.) Сб. науч. тр . М.,1991. С. 8-88.
62. Барков А.В. Военные музеи в контексте культурной модернизации России XVIII – XIX веков //Культура и образование. 2019. № 1 (32). С. 17-30.
63. Попов А.В. Военные музеи и архивы русского зарубежья // Вестник архивиста. 2003. № 2. С. 209-223.
64. Муромцева Л.П. Типология российских эмигрантских музеев //Вопросы музеологии. 2013. № 1 (7). С. 49 -59.
65. Муромцева Л.П. Военные музеи и музейные коллекции российской эмиграции // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10), С. 50-64.
66. Сокровища полковых музеев //Журнал Sammlung/Коллекция. URL: <https://sammlung.ru/?p=71300> (дата обращения: 20.05.2025).

Психология гражданского человека на войне в прозе Д.А. Гранина

Psychology of a civilian at war in the prose of D.A. Granin

Аннотация. Статья представляет собой попытку рассмотрения психологии гражданского человека на войне на материале произведений Д.А. Гранина.

Ключевые слова. Д. Гранин, Великая Отечественная война, человек на войне, психология войны

Abstract. The article is an attempt to examine the psychology of a civilian in war based on the works of D.A. Granin.

Keywords. D. Granin, the Great Patriotic War, man at war, psychology of war

Даниил Александрович Гранин – писатель, инженер по образованию, участник Великой Отечественной войны и общественный деятель. Одно из главных его человеческих качеств – неравнодушие. Именно оно стало причиной его вовлеченности не только в литературную, но и в политическую, и в общественную жизнь.

К сожалению, Д. А. Гранин не оставил дневников или мемуаров. Он мог бы о многом в них рассказать, но предпринятые попытки не увенчались успехом. В книге «Заговор» он признается, что в процессе описания собственной судьбы «увлекался», «покидал себя» и принимался описывать события иначе, нежели они происходили на самом деле. Сюжет обретал необычные повороты, герои из знакомых писателя превращались в совершенно других персонажей [1, с. 38–39]. При этом произведения Гранина и есть воспоминания, только не фактические, а эмоциональные. Это осмысление своих чувств, пережитого опыта и отношения к нему.

Одной из ключевых тем в творчестве Д.А. Гранина является Великая Отечественная война. В разговоре о ней писатель откровенен и самокритичен [5, с. 81].

Когда началась война, Даниил Александрович, который тогда еще носил фамилию Герман, работал инженером конструкторского бюро №2 на Кировском заводе [5]. В ополчение его взяли только после многочисленных жалоб во всевозможные инстанции [2].

Об уровне подготовленности в общем гражданского человека, коим являлся Герман, можно судить по информации из пособия С. Н. Полторака «Военная подготовка политехников Санкт-Петербурга: Исторический очерк». В Ленинградском индустриальном институте, где учился Герман, военруком был опытный и строгий полковой комиссар И.Я. Звягинцев. [4, с. 106]. В 1939 году на факультетах Ленинградского индустриального института были созданы комсомольские роты. В ВУЗе действовали школы танкистов, медсестер, радистов, ручных пулеметчиков, автомобилистов и снайперов [Там же, с.113]. То есть уже в институте Гранин получил определенные знания и навыки, которые наверняка не раз пригодились ему на войне.

Обмундирование ополченцев отличалось скудностью – бывшая в употреблении хлопчатобумажная гимнастерка, стоптанные ботинки, обмотки, и «синие диагональные галифе кавалерийского образца». Однако Д.А. Герман не роптал и не жаловался, довольный уже только тем, что его зачислили в ополчение [3, с. 2].

В произведениях Гранина описаны сложные и противоречивые чувства, испытываемые на войне. В начале была стойкая уверенность в том, что противник в ближайшее время будет разгромлен – «так или иначе мы их раздолбаем» [3, с. 2]. Но в скором времени молодых людей постигло разочарование. Разочарование перешло в отчаяние. Отчаяние – в злобу. Злоба распространялась и на немцев, и на своих начальников, «и все же подспудно сохранялась уверенность, утруемая, исступленная» [Там же].

Еще одно сильное чувство, упоминаемое Граниным – ненависть. Она передавалась солдатам в том числе через творчество поэтов и писателей – Константина Симонова, Алексея

Суркова, Ильи Эренбурга. Об этом Д.А. Гранин писал: «Не стоит, наверное, стыдиться той ненависти к немцам, какая была в их стихах, очерках... мы ненавидели их всех, которые вторглись в нашу страну». Ненависть распространялась на всех немцев – на фашистов, на солдат, на народ. Со слов Гранина, ни он, ни боевые товарищи «не могли позволить себе разбираться: это просто солдат, а это нацист» [3, с. 8].

Однако ненависть, о которой пишет Гранин – это не продукт пропаганды или идеологии. Это личное переживание и боль. Боль за гибель страны, городов и сел. «Город за городом они захватывали: взят был Новгород, Кингисепп, Псков – города, в которых проходило мое детство, а между ними были и станции, поселки, куда мы ездили с отцом. <...> Ничего не оставалось, никакой моей России, только Ленинград, один Ленинград, и еще Москва, где был я несколько раз...» – пишет Д.А. Гранин [3, с. 8]. Такое отношение характеризует ментальность, которой обладали молодые люди военного времени, их любовь и преданность Родине.

Д.А. Гранин не боялся описывать непарадную сторону войны. Он критично относился не только к тому, кто и что его окружает, но и к самому себе. Именно поэтому он подробно и безжалостно писал о своем страхе во время первой бомбежки: «Ужас поглотил меня целиком. Гром разрыва звучал облегчающе. Я вжимался в землю, чтобы осколки просвистели выше. Усвоил это страхом. Когда просвистит – есть секундная передышка. Чтобы оттереть липкий пот, особый, мерзкий, вонючий пот страха...» [2]. События и ощущения запечатлены в тексте грубо, даже физиологично. Сложно представить, каких усилий стоило писателю воспроизвести и вербализовать жуткие воспоминания.

Близость смерти «оголяет» человека – перестают иметь значение не только достижения и статус, но и собственные убеждения и рациональность. Во время бомбежки Даниил Герман, который не был верующим и «знал всем своим новеньким высшим образованием, всей астрономией, дивными законами физики, что Бога нет», молился, оставленный один на один со смертью: «В неведомой мне глубине что-то приоткрылось, и оттуда горячо хлынули слова, которых я никогда не знал, не произносил – Господи, защити меня, молю тебя, ради всего святого...» [2].

С каждой минутой продлевающегося спасения застывший внутри Германа страх вызывал в нем все большее отвращение и стыд: «Проходили минуты, меня не убивали, меня превращали в дрожащую слизь, я был уже не человек, я стал ничтожной, наполненной ужасом тварью» [2].

Неудивительно, что некоторые ветераны недолгобливают Гранина. Его произведения разбивают общепринятые представления о войне, не дают укорениться мифическим, легендарным образам ее участников. Но важно понимать, что в стремлении Д.А. Гранина быть откровенным и рассказать свою версию событий нет ни вредности, ни вредительства. Более того, наделенный явным писательским даром, он просто не мог игнорировать тему войны, которая, безусловно, оставила в его памяти и судьбе глубокий след.

Д. А. Гранин открыто писал о пережитых чувствах, не скрывая «неприглядной» и «негероической» стороны своей личности. Эмоциональная реакция на его произведения говорит о том, что писателю удалось задеть читателя за живое, всколыхнуть то, что не каждый хочет замечать как в себе, так и в людях вокруг.

Самое главное, что описанные Граниным многочисленные эпизоды, случаи, истории позволяют увидеть и как следует рассмотреть, как достигалась Победа – не в цифрах и не в статистике, хотя это тоже, безусловно, важные показатели, а каждым человеком в отдельности. Услышать не только о военных действиях, но и о внутренней борьбе, о навалившихся единомоментно потрясениях, которые остаются с человеком на всю жизнь.

Литература и источники

1. Гранин Д. А. Заговор. М., Олма Медиа Групп. 2014. 320 с.
2. Гранин Д. А. Мой лейтенант. [Электронный ресурс] URL: <https://opentextnn.ru/man/granin-lejtenant/> (дата обращения: 29.05.2025).

3. Гранин Д.А. Причуды моей памяти. [Электронный ресурс] URL: <https://dostoevskiyfyodor.ru/granikdaniel/wp-content/uploads/sites/324/2020/04/prichudy-moej-pamyati-daniil-aleksandrovich-granin.pdf> (дата обращения: 17.05.2025).
4. Полторак С. Н. Военная подготовка политехников Санкт-Петербурга: Исторический очерк. 1996.
5. Полторак С. Н. Гранин. М.: Кучково поле, 2019. 448 с.

Список участников 57-й Международной научной конференции

1. Алексеев Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва), E-mail: morehod800@mail.ru
2. Баркова Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, Высшая школа государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва), E-mail: olgabarkova@list.ru
3. Бенда Владимир Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Заведующий кафедрой естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Бокситогорского филиала (института) ЛГУ им. А.С. Пушкина (г. Пушкин, Санкт-Петербург), E-mail: bvn.1962@mail.ru
4. Дементьева Ольга Андреевна — студентка Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург), E-mail: olga.dementievva@yandex.ru
5. Долгова Анжела Валерьевна — доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, (Москва), E-mail: angela_dol@mail.ru
6. Ерошкина Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, СПбГУ, факультет Международных отношений, доцент кафедры Международных гуманитарных связей (Санкт-Петербург), E-mail: o.eroshkina@mail.ru
7. Зотова Анастасия Валерьевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений на постсоветском пространстве Санкт-Петербургского государственного университета, академик РАЕН (Санкт-Петербург), E-mail: anastasiyazotova@mail.ru
8. Иванова Наталья Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский Юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Санкт-Петербург), E-mail: i-natalii@yandex.ru
9. Ипполитов Георгий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных наук, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара), E-mail: Ippo1953@yandex.ru
10. Кандаурова Татьяна Николаевна — доцент, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), (Москва), E-mail: tanikand@mail.ru
11. Климов Владислав Дмитриевич — слушатель, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова (Владивосток), E-mail: aw.ar.13@mail.ru
12. Козлов Александр Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), E-mail: petrovich138@yandex.ru
13. Кузенкова Марина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург), E-mail: marinahistory@yandex.ru
14. Кузьмина Екатерина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Военная академия связи (Санкт-Петербург), E-mail: ohanami@mail.ru
15. Максимов Михаил Вячеславович — аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкин (г. Пушкин, Санкт-Петербург), E-mail: maximov1915@mail.ru
16. Малахова Серафима Игоревна — аспирант, преподаватель, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва), E-mail: serafimasoma@mail.ru
17. Мамедова Наилья Вагиф кызы — доктор философии по истории, доцент, преподаватель Исторического факультета Бакинского Государственного Университета (Баку, Азербайджанская Республика), E-mail: elchin.mammadov@gmail.com

18. Муксинов Константин Борисович — доцент кафедры управления войсками и организации повседневной деятельности, кандидат военных наук, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург), E-mail: mooxkb@bk.ru
19. Муллек Гаэль-Жорж — доктор исторических наук, ассоциированный исследователь Центра по изучению экономики, общества, искусства и техники (CRESAT) университета «Верхний Эльзас» (г. Мюлуз, Франция), E-mail: gael.georges.moullec@gmail.com
20. Овчарова Екатерина Эдуардовна — кандидат экономических наук, доцент; независимый исследователь, писатель, переводчик (Санкт-Петербург), E-mail: ekbs@yandex.ru
21. Оточкин Вячеслав Валентинович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), E-mail: wjach-otoch@mail.ru
22. Тихомиров Артем Валдекович — профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, доктор исторических наук, доцент, Военная академия связи (Санкт-Петербург), E-mail: at1782@mail.ru
23. Пашута Валерий Лукич — доктор педагогических наук, профессор, Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой военно-политической работы в войсках (силах), E-mail: pashuta.valery.lukich@gmail.com
24. Полторак Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина» (Санкт-Петербург), E-mail: poltorak2006@yandex.ru
25. Поярков Алексей Александрович — кандидат педагогических наук, доцент, Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах); E-mail: vifk@bk.ru;
26. Скурлов Валентин Васильевич — кандидат искусствоведения, эксперт Министерства культуры РФ, ученый секретарь Мемориального Фонда Фаберже (Санкт-Петербург), E-mail: valentinskurlov@mail.ru
27. Федулов Сергей Валентинович — профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), доктор исторических наук, доцент, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, (Санкт-Петербург), E-mail: serg.val.fed.661000@yandex.ru
28. Филатов Тимур Валентинович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Поволжской государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара), E-mail: tfilatoff1960@mail.ru
29. Фруменкова Татьяна Георгиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории XIX – XXI вв., почетный доцент РГПУ им. А.И. Герцена, РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург), E-mail: frumentat@yandex.ru
30. Ширина Елизавета Сергеевна — слушатель, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова (Владивосток), E-mail: elizaveta02@inbox.ru

Содержание

Ерошкина О.Н. Дневники В.И. Вернадского как источник изучения общественно-политических настроений советской научной интеллигенции в начальный период Великой Отечественной войны	3
Долгова А.В. Блокадные дни жителей города на Неве на страницах «Ленинградской правды»	6
Баркова О.Н. «Они приближали Победу в войне...»: женщины русского зарубежья «первой послереволюционной волны» — участницы антифашистского Сопротивления в Европе.....	9
Бенда В.Н. Нацистская политика геноцида по отношению к белорусскому народу	12
Малахова С.И. Победы и поражения участников Фронды во Франции (1648–1653 гг.).....	16
Федулов С.В., Муксинов К.Б. Психологическая готовность летчиков-разведчиков выполнять боевые задачи в Великой Отечественной войне	20
Зотова А.В., Полторак С.Н. «Продовольственный фронт» и приближение ленинградцами Великой Победы.....	23
Иванова Н.М. Военно-санитарные поезда – вклад в победу	26
Муллек Г.-Ж. Концепция Победы в исторических дебатах в СССР в конце 1980-х годов....	29
Фруменкова Т.Г. Победа в Великой Отечественной войне в восприятии герценовцев.....	32
Ипполитов Г.М. Эйфория победителей в войне как историко-психологическое явление.....	36
Мамедова Н.В. кызы. Шах Аббас I и искусство стратегии (на основе работ французских исследователей).....	39
Овчарова Е. Э. Приближали, как могли (предчувствие Победы в воспоминаниях молдавской журналистки Анны Мельник)	44
Алексеев В. В. «Победа – хозяйка на пире...»	48
Ширина Е. С. Помнить о подвиге земляков: памятник сотрудникам ОВД Приморского края, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны	53
Скурлов В.В. Ордена и медали за Победу в контексте исторической психологии (на примере ленинградской семьи).....	56
Кузенкова М.В. Память народа: руководители Ленинградской комсомольской организации в годы Великой Отечественной войны и блокады	59
Климов В.Д. Вклад подразделений НКВД Приморского края в победу в Советско-японской войне.....	63
Оточкин В.В., Пашута В.Л., Поярков А.А., Козлов А.П. Битва за Ленинград: психологические аспекты историографии и мемуаристики	66
Кузьмина Е.М., Тихомиров А.В. День Победы: этапы становления наименования праздничного дня	70
Филатов Т.В. К вопросу о диалектической интерпретации понятий победы и поражения ...	74
Кандаурова Т.Н. «Не иметь музея – значит отнестись безучастно к доблестям своих предков»: военно-исторические музеи России XIX – начала XX вв. хранители побед и славы русского оружия.....	77
Дементьева О.А. Психология гражданского человека на войне в прозе Д.А. Гранина	91

«Феномен Победы как историко-психологическое явление»

Материалы

57-й Международной научной конференции

Санкт-Петербург, 23 июня 2025 г.

Издательство «Старый город».

195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 20.

Телефон (факс): +7(931)3332009

E-mail: StartsevskaiaConference@yandex.ru

<http://clioscience.com/>

Подписано в печать ...

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная

Печать офсетная. Объем 12 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № ??????

